

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ЦЕНТР ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ
С ИБЕРОАМЕРИКАНСКИМИ СТРАНАМИ СПбГЭУ**

**ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА,
ПОЛИТИКА
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН**

**Сборник материалов
по итогам XIII межвузовской
научно-практической конференции**

Санкт-Петербург

28 ноября – 1 декабря 2025 г.

*Под редакцией доктора экономических наук,
профессора И.А. Максимцева*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2026**

- Э40 **Экономика, культура, политика Иberoамериканских стран: сборник материалов по итогам межвузовской научно-практической конференции 28 ноября – 1 декабря 2025 г. / под ред. д-ра экон. наук, проф. И. А. Максимцева. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2026. – 173 с.**

ISBN 978-5-7310-6980-9

В сборнике представлены материалы исследований участников межвузовской научно-практической конференции «Экономика, культура, политика Иberoамериканских стран», которая проводилась 28 ноября – 1 декабря 2025 г. в рамках XIII Фестиваля Иberoамериканских стран СПбГЭУ (24 ноября – 2 декабря 2025 г.). Труды авторов посвящены вопросам культурного и экономического сотрудничества России и стран ЛАКБ, политическим и культурным деятелям и их вкладу в развитие стран региона, освещению современной геополитической ситуации в странах латиноамериканского региона. Особое внимание уделено вопросам интеграционных союзов стран ЛАКБ, туризму. В сборник традиционно включены материалы исследований специалистов в области испанского языка и испаноязычных стран СПбГЭУ.

Материалы сборника могут быть полезны студентам, магистрантам, обучающимся как на экономических, так и на гуманитарных специальностях, при подготовке докладов, написании эссе, рефератов, курсовых и дипломных работ, экспертам, специалистам и преподавателям, а также широкому кругу читателей, которые проявляют интерес к странам Латинской Америки и Карибского бассейна.

ББК 70

Редакционная коллегия: **Е.А. Горбашко** – проректор по научной работе СПбГЭУ, д-р экон. наук, профессор; **Н.П. Сирота** – проректор по организационно-кадровой работе СПбГЭУ, канд. экон. наук; **Мартин Лара** – зав. кафедрой гуманитарных наук Университета Бернардо О’Хиггинса (Сантьяго, Чили), PhD; **Ю.Г. Тимралиева** – зав. кафедрой романо-германской филологии и перевода СПбГЭУ, д-р филол. наук, профессор; **Е.В. Куцубина** – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и перевода СПбГЭУ (ответственный редактор)

Economy, culture, politics of the Ibero-American countries : a collection of materials on the results of an interacademic scientific and practical conference 28 November – 1 December 2025 / under the editorship of Doctor of Economics, professor I.A. Maksimtsev. – Saint Petersburg : Publishing house of SPbSUE, 2026. – 171 c.

The collection presents research materials of the participants of the interuniversity scientific-practical conference «Economics, Culture, Politics of Ibero-American Countries», which was held in the framework of the XIII Festival of Ibero-American Countries of the UNECON (24 of November – 2 of December 2025). The papers are dedicated to the issues of economic and cultural cooperation between Russia and Latin America and the Caribbean countries, political and cultural figures, and their contribution to the development of the countries, geopolitical situation in the region. The research materials of specialists in Spanish language and Spanish speaking countries of Saint-Petersburg State University are traditionally included in the collection. The materials might become an advantage to people getting bachelor and master’s degrees in economics and human science, PhD students and young scientists, when preparing reports, writing essays and other papers as well as to experts and specialists, lecturers and practitioners and a wide range of readers interested in the aspects of Latin America and the Caribbean countries.

LBC 70

Editorial board: **Elena Gorbashko** – Vice-Rector for Scientific Affairs, UNECON; **Natalia Sirota** – Vice-Rector for Organizational and Personnel Development, UNECON; **Martín Lara** – Head of the Department of Human Sciences, Bernardo O’Higgins University (Santiago, Chile); **Yulia Timralieva** – Head of the Department of Romano-Germanic Philology and Translation, UNECON; **Elizaveta Kutsubina** – Department of Romano-Germanic Philology and Translation, UNECON (editor in chief).

ISBN 978-5-7310-6980-9

© СПбГЭУ, 2026

ПРИВЕТСТВЕННОЕ ПИСЬМО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

**Organizadores, participantes y asistentes del
XIII Festival de los Países Iberoamericanos de la UNECON
Presente**

Estimados – Estimadas:

Es un honor saludar con motivo de la décimo tercera edición del Festival de los Países Iberoamericanos, organizado por la Universidad Estatal de Economía de San Petersburgo (UNECON). A nombre de la Universidad Bernardo O'Higgins (UBO), deseo expresar nuestro reconocimiento y admiración por la consolidación de este espacio académico y cultural que fortalece los vínculos entre Rusia y los países de Iberoamérica.

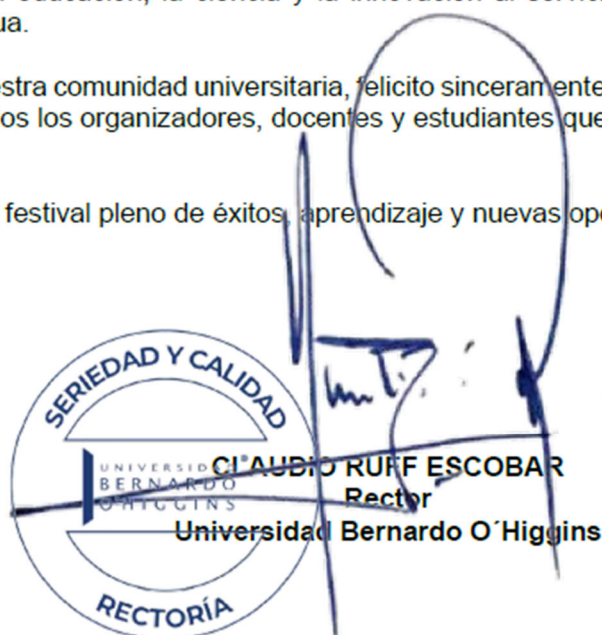
Este año el festival adquiere un significado especial, al celebrarse en el marco del 95.º aniversario de la UNECON, institución que ha sido un referente de excelencia y cooperación internacional. Nos complace profundamente que nuestros estudiantes y profesores de la UBO participen por segundo año consecutivo, contribuyendo así al intercambio de conocimientos, experiencias y valores que caracterizan esta notable iniciativa.

El Festival, junto con el Congreso Científico Estudiantil Interuniversitario, representa una plataforma privilegiada para el diálogo académico, la difusión cultural y el fortalecimiento de la amistad entre nuestras comunidades universitarias. A través de estas instancias, reafirmamos nuestro compromiso compartido con la educación, la ciencia y la innovación al servicio del desarrollo sostenible y la comprensión mutua.

En nombre de nuestra comunidad universitaria, felicito sinceramente a la UNECON por su trayectoria y agradezco a todos los organizadores, docentes y estudiantes que hacen posible la realización de este encuentro.

Les deseamos un festival pleno de éxitos, aprendizaje y nuevas oportunidades de colaboración.

Atentamente.

CLAUDIO RUFF ESCOBAR
Rector
Universidad Bernardo O'Higgins

Distribución:

- XIII Festival de los Países Iberoamericanos de la UNECON (vía electrónica)
- Rect. (arch.)

Ректор Университета Бернардо О'Хиггинса
(Сантьяго, Чили)
Клаудио Руфф Эскобар

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В современную эпоху нематериальные ресурсы приобретают всё большую экономическую значимость. Время, деловая репутация и интеллектуальная собственность зачастую оказываются важнее материальных активов для профессионального развития и карьерного роста. В последние годы в число нематериальных ресурсов начали включать и языковые навыки.

Область экономической теории языка представляет собой относительно молодое междисциплинарное направление, расположенное на границе экономики и социолингвистики. Она исследует язык и сопутствующие ему феномены как проявление универсальных экономических принципов и закономерностей. С точки зрения экономики, язык рассматривается как часть человеческого капитала, необходимого для доступа к различным рынкам (например, рынку труда) и ресурсам (информационным, коммуникационным и иным)¹.

Исследования, анализирующие языки в рамках экономических процессов, подчеркивают роль устойчивости языковых сообществ, обусловленной желанием других сообществ изучать и использовать данный язык. Количественные показатели говорящих и географическая распространенность языка напрямую влияют на мотивацию других групп осваивать язык и, соответственно, получать доступ к его ресурсам и благам.

На сегодняшний день одним из наиболее стратегически выгодных языков в этом контексте является испанский. Каждый год в октябре Институт Сервантеса – испанская неправительственная организация, созданная в 1991 году с целью содействия распространению испанского языка и культуры испаноязычных стран по всему миру – публикует отчет о роли испанского языка в мире и наглядно, с помощью цифр, демонстрирует рост его влияния².

Институт Сервантеса – крупнейшая организация в мире, занимающаяся деятельностью, целью которой является продвижение и преподавание испанского языка, распространение испанской и латиноамериканской культуры, а также поддержка филологов и исследователей испанского языка по всему миру.

¹ Куцубина Е.В. Испанский язык – новый экономический ресурс / Е.В. Куцубина // Экономика, культура, политика ибероамериканских стран. Сборник материалов по итогам межвузовской научно-практической конференции 10.12.2021 – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – С. 114-116

² El español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_25/default.htm (Дата обращения: 12.01.2026).

Согласно отчету за 2025 год:

1. В мире насчитывается более 630 миллионов человек, для которых испанский язык является родным. (Для сравнения в 2022 году их было 550 миллионов);

2. Испанский язык является третьим по распространенности после китайского и хинди;

3. Интересно, что каждый 10-ый носитель испанского языка живет за пределами испаноязычных стран; как следствие, только в странах Евросоюза проживает 45 миллионов человек, чей родной язык испанский;

4. Соответственно неуклонно растет число тех, кто изучает испанский язык – за последние 10 лет рост составил почти 40 %;

5. За последние годы испанский язык стал вторым языком после английского, наиболее распространенным в интернете;

6. Сочетание английский+испанский на данный момент является наиболее эффективным для международной коммуникации. В совокупности более миллиарда человек.

Испанский язык наращивает свое присутствие не только в численности, но и в мировом влиянии на культуру и образование.

«Испанский язык больше не является языком только испанцев» – так выразил эту мысль преподаватель испанского языка из Сенегала Ндиоро Соу, занимающийся исследованиями следов африканской культуры в испаноязычной литературе¹.

А в декабре 2021 года король Испании Филипп VI на церемонии, посвященной 70-летию Ассоциации Академий испанского языка, сказал об испанском языке так: «Nuestra lengua común es el valor cultural que más nos identifica y que suscita verdadero respeto y admiración en el mundo. El español es un idioma que hace grandes a todas nuestras naciones. ...»²

Кроме того, испанский язык, рассматриваемый как нематериальный ресурс, обладает характером экономически выгодного и устойчивого актива. Он не истощается посредством постоянного использования и не подвержен обесцениванию, как происходит с материальными товарами. Напротив, с увеличением интенсивности использования возрастает его ценность.

¹ África también puede apropiarse del castellano, moldearlo y aprovecharlo. El País. 26.11.2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elpais.com/planeta-futuro/africa-no-es-un-pais/2021-11-26/africa-tambien-puede-apropriarse-del-castellano-moldearlo-y-aprovecharlo.html#:~:text=%E2%80%9CEl%20espa%C3%B1ol%20ya%20no%20es,del%20Instituto%20Cervantes%20de%20Madrid&text=Los%20acercamientos%20se%20vuelve n%20frecuentes> (Дата обращения: 15.01.2026)

² El Rey defiende «la unidad de la lengua» como «el valor cultural que más nos identifica». El ABC, 10.12.2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.abc.es/cultura/abci-defiende-unidad-lengua-como-valor-cultural-mas-identifica-y-suscita-verdadero-respeto-y-admiracion-mundo-202112101253_noticia.html (Дата обращения: 15.01.2026)

Степень принадлежности к определенной лингвистической группе увеличивается в зависимости от её размера. Язык не является товаром, подлежащим купле-продаже, у него отсутствуют издержки на производство, а затраты на доступ к нему минимальны. После овладения языком дальнейшие расходы на его использование и доступ не требуются.

Однако у специалистов в области испаноязычных стран довольно сложная задача. Для того, чтобы эффективно работать в испаноязычных странах, недостаточно владеть языками. Каждая страна Латинской Америки обладает своей уникальной синкретической культурой, накладывающей отпечаток на образную систему, манеру поведения и, самое важное, способ ведения дел. Для взаимодействия с такими культурами необходимо понимать, каковы составные элементы их идентичности. И возможно это только со знанием языка.

В заключение, стоит отметить, что владение испанским (или испанским и английским) открывает огромные перспективы на рынке труда, особенно в сфере международных компаний, туризма, дипломатии и образования. В условиях глобализации знание испанского становится ценным конкурентным преимуществом, позволяющим специалистам расширять свои профессиональные возможности и укреплять позиции на международной арене. Таким образом, изучение испанского языка представляет собой стратегически важный инвестиционный шаг для будущего карьерного успеха.

Старший преподаватель кафедры романо-германской филологии
и перевода Гуманитарного факультета СПбГЭУ,
член правления Ассоциации испанистов Санкт-Петербурга,
руководитель Центра по сотрудничеству
с Иberoамериканскими странами СПбГЭУ
Е. В. Куцубина

РАЗДЕЛ 1. Секция «Культура»

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИБЕРОАМЕРИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 388.486.1.025

Абрамкина А.И.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Гуманитарный факультет
Группа Л-2206
Науч. рук.: Мельникова А.В.

ХАМОН КАК ОБЪЕКТ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: ВИДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА

Хамон занимает важное место в гастрономической культуре Испании и является одним из наиболее узнаваемых блюд национальной кухни. При приготовлении вяленого окорока используется особая технология и соблюдаются различные традиции. Хамон является визитной карточкой страны, привлекает интерес туристов и всегда присутствует на праздничных столах испанцев [5].

Европейцы всегда намеревались сохранить продукты пригодными для употребления в пищу как можно дольше, что стало первым импульсом для создания технологии приготовления хамона.

Виды хамона

Существует два вида хамона, изготавливаемого в Испании: Серрано (Serrano) и Иберико (Ibérico) [1].

При производстве хамона Серрано используется мясо белых свиней, которых, в основном, откармливают сухими кормами, а их рост зачастую стимулируется. Жир в таком виде хамона более твердый с типичным белым оттенком, иногда с легкой желтизной, а мясо имеет светло-розовый цвет. Отличается более высоким уровнем содержания натрия, вредного для людей с высоким артериальным давлением.

Хамон Иберико считается самым ценным и дорогим видом хамона. Его цвет может быть разнообразным: от нежно-розовых оттенков до насыщенно пурпурно-красного цвета с волокнистой структурой и жировыми прожилками. Жир имеет цвет слоновой кости с маслянистой и мягкой консистенцией. Аромат более насыщенный, чем у хамона Серрано, а цена выше практически вдвое в силу уникального метода производства [4].

Существует два варианта диеты, по которым осуществляется откорм иберийской породы свиньи:

1. Бейота (Bellota) – откармливание происходит только желудями;

2. Ресебо (Resebo) – рацион животного включает в себя желуди и фураж (фураж – растительный корм для скота, включающий зерно и грубые корма [3]) [2].

Хамон Иберико приобретает особые вкусовые и ароматические свойства, поскольку в плодах дуба содержится высокая концентрация моно- и полиненасыщенных жиров, что оказывает позитивное влияние на сердечно-сосудистую систему, способствуя ее укреплению и предотвращая соответствующие заболевания. Так, специфический аромат хамона объясняется наличием в желудях особых эфирных масел.

В народе хамон Иберико называют «черная нога». Существует устойчивое выражение «*ser de pata negra*» (дословный перевод звучит как «быть из черной ноги» (перевод наш)), которое применяется при указании наивысшего качества чего-либо, а также может использоваться для описания достойных и надежных людей [6]. Данное выражение впервые стали употреблять сами производители хамона для обозначения лучших вяленых окороков, которые по своему происхождению отличались темным оттенком мяса и черными копытами [2].

Технология производства хамона

Свиней разных пород принято забивать в разное время года. Так, свинопороды иберийской породы обычно режут в январе или феврале, когда она уже набрала на природных пастбищах необходимый вес, в то время как белую свинью – 11 ноября (в День святого Мартина по церковному календарю) [2].

По завершении забоя, чтобы мясо не испортилось, из туши спускают всю кровь, которую в дальнейшем используют для приготовления кровяной колбасы – морсильи. Перед тем как мясо успеет остыть, тушу разделяют на части и помещают в холод (около 0°C) на 1-2 дня. Затем приступают к первичной засолке: в окорока обильно втирают соль со всех сторон, после чего необходимо оставить мясо в таком виде на 1-2 дня. Продолжительность просолки определяется массой продукта. Согласно испанской традиции на каждый килограмм мяса требовалось 2 дня соления, в нынешнее же время затрачивается 1 день, именно поэтому современный хамон стал менее соленым на вкус. Следующим этапом в приготовлении хамона является просаливание: соль нужно еще раз равномерно распределить по всей массе окорока и оставить мясо на 50-90 дней для полной пропитки [2]. По достижении нужной концентрации соли, мясо промывают горячей водой и спустя 48 часов помещают в условия повышенной влажности и температуры около 3-6°C, что способствует равномерному просаливанию и умеренному снижению влажности продукта. Далее мясо необходимо поместить в камеру с повышенной температурой и пониженной влажностью. Данный этап называется сушка и может длиться от 6 до 10 месяцев и более. Заключительным этапом в приготовлении хамона является этап дозревания, в ходе которого формируются характерные ароматические и вкусовые качества.

Хамоны помещают в специальные погребы и находятся под постоянным контролем. Готовность хамона определяют путем периодической дегустации, которую проводят опытные мастера. Длительность созревания зависит от двух факторов: массы окорока и рациона свиньи. Так, хамон из белой свиньи зреет примерно полгода, в то время как свиньи, откармливавшиеся только желудями, от года до трех и более лет. При этом нельзя допустить превышение рекомендованных сроков вяления, поскольку это негативно сказывается на вкусовых качествах хамона, а именно приводит к увеличению солености или появлению горьковатого послевкусия [2].

Вес готового хамона составляет 7-8 килограмм, включая кость, в то время как масса одного мяса – 5 килограмм.

Также следует подчеркнуть, что на вкусовые характеристики хамона влияет факт того, на каком боку свинья предпочитала лежать больше. Так, та часть, на которой свинья лежала чаще, получается более сухой.

Однако, технологии приготовления хамона могут отличаться в силу местных традиций в разных частях Испании [1].

Производство хамона в современности

Новые веяния в изготовлении хамона обусловлены не только производственными и экономическими факторами, но и фактором общественной морали.

Сегодня к содержанию и забою животных предъявляют строгие требования – животные должны содержаться в максимально комфортных условиях. Необходимо исключать факторы стресса, обеспечивая отдых в специализированных помещениях и применяя электрооглушение перед забоем. Данные правила обусловлены двумя основными причинами: во-первых, необходимостью соблюдения этических норм защиты животных от жестокого обращения, во-вторых, убеждением, что отрицательные эмоции перед смертью могут негативно повлиять на вкусовые качества мяса [2].

Таким образом, хамон является значимым культурным феноменом, традиции и история которого уходят корнями в далекое прошлое. Производство данного деликатеса объединяют многовековые навыки, передающиеся от поколения к поколению. Гастрономические особенности Испании способствуют формированию национальной идентичности и продолжают привлекать туристов благодаря региональному разнообразию.

Список источников:

1. Курбанова М.Г. Мясные деликатесы Испании – особенности и технологии / М.Г. Курбанова, Р.А. Ворошилин, В.С. Арустамян // Все о мясе. – 2021. – №1. – С. 12-15.
2. Кожановский А.Н. Испанский хамон: историко-культурный аспект / А.Н. Кожановский // Этнографическое обозрение. – 2020. – №4. – С. 31-41.

3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб: Авторская редакция, 2000. – 1536 с.
4. Чебакова Г.В. Оценка качества хамона разных производителей / Г.В. Чебакова., С.А. Страхова, И.А. Зачесова // Сборник статей IV Международной конференции «Проблемы идентификации, качества и конкурентоспособности потребительских товаров». – 2015. – С. 145-149.
5. Kudriavtseva I. Viaje culinario con matiz del lenguaje de un gatórnomo por España / I. Kudriavtseva // Iberoamerican papers. – 2014. – №1(3). – P. 151-156.
6. Takenaka A. ¿Por qué el jamón se ha convertido en un icono culinario de España? // Huffingtonpost. 18.04.2017. https://www.huffingtonpost.es/entry/por-que-el-jamon-se-haconvertido-en-un-icono-culinario-de-espa_es_5c8abfd6e4b0f374fa99cc20

УДК 388.486.1.025

Фёдорова Н.А.
Государственный университет управления
Магистерская программа: Гостиничная деятельность и ивент-сервис
Группа ГДИС 1-1
Науч. рук.: проф., д.э.н. Жукова М.А.

ИСПАНСКИЕ ПАРАДОРЫ: ОСОБЕННОСТИ ГОСТИНИЧНОЙ МОДЕЛИ И ЕЁ ВКЛАД В СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Путешествие по Испании всегда неизбежно связано со встречей с её многослойной историей: крепостями, монастырями, дворцами, которые на протяжении веков сохраняли память о событиях, людях и культурных традициях. Однако с течением времени многие из этих памятников архитектуры, утратив свои первоначальные функции и не имея средств на поддержание, оказались в критическом положении – они были обречены на медленное разрушение или полное забвение, оставаясь лишь немymi символами прошлого без надежды на будущее. Спасительной инициативой стал государственный проект, предлагающий подарить новую жизнь пустующим историческим зданиям через их адаптивное использование в качестве современных средств размещения высшего класса. Речь идет о сети отелей «Paradores de Turismo de España», или просто «Paradores», которые предлагают путешественникам уникальную возможность перенестись в прошлое и при этом насладиться современной роскошью.

Первый парадор – Parador de Gredos, расположенный среди гор Сьерра-де-Гредос в королевском охотничьем поместье, – появился в 1928 году при испанском монархе Альфонсо XIII [1]. Первоначально отель задумывался не как способ сохранения истории, а с целью показать туристу уникальность и очарование удаленных районов страны, привлечь туристический поток в испанскую глубинку, а не на популярные пляжные курорты Испании. В 1930 году был открыт отель Parador de Santiago de Compostela, расположенный в паломническом госпитале XVI века. Именно он стал культовым символом сети отелей Paradores, поскольку предлагал не только роскошный отдых, но и погружал туриста в духовную атмосферу Пути святого Иакова. Так было положено начало стратегии, направленной на сознательное спасение и адаптивное использование памятников архитектуры в гостиничном секторе. В последующие десятилетия были отреставрированы десятки разных объектов: от суровых средневековых замков, таких как Parador de Cardona в Каталонии, построенный в IX веке, и роскошных ренессансных дворцов, например, Parador de Argómaniz, до памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО, таких как Parador de Granada, расположенный в самом сердце легендарной Альгамбры в здании бывшего монастыря [6].

С точки зрения сохранения наследия, модель демонстрирует выдающиеся результаты. Многие из принадлежащих ей зданий до реконструкции находились в аварийных состояниях или были полностью заброшены. Государственные инвестиции в восстановление одного исторического здания и адаптация под современный отель могут достигать нескольких миллионов евро. Однако эти затраты окупаются не напрямую, а через комплексный социально-экономический эффект, ведь государство, по сути, не финансирует музейное содержание памятника, а инвестирует в создание самоокупаемого культурно-экономического актива. Так, здание не просто сохраняет свой первоначальный вид и консервируется, оно поддерживается в идеальном состоянии, а его история становится частью личного опыта для сотен тысяч туристов ежегодно. Следовательно, парадор возвращает историческому объекту его социальную функцию как места притяжения людей, и вот заброшенный монастырь снова становится местом паломничества, пусть и в новом, туристическом формате.

На сегодняшний день сеть объединяет 98 отелей в Испании, включая одну франшизу в Португалии. Это 98 спасенных от забвения памятников, которые буквально представляют из себя «живой музей», где турист может прочувствовать весь шарм ушедших эпох, стать их частью. Так, гостя окружает подлинная атмосфера прошлого: стены, в которых останавливались рыцари, короли или паломники, подлинные старинные фрески, гобелены эпохи Возрождения, расписные деревянные потолки,

картины и рыцарские доспехи. Даже предметы мебели зачастую являются не репликами, а антиквариатом. Более того, сама концепция парадоров – это гармоничный сплав эпох, где современные стандарты комфорта и сервиса бесшовно интегрированы в аутентичное пространство отеля. Там, где когда-то обитатели замка страдали от невыносимой летней жары или пронизывающего зимнего холода, сегодняшний гость одним движением задает в номере идеальную температуру, а также пользуется высокоскоростным Wi-Fi, принимает тропический душ и находит расслабление в современных спа-комплексах [2]. Таким образом, модель Paradores избегает музейной стерильности, с одной стороны, и тематической бутафории – с другой. Она предлагает подлинный, а не стилизованный исторический опыт, при этом предоставляя туристу удобства на уровне современного отеля категории 4–5 звезд.

Ежегодная посещаемость сети составляет более миллиона туристов, а совокупный доход стабильно превышает 200 миллионов евро в год. При этом целенаправленно создаются новые туристические маршруты – 70% гостиниц расположены вдали от популярных пляжных курортов в городах с населением не более 35 тысяч человек [3]. Актуальность этой стратегии подтверждается спросом: два из трёх самых посещаемых отеля летом 2025 года – Parador de Benavente и Parador de Tordesillas – находятся в Кастилии и Леоне вдали от побережья. Следовательно, парадоры выступают в роли настоящих «точек роста» для отдельных регионов: по данным на 2024 год 72% граждан местных сообществ были трудоустроены именно благодаря деятельности Paradores [7]. Сеть создает рабочие места не только в самом отеле, но и вокруг него – это и гиды, и ремесленники, чьи работы становятся сувенирами для гостей, и местные фермеры, чья продукция лежит в основе знаменитой гастрономической концепции «нулевого километра»: мясо, сыры, фрукты и овощи закупаются напрямую у локальных производителей. Таким образом, каждый такой отель способствует перераспределению туризма по всей стране, создает возможности для социального и экономического развития местных сообществ, удерживая население в регионах и снижая риск депопуляции.

Помимо этого, важнейшим аспектом деятельности Paradores является политика устойчивого развития, которая является продолжением их миссии по сохранению национального наследия. Поскольку большинство их объектов расположены в охраняемых природных зонах, например, национальных парках или в исторических зданиях, которые признаны культурным достоянием, сеть несет ответственность за поддержание целостности этих уникальных ландшафтов и за минимизацию своего воздействия на окружающую среду. Отели сертифицированы по международным экологическим стандартам и реализуют собственные программы

по сокращению углеродного следа, в рамках которых стремятся сократить прямые выбросы на 30% к 2030 году и достичь углеродной нейтральности к 2040 [4]. Для этого они активно внедряют комплекс мер: переходят на возобновляемые источники энергии, устанавливают солнечные батареи и пункты зарядки для электромобилей, внедряют энергосберегающие технологии и системы «умного» климат-контроля. Водопотребление сокращается за счёт рекуперации воды и экономичной сантехники, а принципы экономики замкнутого цикла реализуются через отказ от одноразового пластика и строгую политику сортировки отходов [8]. Признанием этих усилий стала победа Paradores в категории «Лучший проект в области устойчивого развития туризма» по версии читателей журнала National Geographic Travel Magazine [5]. Таким образом, каждый парадор становится не просто местом для отдыха, а экологическим хабом, который на практике формирует осознанную модель потребления и ответственного туризма.

Таким образом, парадоры – это гораздо больше, чем престижная гостиничная сеть. Это глубоко продуманная национальная стратегия, доказавшая свою эффективность за почти столетнюю историю. Она наглядно демонстрирует, как через призму высококачественного туристического продукта можно решить комплекс задач: от физического сохранения исторического наследия и стимулирования региональной экономики до продвижения принципов экологической устойчивости. Опыт Испании является бесценным кейсом для многих стран, доказывая, что культурное наследие при грамотном управлении может стать не статьей расходов, а мощным драйвером комплексного и устойчивого развития.

Список источников:

1. José María Vallejo Herrera Paradores de Turismo de España: 90 años de historia / Entorno Turístico. – 2019. – URL: <https://www.entornoturistico.com/paradores-de-turismo-de-espana-90-anos-de-historia/> (дата обращения: 16.11.2025)
2. La presidenta de Paradores ha participado hoy en el Tourism & Economy Summit Barcelona 2025, congreso cuyo comité organizador encabeza / Paradores. – 2025. – URL: <https://paradores.es/es/raquel-sanchez-paradores-es-un-modelo-unico-no-solo-en-espana-sino-en-el-mundo> (дата обращения 16.11.2025)
3. Paradores bate un nuevo récord de ocupación e ingresos en el verano de 2025 / Paradores. – 2025. – URL: <https://paradores.es/es/paradores-bate-un-nuevo-record-de-ocupacion-e-ingresos-en-el-verano-de-2025> (дата обращения 16.11.2025)
4. Paradores lanza su nuevo Plan de Sostenibilidad 2025-2028 con una inversión de 56 millones / Paradores. – 2025. – URL: <https://paradores.es/es/>

paradores-lanza-su-nuevo-plan-de-sostenibilidad-2025-2028-con-una-inversion-de-56-millones (дата обращения: 17.11.2025)

5. Paradores recibe el premio de los lectores de Viajes National Geographic 2025 al mejor proyecto de sostenibilidad turística / Paradores. – 2025. – URL: <https://paradores.es/es/paradores-recibe-el-premio-de-los-lectores-de-viajes-national-geographic-2025-al-mejor-proyecto-de> (дата обращения: 18.11.2025)

6. Paradores y el Grupo Ciudades Patrimonio de la Humanidad potencian su alianza estratégica de promoción y comercialización turística / Paradores. – 2025. – URL: <https://paradores.es/es/paradores-y-el-grupo-ciudades-patrimonio-de-la-humanidad-potencian-su-alianza-estrategica-de> (дата обращения: 16.11.2025)

7. Raquel Sánchez remarca el papel de Paradores para impulsar el turismo regenerativo y destaca la ocupación del 72% de la Red en entornos rurales / Paradores. – 2025. – URL: <https://paradores.es/es/raquel-sanchez-remarca-el-papel-de-paradores-para-impulsar-el-turismo-regenerativo-y-destaca-la> (дата обращения 17.11.2025)

8. Sostenibilidad Ambiental / Paradores. – 2025. – URL: <https://paradores.es/es/sostenibilidad-ambiental> (дата обращения: 18.11.2025)

УДК 394.24

Хавьер Дени Вискайно Гонсалес
Республика Куба
курсант II курса Специального факультета
Военный институт (ЖДВ и ВОСО) Военной академии МТО
им. генерала армии А.В. Хрулёва
Науч. рук.: к.э.н., доцент Лукичева А.О.

ТРАДИЦИОННЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ НА КУБЕ

Традиционные кубинские игры являются важной частью культурного наследия страны, отражая творчество, находчивость и способность кубинцев приспосабливаться к обстоятельствам. Появление игр восходит к колониальной эпохе, когда повседневная жизнь Кубы оказалась под совместным культурным влиянием Испании, Африки и Карибского региона. Кубинские дети, будучи ограниченными в ресурсах, применяли в своих играх доступные материалы и условия окружающей среды. В сельской местности в качестве игрушек использовались семена, палки и камни, а в городах — крышки, проволока, стеклянные шарики и другие предметы быта. Правила игр передавались в основном устно и спонтанно, без письменной фиксации, что позволяло адаптировать и изменять игры с появлением каждого нового

поколения. Со временем игры стали частью кубинского фольклора и живым выражением народной культуры [1, 4].

Домино пришло на Кубу из Испании в XIX веке и быстро стало популярным в разных районах и сообществах. Обычно в игру играют четыре человека, разделившись на пары. В домино используются прямоугольные фишки, где на их половинках изображены числа от 0 до 9. Фишки выкладываются таким образом, чтобы числа на концах при совмещении совпадали. Выкладывание происходит до тех пор, пока кто-то не останется без фишек или когда никто не сможет продолжить игру. Популярность домино объясняется его простотой и возможностью играть где угодно. В различных районах Кубы могут существовать различные варианты игры. Домино стало формой проведения досуга, где царит дух дружеского соревнования [3].

Болас, или шарики. Игра в шарики имеет очень древнее происхождение. На Кубе у неё появились свои особенности. Изначально дети делали шарики из глины или находили округлые камни, позже их стали делать из стекла, стараясь, чтобы они были гладкими и ровными. Для игры участники рисовали круг или ограничивали зону на земле и по очереди бросали свои шарики, стремясь выбить шарики противников из круга или приблизиться как можно ближе к «шарику-цели». Правила менялись в зависимости от региона. Импровизированные турниры проводились во дворах, на улицах и в парках [2]. Универсальность игры позволила ей сохраниться до сегодняшних дней.

Тромпо, или юла – это деревянный конус с металлическим остриём, который вращают с помощью верёвки, обвязанной вокруг его тела (корпуса). В одни регионы Кубы игра попала из Испании, в другие – из Мексики. Кубинские дети адаптировали её к своим условиям. Они сами делали тромпо, разукрашивая его и нанося узоры. Можно играть просто, пытаясь заставить конус вращаться как можно дольше, но можно выполнять с ним определённые трюки, например, «лестница» [2]. Выполняя трюк, игрок должен поднять конус вверх. Другой трюк – «лопата»: под вращающийся на земле тромпо надо подставить ладонь и поднимать его вверх до прекращения движения. Игра великолепно подходит для проведения спонтанных дружеских соревнований.

Карриола, или тачка – это игра для двоих, в которой один ребёнок держит ноги другого, а другой идёт на руках. Обычно устраиваются гонки по определённым маршрутам. Игра зародилась в школьных дворах городов и сёл как форма физического упражнения, требующая координации действий участников. Простота её организации и возможность играть группами сделали её очень популярной среди детей.

Чивичана – это самодельная тележка, сделанная детьми из досок, подшипников и верёвок. На чивичане спускаются по наклонным улицам. Могут

даже устраиваться гонки. В разных сообществах существуют свои особенности конструкций и правил соревнований [2]. Эта игра – прекрасная иллюстрация того, что ограниченные ресурсы способны развивать творческие способности.

Фуфу – это диск из дерева или металла с отверстием в центре, который вращается с помощью верёвки. При вращении возникает характерный звук, давший игре название, – «фу-фу». В некоторых районах Кубы игра называется по-другому, но её суть от этого не меняется. Два игрока наматывают верёвку на свой диск и запускают его, чтобы тот начал вращаться. Каждый участник пытается подрезать верёвку соперника. Победителем становится тот, кто это сделает. Популярность игры объясняется её простотой и возможностью спонтанно устраивать соревнования в любом месте.

Четыре угла (пелота-а-ла-mano) – это кубинская игра, возникшая в результате восторга от бейсбола. Как известно, бейсбол – главный вид спорта на Кубе. В «Четыре угла» играют в основном дети и молодёжь. Поле делится на четыре пронумерованные части (4 угла). Игроки бросают и ловят мяч, используя только руки. Правила могут изменяться в зависимости от количества игроков и размера поля. Игроков привлекают динамичности игры и лёгкость в организации матчей.

Таким образом, традиционные кубинские игры появились благодаря творчеству и изобретательности детей. Каждая игра – это иллюстрация использования имеющихся под рукой материалов для развлечений. Правила передавались из поколения в поколение, в случае необходимости подвергаясь изменениям. В игры играли и продолжают играть. Традиционные кубинские игры – это одно из подлинных проявлений кубинской культуры и детского фольклора, где раскрываются характер и душа кубинцев.

Список источников:

1. Anette Jiménez Marata. Los juegos tradicionales en los medios cubanos [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.envivo.icrt.cu/los-juegos-tradicionales-en-los-medios-cubanos/>
2. MSc. Jesús Lantigua Hernández, Lic. Nettie Lantigua Segovia, Lic. Miriela López Carreira. Caracterización de los juegos populares tradicionales infantiles de las ciudades de Cárdenas, Matanzas y Varadero [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.efdeportes.com/efd114/juegos-populares-tradicionales-infantiles.htm>
3. El dominó es el juego de Cuba [Электронный ресурс]. – URL: <https://onlinetours.es/blog/cuba/el-domino-es-el-juego-de-cuba/>
4. Juegos Tradicionales [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ecured.cu/Juegos_Tradicionales

Дайлон Ла Роса Абриу
Хавьер Дени Вискайно Гонсалес
Республика Куба
курсант II курса Специального факультета
Военный институт (ЖДВ и ВОСО) Военной академии МТО
им. генерала армии А.В. Хрулёва
Науч. рук.: к.э.н., доцент Лукичева А.О.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ НА КУБЕ: КАРНАВАЛЫ И ПАРРАНДАС

Два самых радостных и известных праздника Кубы – это карнавал и паррандас [4].

На Кубе музыка, цвет и радость – это не только часть праздников, но и часть жизни. Через эти традиции кубинцы показывают свою историю, культуру и радость жить.

Карнавалы появились во времена испанской колонизации и были связаны с религиозными католическими праздниками и танцами африканских рабов. В те далёкие времена рабы использовали редкие свободные дни, чтобы петь, танцевать и чувствовать свободу. Из этого соединения родился кубинский карнавал – смесь католических процессий и африканских шествий.

Со временем карнавалы менялись. Раньше они проходили перед Великим постом (в феврале или марте), но позже многие города, например, Гавана, перенесли их на лето – на июль или август, чтобы избежать дождей и привлечь туристов. Это показывает, как кубинцы умеют сохранять традиции и приспосабливать их к современным условиям.

Самый известный карнавал – это карнавал Сантьяго-де-Куба [1]. Он проводится 25 июля, в день Святого Якова.

Его главным символом является конга – шумное, ритмичное шествие с барабанами, китайскими трубами и тысячами танцующих людей.

Это праздник, который объединяет всех и разрушает социальные барьеры.

Паррандас имеют другое происхождение.

Они появились около 1820 года в городе Ремедиос, в провинции Вилья-Клара.

По легенде, священник придумал этот праздник, чтобы привлечь людей на ночную Рождественскую мессу.

Позже паррандас стали большим соревнованием между двумя районами города – Эль-Кармен и Эль-Сальвадор. В течение многих месяцев жители тайно готовят свои платформы, фейерверки, декорации и музыку, чтобы удивить зрителей в ночь с 24 на 25 декабря. В подготовке участвуют художники, плотники, электрики и музыканты.

Такое дружеское соперничество развивает творчество и сплочённость. Паррандас – это также способ привить детям любовь к родному району и его традициям. В 2018 году ЮНЕСКО признала паррандас нематериальным культурным наследием человечества [3].

И карнавалы, и паррандас оказывают важное влияние на местную экономику. Карнавалы привлекают тысячи туристов, создают временные рабочие места и помогают продвигать кубинскую культуру. Паррандас, как и карнавалы, объединяют местное сообщество и укрепляют чувство принадлежности родному району. Они меньше по масштабу, но их значимость для культуры велика.

Следует подчеркнуть, что карнавалы и паррандас – важная часть кубинской культуры. Вместе они выражают душу Кубы – радостную, живую и сильную. На Кубе праздновать значит жить!

Список источников:

1. Rafael R. Brea López. Carnaval de Santiago de Cuba: Congas y tambores [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.redalyc.org/journal/855/85569988006/html/>
2. Congas y comparsas del carnaval habanero [Электронный ресурс]. – URL: <https://gladyspalmera.com/coleccion/disco/17737/>
3. Festivity of Las Parrandas in the centre of Cuba [Электронный ресурс]. – URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/festivity-of-las-parrandas-in-the-centre-of-cuba-01405>
4. Las fiestas tradicionales más famosas de Cuba [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.arbolinvertido.com/cultura/las-fiestas-tradicionales-mas-famosas-de-cuba>

Валуева К.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Факультет мировой политики

Кафедра информационного обеспечения внешней политики

Науч. рук.: Климова К.М.

УДК 004.82

LATAM-GPT КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В ЭПОХУ ИИ

В эпоху стремительного развития искусственного интеллекта мировое технологическое пространство характеризуется явным доминированием США и Китая, что создает условия для формирования новой формы цифрового колониализма. Более того, крупнейшие языковые модели обучаются на

данных, в которых преобладает контент на английском языке, что закономерно приводит к вызовам, связанным с неспособностью системы понимать язык и идентичность неанглоговорящих регионов.

Культурная предвзятость существующих ИИ-моделей становится все более очевидной по отношению к Латинской Америке. Показательным примером служит исследование, проведенное чилийским Национальным центром искусственного интеллекта (CENIA). Когда исследователи попросили ChatGPT назвать современные значимые произведения чилийской литературы, модель смогла предложить только работы Пабло Неруды, а некоторые из упомянутых произведений даже не существовали¹.

Этот пример наглядно иллюстрирует более широкую проблему систематической недооценки и искажения культурных особенностей регионов, не входящих в англоязычное культурное пространство. Миллионы латиноамериканцев остаются невидимыми для большинства языковых моделей, поскольку их культурные феномены и языковые особенности практически отсутствуют в обучающих данных. Именно эта проблема стала отправной точкой для создания альтернативного подхода к развитию ИИ-технологий в регионе.

Latam-GPT стал первым масштабным проектом искусственного интеллекта, который был создан в латиноамериканском регионе и, что немаловажно, именно для этого региона. Продвижение и координирование возглавил Национальный центр искусственного интеллекта Чили. Проект реализуется как коллективная региональная инициатива, объединяющая ресурсы и экспертизу всех участвующих стран.

Данный ИИ представил революционный подход к сохранению языкового наследия региона. Модель поддерживает испанский и португальский языки, а также более 50 коренных языков Латинской Америки, таких как кечуа, гуарани и аймара, включая региональный сленг и диалектные вариации². Эта многоязычная архитектура кардинально меняет парадигму взаимодействия ИИ с культурным разнообразием региона.

Ключевой особенностью стратегии работы с языками региона является тесное сотрудничество с местными сообществами и учет культурных особенностей коммуникации.

Одним из наиболее значимых проектов является работа с языком Рапа-Нуи на острове Пасхи. Исследователи сотрудничали с местным сообществом для создания ИИ-переводчика в рамках более широкой стратегии

¹ How LatAm GPT Is Building Culturally Relevant AI for the Region [Электронный ресурс] // The Daily Herald. – URL: <https://www.thedailyherald.sx/people/how-latam-gpt-is-building-culturally-relevant-ai-for-the-region> (дата обращения: 13.12.2025).

² Latam-GPT, the Free, Open-Source, and Collaborative AI of Latin America [Электронный ресурс] // Wired. – URL: <https://www.wired.com/story/latam-gpt-the-free-open-source-and-collaborative-ai-of-latin-america/> (дата обращения: 13.12.2025).

по возрождению языка и его цифровому сохранению. Джекелин Рапу, руководительница Академии языка Рапа-Нуи, подчеркнула критическую важность этой инициативы сказав: "Рапа-Нуи в настоящее время находится под угрозой, поскольку свободно говорящих на нем очень мало. Этот цифровой репозиторий действительно важен. Он поддерживает все усилия по языковому возрождению, над которыми мы работали, и помогает молодым людям восстановить связь с языком»¹.

Каждый включенный язык не просто расширяет функциональность системы, но и служит инструментом сохранения уникального культурного наследия.

Вопрос культурной аутентичности становится центральным при оценке качества работы Latam-GPT. В противоположность поверхностным знаниям глобальных моделей, региональная система стремится обеспечить глубокое понимание латиноамериканских культур.

Для обеспечения подлинной культурной аутентичности в проекте функционируют культурные консультативные советы, включающие историков, лингвистов и лидеров общин. Этот механизм гарантирует, что ИИ не просто обрабатывает данные, но и глубоко понимает культурные контексты, традиционные формы повествования и границы священных знаний, установленные сообществами. Помимо официальных источников информации материалы для обучения модели также исходит напрямую от пользователей сети. Любой желающий может внести вклад в проект, пообщавшись на сайте модели с чат-ботом Copu-Chat, который предоставит пользователям ответы на любые интересующие их вопросы, при этом зафиксировав все отправленные человеком сообщения, для последующего формирования своей базы знаний².

Модель учитывает региональные различия в уровнях формальности, деловых практиках, а также тот факт, что юмор, метафоры и социальные референции несут различные значения в разных частях континента. Следовательно, Latam-GPT становится посредником между культурами, способным адекватно передавать тонкости межкультурной коммуникации внутри самого региона.

Проект уже демонстрирует свою эффективность. Пилотные программы включали в себя интеграцию ИИ, основанном на открытом коде Latam-GPT, в разные сферы жизни общества в нескольких странах Латинской Америки. Наиболее успешные результаты внедрения технологии показывает сфера образования. В отличие от универсальных ИИ-инструментов, региональная модель понимает местные учебные программы и культурные контексты.

¹ How LatAm GPT Is Building Culturally Relevant AI for the Region [Электронный ресурс] // Context.News. – URL: <https://www.context.news/ai/how-latam-gpt-is-building-culturally-relevant-ai-for-the-region> (дата обращения: 13.12.2025).

² Copuchat – Recolección de datos para LatamGPT [Электронный ресурс] // copuchat.latamgpt.org. – URL: <https://copuchat.latamgpt.org/> (дата обращения: 13.12.2025).

Особенно впечатляющие результаты были выявлены в сельских районах Колумбии, где ИИ выступает в роли репетитора для детей, не имеющих возможности получать дополнительное образование. Система объясняет математику через знакомые примеры из местного сельского хозяйства и преподает историю, связывая локальные события с более широкими нарративами. Школы, участвующие в пилотных программах, сообщают о значительных улучшениях вовлеченности студентов. Таким образом, обучение становится не только доступным, но и культурно релевантным¹.

Уникальность проекта Latam-GPT заключается не только в его технологических решениях, но и в беспрецедентной модели панрегионального сотрудничества, объединившей двенадцать латиноамериканских стран.

Основу проекта составляют более тридцати институтов-партнеров, включая университеты, государственные исследовательские центры и частные организации. Важно отметить, что сотрудничество распространяется за пределы региона и включает международных партнеров, таких как Организация американских государств и Межамериканский банк развития².

Проект функционирует через сложную структуру управления. Каждая участвующая страна сохраняет суверенитет над предоставленными данными, получая при этом пользу от коллективных знаний всей сети. Таким образом, создается устойчивая экосистема, где региональная интеграция не ослабляет, а усиливает национальные возможности.

Latam-GPT демонстрирует, что технологические инновации не требуют огромных ресурсов технологических гигантов. Напротив, они нуждаются в сотрудничестве и глубоком понимании локальных потребностей. Проект бросает вызов фундаментальным предположениям о развитии ИИ и предлагает план для более инклюзивных технологических инноваций.

Успех Latam-GPT доказывает важный принцип, что региональные подходы могут быть более эффективными для обслуживания разнообразных сообществ, чем глобальные решения. Когда сообщества контролируют свое технологическое развитие, результаты оказываются более инновационными, этичными и эффективными, чем решения, навязываемые извне. Модель демонстрирует, что участие сообществ в процессах обучения создает ИИ, который действительно служит потребностям пользователей, а не корпоративным интересам или геополитическим амбициям и уже дает ощутимые результаты.

¹ Latam GPT: el primer modelo de IA hecho exclusivamente en y para América Latina [Электронный ресурс] // Revista P&M. – URL: <https://www.revistapym.com.co/articulos/digital/89637/latam-gpt-el-primer-modelo-de-ia-hecho-exclusivamente-en-y-para-america-latina> (дата обращения: 13.12.2025).

² About Us [Электронный ресурс] // LatamGPT. – URL: https://latamgpt.org/en/about_us (дата обращения: 13.12.2025).

Список источников:

1. About Us [Электронный ресурс] // LatamGPT. – URL: https://latamgpt.org/en/about_us (дата обращения: 13.12.2025).
2. Copuchat – Recolección de datos para LatamGPT [Электронный ресурс]. – URL: <https://copuchat.latamgpt.org/> (дата обращения: 13.12.2025).
3. How LatAm GPT Is Building Culturally Relevant AI for the Region [Электронный ресурс] // Context.News. – URL: <https://www.context.news/ai/how-latam-gpt-is-building-culturally-relevant-ai-for-the-region> (дата обращения: 13.12.2025).
4. How LatAm GPT Is Building Culturally Relevant AI for the Region [Электронный ресурс] // The Daily Herald. – URL: <https://www.thedailyherald.sx/people/how-latam-gpt-is-building-culturally-relevant-ai-for-the-region> (дата обращения: 13.12.2025).
5. Latam GPT: el primer modelo de IA hecho exclusivamente en y para América Latina [Электронный ресурс] // Revista P&M. – URL: <https://www.revistapym.com.co/articulos/digital/89637/latam-gpt-el-primer-modelo-de-ia-hecho-exclusivamente-en-y-para-america-latina> (дата обращения: 13.12.2025).
6. Latam-GPT, the Free, Open-Source, and Collaborative AI of Latin America [Электронный ресурс] // Wired. – URL: <https://www.wired.com/story/latam-gpt-the-free-open-source-and-collaborative-ai-of-latin-america/> (дата обращения: 13.12.2025).

УДК 811.134.242

Чернаусова А.С., Игнатьева Э.С.
СЗИУ РАНХиГС

Факультет международных отношений и политических исследований

Кафедра иностранных языков

Группа ЛИН 3-22-01

Науч. рук.: к.ф.н. Колокольникова Е.А.

ОБЩИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕМОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ И ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Интернет-коммуникация в современном мире имеет большое значение, являясь, в том числе, отражением культуры. В свою очередь, мемы как выразительная форма интернет-культуры становятся все более популярными в онлайн-общении. Однако их национальная специфика

остается недостаточно изученной, что обуславливает актуальность настоящей работы. Мемы являются зеркалом национальной идентичности, языковых и культурных особенностей разных стран, и их анализ позволяет выявить уникальные черты того или иного народа в глобальном интернет-пространстве. В настоящей работе мы рассматриваем особенности мемов в русскоязычном и испаноязычном интернет-пространстве.

Понятие «мем» было введено Ричардом Докинзом в книге «Эгоистичный ген» [3]. Мем понимается им как некая идея, образ, объект, который перенимается многими членами сообщества. При этом широкому распространению среди интернет-пользователей подвержена только та информация, которая вызывает интерес или порождает ассоциации. Меметика, в свою очередь, тесно связана со следующими науками: биология, культурология и психолингвистика. Таким образом, **мем** как единица интернет-коммуникации имеет социальную, психологическую и лингвистическую природу и представляет собой социо-лингво-психо-культурологический феномен, передающий информацию о культурно-историческом событии и являющийся одним из важных средств межкультурной коммуникации.

Зарождению мемов в рассматриваемых нами культурах способствовало развитие интернет-среды. Как русскоязычное, так и испаноязычное медиaproстранство включает в себя многообразие мемов, которые с различных позиций исследовались такими учеными, как О.С. Иссерс [5], М.А. Кронгауз [2], S. Blackmore [1], C. Díaz и C. Maurício [4]. На первоначальном этапе наиболее распространёнными были текстовые мемы, широко представленные на интернет-форумах, со временем появились гиф-картинки и видеомемы, набирающие популярность благодаря различным социальным сетям и видеохостингам. Можно сказать, что мемы являются ярким культурным феноменом, отражающим самобытность и особенность цифровой коммуникации разных культур.

В ходе исследования нами были обнаружены три классификации мемов [6], в основе которых лежат разные критерии: отсылки к первоисточникам (новость в СМИ, предмет искусства, фильмы, персонажи сериалов, фразы отдельных пользователей или известных медийных личностей), способы выражения мема (текстовые, мемы-изображения, медиа-мемы, гифы и креолизованные мемы¹) и его структура (двусоставные, компаративные² и

¹ **Креолизованный мем** – разновидность креолизованных текстов (тексты, включающиеся две составляющие: вербальный и невербальный компонент).

² **Компаративные мемы** основаны на сопоставлении нескольких изображений, объектов, точек зрения на ситуацию, не совпадающих между собой.

метамемы¹). В зависимости от этого мемы как элементы культурной коннотации выполняют различные функции: они могут создавать подтекст, активизировать знания, которые уже имеются у адресата, усиливать экспрессивность сообщения, вносить элементы игрового взаимодействия, повышать оценочный характер и многое другое.

В рамках нашей работы мы провели сравнительный анализ русскоязычных и испаноязычных мемов, разделив их по тематическим категориям. Были проанализированы 154 примера мемов на русском (77) и испанском языках (77) и выделены такие общие темы, как *жизненные ситуации* («жиза»), *семья, отношения, история, игра слов, работа, учёба, язык, мемы особой категории*.

В Таблице 1 представлено процентное соотношение мемов различной тематики на русском и испанском языках.

Таблица 1

Тема мема	Русский язык	Испанский язык
Жиза	12 (15,6%)	14 (18,2%)
Особая категория	11 (14,3%)	6 (7,8%)
История	9 (11,7%)	4 (5,2%)
Игра слов	8 (10,4%)	6 (7,8%)
Отношения	8 (10,4%)	12 (15,6%)
Семья	6 (7,8%)	9 (11,7%)
Работа	5 (6,5%)	3 (3,9%)
Учёба	4 (5,2%)	7 (9%)
Язык	3 (3,8%)	3 (3,9%)
Еда	6 (7,8%)	-
Астрология	5 (6,5%)	-
Футбол	-	13 (16,9%)

Наибольшей популярностью в обеих культурах пользуются мемы категории «жиза», что подтверждает их роль как отражения повседневного, понятного и узнаваемого опыта. Общими также являются темы *отношений, семьи, учебы, работы и игры слов*, что свидетельствует о сходстве базовых социальных контекстов.

В русскоязычных мемах выделяется значительной долей *особая категория* (черный юмор, психологические расстройства, алкоголь), что

¹ **Метамемы** – мемы, являющиеся референтом, непосредственно отсылающим к другим мемам.

можно интерпретировать как форму самоиронии и психологической защиты в условиях стресса. Высокий процент исторических мемов указывает на важность *исторического* нарратива и рефлексии в национальном самосознании. Уникальными являются темы *еды* и *астрологии*, отражающие потребительские тренды и поиск ориентиров в нестабильной реальности.

В испаноязычных мемах абсолютным культурным доминантом является тема *футбола*, что подчеркивает его сакральный статус в испаноязычных странах. Более высокая частотность мемов об *отношениях* и *семье* коррелирует со стереотипом об открытости, эмоциональности и высокой ценности социальных связей в этой культуре. Степень популярности тематики «чёрного юмора» свидетельствуют о разных психологических механизмах совладания со стрессом и сложными аспектами реальности в русскоязычной и испаноязычной культурах.

Таким образом, мемы являются неотъемлемой частью интернет-культуры, обладая особыми свойствами, которые способствуют их успешному воздействию на адресата. Мемы не только развлекают, но и отражают уникальные черты обществ, в которых они возникают. Изучение национальных особенностей мемов дает возможность не только составить представление об определенных аспектах различных культур, но и провести сравнительный анализ этих культур.

Результаты нашей работы систематизированы в созданной нами базе данных [7], которая может использоваться для дальнейших исследований по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Список источников:

1. Blackmore S. The Meme Machine, 2000. p.288.
2. Гусейнов Г.Ч., Кронгауз М.А., Ахметова М.В. Русский язык и новые технологии: Новое литературное обозрение, 2014. 416с.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 460 с.
4. Díaz C., Mauricio C. Defining and characterizing the concept of Internet Meme // CES Psicología. P.82–104.
5. Иссерс О.С. Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в событийном контексте 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. С. 26–41.
6. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. Вып. №3: Филология. С.160-170.

Созданная база данных. Режим доступа:
https://disk.yandex.ru/d/FygR8jhWTV4T_g (дата обращения 12.12.25)

Кривонос А.А.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Гуманитарный факультет
Группа ЗР-2204
Науч. рук.: Мельникова А.В.

ТАЙНЫ И МИФЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: АНАЛИЗ ПОПУЛЯРНЫХ КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

От мифов о пропавших сокровищах инков и внеземных цивилизациях до теорий о беглых военных преступниках и создании тайных государств Латинская Америка всегда вызывала интерес исследователей.

Теории о контактах мезоамериканских цивилизаций с инопланетянами относятся к направлению палеоконтакта – идеи, что разумные существа внеземного происхождения посещали Землю и влияли на развитие человеческой цивилизации, передавали технологические и астрономические знания, например, точные календарные системы, строительные технологии пирамид. Доказательствами своей теории они считают инопланетные изображения на керамике и каменных артефактах, особенно в Мексике, а также архитектурные объекты якобы построенные с использованием технологий, недоступных людям того времени. Идеи палеоконтакта начали активно распространяться в 1960–1970-х годах с книгами Эриха фон Дэникена и других авторов, а артефакты, найденные в Латинской Америке, стали предметом внимания последних десятилетий. Общий подход академической науки, рассматривающей эти теории как псевдонаучные, заключается в отсутствии прямых материальных доказательств контактов с инопланетянами и интерпретациях, вырванных из контекста. К таким доказательствам относятся, например, мумии инопланетян, представленные в 2023 году в парламенте Мексики журналистом Хайме Маусаном и военным врачом Хосе де Хесус Залсе Бенитесом. Они утверждают, что в «гуманоидных» мумиях обнаружены металлические имплантаты из осмия и кадмия и структуры, похожие на яйца, а радиоуглеродный анализ дал возраст около 1000 лет. Однако мексиканские ученые посчитали презентацию мистификацией и отметили отсутствие публикаций в научных журналах по многим причинам: невозможность проведения радиоуглеродного анализа для внеземных существ, противоречие реальной генетике – неправдоподобные отличия от ДНК человека, почти полное совпадение с человеческим скелетом. Как показали антропологи, черепа мумий принадлежат ламам, а «трехпалые руки» собраны из человеческих кистей с удалёнными пальцами. С научной точки зрения существование таких существ с человеческими костями невозможно из-за иной гравитации, давления,

климата и среды эволюции. Таким образом, несмотря на обилие «доказательств», представляемых учеными и последователями теории палеоконтакта, версии о визитах внеземных цивилизаций остаются недостоверными.

По разным версиям существует большое количество разветвленных сетей пещер и тоннелей под многими странами континента, некоторые якобы тянутся на тысячи километров, соединяя Латинскую Америку с другими частями света. В некоторых из пещер, по словам исследователей, могла вестись добыча меди для нужд НЛО, а излучение и вибрации свидетельствуют о работе неких техногенных устройств на глубине в несколько километров. Особое внимание привлекает пещера Тейос в Эквадоре. Это разветвленная, до сих пор до конца не исследованная сеть пещер и тоннелей, которая на протяжении поколений была для живущего поблизости племени шуаров священной и считалась обителью духов великанов. Внешний мир впервые узнал о пещере благодаря отцу Креспи, жрецу заслужившему доверие племени и получившему от них коллекцию таинственных артефактов, которые якобы происходили из глубин пещеры и были украдены до того, как их смогли изучить. В 1960-х годах венгерско-аргентинский исследователь Хуан Мориц, вдохновлённый артефактами Креспи, отправился в экспедицию в пещеры, где якобы обнаружил туннели, вырубленные неизвестным способом, хрустальные саркофаги со скелетами гигантов, «тронный зал» с тронами из неизвестного материала, изображения и фигуры животных, в том числе динозавров, а также обширную библиотеку, состоящую из металлических пластин, исписанных непонятными символами. Однако книги оказались слишком тяжёлыми, чтобы их вынести, а у экспедиции не было камер для их документирования. Последовавшие за этим экспедиции не нашли ничего кроме некоторых свидетельств существования развитой доисторической культуры. Все свидетельства очевидцев, участников первой экспедиции и местных, не были подтверждены и несмотря на то, что пещера открыта для посещений и ее активно изучают геологи, экологи и археологи, никаких доказательств удивительных артефактов найдено не было. Однако с каждым годом находят больше новых тоннелей. Так, в 2025 году археологи подтвердили существование обширной системы подземных туннелей под перуанским городом Куско, он тянется от Храма Солнца более чем на несколько километров, достигая крепости на окраине города. Эти подземные ходы, вероятно, повторяли планировку улиц Куско, но их назначение пока не известно. В мексиканском городке Пуэбла в 2016 году была обнаружена сеть подземных путей, протяженностью около 10 километров, построенных в 16, 17 и 18 веках под центром города. Первые туннели были построены почти сразу после создания города использовались для секретного перемещения церковных ценностей, а позже использовались революционерами. После мексиканской революции 1910 года они были надолго забыты и частично открылись для публики только через 100 лет.

С теориями о подземных тоннелях тесно связаны мифы о несметных богатствах древних цивилизаций, в частности о сокровищах инков. Эта легенда о скрытом «золотом запасе», золотых статуях, дисках и ритуальных ценностях, мумиях правителей и богатствах храмов, спрятанных инками перед падением империи возникла уже в XVI веке, сразу после завоевания империи испанцами. Поиски велись с момента падения последнего императора, в XVIII–XIX веках интерес подогревали миссионеры и европейские путешественники, в XX веке поиски активизировались: множество исследователей и частных экспедиций отправлялось в Перу и Боливию, а каждая новая усиливала мифологизацию исчезнувших богатств. Историки же объясняют исчезновение сокровищ намного проще. Большая часть золота была переплавлена испанцами, часть действительно пропала по пути к Писарро, будучи спрятанной или разграбленной, часть была намеренно укрыта инками при бегстве, при этом несколько таких тайников могли уничтожить природные процессы Анд. Кроме того, испанские хронисты нередко преувеличивали богатства, а последующие авторы романтизировали тему, а таинственный «золотой» город Пайтити, который пытаются найти и по сей день, скорее всего, представляет собой смесь мифа и нескольких существовавших, но разрушенных и пропавших с течением времени, городов.

Говоря об относительно недавних событиях, то одной из самых противоречивых теорий заговоров является, пожалуй, теория о побеге и жизни в Латинской Америке Адольфа Гитлера. Согласно официальной версии, Гитлер покончил с собой 30 апреля 1945 года в Берлине, его тело было сожжено, а останки позже опознаны советскими войсками по уникальным зубным протезам. Однако практически сразу появились теории о чудесном спасении и побеге фюрера и нескольких его приближенных. Одна из версий, представленная ФБР аргентинским мигрантом в обмен на возможность остаться в США, заключается в том, что в мае 1945 года Гитлер и 50 представителей элиты Рейха прибыли в Аргентину на двух субмаринах, а позже поселились на ранчо в районе южных Анд. Другая версия основана на отчете ЦРУ 1955 года, где на основании фотографий и показаний нескольких свидетелей рассматривалась возможность того, что Гитлер живет в Колумбии под именем Адольф Шриттельмайор. Сотрудникам ЦРУ будто бы удалось получить слова бывшего офицера СС, регулярно встречавшегося с Гитлером в Колумбии, было одобрено дальнейшее расследование, но этот отчет стал последним и о передвижениях Адольфа Шриттельмайора до 1955 года ничего не известно. Другую теорию представили британские историки Джеррад Уильямс и Саймон Данстен. Согласно их исследованию, когда Берлин был осажден советскими войсками, нацистский лидер и его жена бежали из города через секретный туннель, а позже поселились в курортном городке Мар-дель-Плата в Аргентине. У них родились две дочери, в

1953 году Браун ушла от своего супруга, а в 1962 году Гитлер умер. По словам ученых, план бегства фюрера еще в 1943г. разработал его ближайший соратник Мартин Борман, который таким же образом бежал из бункера в Берлине и скрылся в Парагвае, где и умер. Кроме того, сбежать помогали американские спецслужбы в обмен на деньги и секретные технические разработки. В качестве источников информации для своей книги британские историки называют немецкого летчика Питера Баумгарта, японского дипломата, служившего в Берлине, а также некоторых слуг.

С Аргентиной связана и другая мистическая и загадочная теория. В 1987 году неизвестные вскрыли склеп бывшего президента Хуана Перона, основоположника перонизма – одного из ключевых политических движений Аргентины, и похитили его руки, фуражку и меч, требуя выкуп в 8 млн \$. Расследование сопровождалось чередой загадочных смертей участников дела, при этом личности похитителей так и не установили. К основным версиям похищения относят политическую дестабилизацию перед выборами, месть масонской ложи Р2, с которой Перон был связан, попытку получить доступ к швейцарским сейфам, позже опровергнутую, а также месть политических врагов, вспоминая фразу Перона о «руках, которые он отрежет, но не возьмёт кредит МВФ». Аргентина запросила в расследовании помощь ЦРУ, но материалы дела были засекречены, а 2008 году все тома исчезли из сейфа суда.

Одна из самых современных теорий, это «План Андиния», конспирологическая идея о том, что на в Патагонии, территория на юге Аргентины и Чили, планируется создание тайного государства, которым будут управлять «богатые элиты» или «иностранные группы». Главная мысль заключается в том, что у богатых существует секретный план превратить Патагонию в автономную территорию, спрятанную от проблем остального мира. Однако у этой теории, в отличие от предыдущих, нет никаких подтверждений, ни документы, ни дипломатические источники, ни государственные архивы не показывают существование любого «плана». Иностранные покупки земли в большинстве своем продиктованы экологическими инициативами и созданиями заповедников и национальных парков, например покупка 2,2 млн акров в Чили и Аргентине, для сохранения природной ценности региона. Таким образом, мифы и конспирологические теории о Латинской Америке представляют собой сложное переплетение древних преданий, исторических травм и современных культурных интерпретаций. Они постоянно обновляются через книги, фильмы, интернет и социальные сети, адаптируясь к новым историческим контекстам. Именно эта гибкость, а также сочетание тайны, опасности и обещания «скрытой истины» делают конспирологические теории, легенды о сокровищах и рассказы об инопланетянах столь устойчивыми и привлекательными для широкой аудитории.

Список источников:

1. Инопланетяне в парламенте Мексики: это все серьезно? [Электронный ресурс] // naked-science.ru: website / Naked Science – URL: <https://naked-science.ru/community/883507> (date of request: 01.11.2025)
2. Huge ancient Inca underground labyrinth discovered beneath Cusco starting at Sun Temple [Электронный ресурс] // voyagers.travel: website / Voyagers Travel – URL: <https://www.voyagers.travel/news/huge-ancient-inca-underground-labyrinth-discovered-beneath-cusco-starting-at-sun-temple> (date of request: 07.11.2025)
3. Миллионеры-экологи скупают дикие земли для заповедников [Электронный ресурс] // rb.ru: website / Rusbase – URL: <https://rb.ru/article/millionery-ekologi-skupayut-dikie-zemli-dlya-zapovednikov> (date of request: 23.11.2025)

УДК 316.77

Негериш Е.О.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Гуманитарный факультет

Группа МО-2203

Науч. рук.: Подоляк-Рунова Е.О.

РУССКАЯ ДИАСПОРА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ОТ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ К НОВЫМ ВЕКТОРАМ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Актуальность исследования феномена русской диаспоры в странах Латинской Америки обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это – особое явление, демонстрирующее пример синтеза русских традиций и латиноамериканского культурного контекста. Во-вторых, предоставляет возможность изучения особого пласта русской культуры, сохраненного в неизменном виде, благодаря обособившейся от социальных изменений XX века среде. В-третьих, в условиях трансформирующихся тенденций мирового устройства диаспоры становятся активными деятелями и посредниками в сфере международного сотрудничества.

Задачи работы включают реконструкцию исторического контекста формирования этно-религиозных групп, существующих в иноязычной среде в положении национально-культурного меньшинства; анализ современных механизмов сохранения культурной идентичности; выявление перспективных направлений сотрудничества в различных направлениях.

I. Исторические этапы формирования русскоязычного общества в Латинской Америке

Формирование русскоязычных сообществ в Латинской Америке происходило в несколько этапов, каждый из которых имел свои особенности. Представители «первой волны» (1905-1907) эмиграции привезли в принимающие страны дореволюционную русскую культуру – язык, литературу, музыку, религиозные традиции, которые в Советской России подверглись значительным изменениям. Следующий этап пришёлся на 1917-1920-е годы и социальный слой вынужденно покинувших свою страну переселенцев состоял преимущественно из представителей дворянства, офицерской прослойки, представителей интеллигенции, не принявших политические изменения 1917 года и последующей за ними Гражданской войны. По различным оценкам, в этот период в страны Латинской Америки из России прибыло от 50 до 100 тысяч человек [6, с. 8]. «Третья волна» (1945-1950-е годы) состояла из граждан, не пожелавших возвращаться в СССР после Второй мировой войны. Эта группа переселенцев была представлена представителями разных социальных слоёв, что и определяло особенности привнесённого в латиноамериканские страны культурного наследия.

Аргентина стала одним из основных центров расселения русских эмигрантов благодаря активной иммиграционной политике и развивающейся экономике. К 30-м годам в Буэнос-Айресе сформировалась значительная русская колония, насчитывавшая около 30 тысяч человек. Социокультурная адаптация носила не только ассимилятивный, но и преемственный характер. Это проявилось, в частности, в сохранении профессиональных традиций, где инженерное дело заняло одно из ведущих мест [7, с. 45]. Подтверждающие факты изложены в статье аргентинского историка Марии Терезы Джусты, опубликованной в журнале «Ибероамериканские тетради» (*Cuadernos Iberoamericanos*). Статья посвящена теме существенного вклада русских инженеров в развитие аргентинской промышленности [7, с. 45]. Бразилия также стала одним из значительных центров притяжения для выходцев из России. В конце XIX – начале XX века страна активно развивала сельское хозяйство и поощряла иммиграцию для освоения земель и обеспечения рабочей силой. Штаты Сан-Паулу и Риу-Гранди-ду-Сул (*São Paulo e Rio Grande do Sul*) предлагали возможности для быстрой интеграции и экономического роста. Важным аспектом адаптации для многих семей стала профессиональная преемственность.

II. Современное состояние “русской диаспоры”

По разным оценкам, численность русскоязычного населения в Аргентине составляет от 300 до 400 тысяч человек, что делает эту страну обладательницей крупнейшей в Латинской Америке диаспоры [10, с. 15-17]. В Буэнос-Айресе функционируют несколько русских организаций, таких как «Русский дом», «Общество памяти Императорской России», «Союз русских

эмигрантов». Один из первых зарубежных журналов на русском языке, основанных в 1928 году, «Наша Страна», издается по сей день. Особенностью аргентинской диаспоры является высокая степень самоорганизации. Регулярно проводятся культурные мероприятия – литературные вечера, концерты, выставки. Действуют русская библиотека имени А. С. Пушкина, содержащая уникальные издания XIX – начала XX веков [10, с. 134].

Бразилия отличается более широким расселением иммигрантов по своей территории. Крупнейшими центрами проживания являются города Сан-Паулу, Порту-Алегри, Рио-де-Жанейро, и, в отличие от Аргентины, переселенцы смогли успешно интегрироваться в бразильское общество. Несмотря на высокую степень интеграции, среди молодых потомков русских эмигрантов в последнее время наблюдается усиление интереса к историческим и культурным корням. В Сан-Паулу успешно работает «Бразильско-русский культурный институт», организующий курсы русского языка, лекции по русской истории и культуре [5, с. 45].

III. Механизмы сохранения культурной идентичности

Анализ современных практик сохранения лингво-культурологических ценностей позволяет выделить несколько ключевых механизмов, эффективно функционирующих в латиноамериканском контексте. Базовой основой для консервации и передачи культурной идентичности в странах Иберо-Америки выступают религиозные институты. Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ) остается важнейшим центром притяжения для потомков эмигрантов. Богослужения на церковнославянском языке, соблюдение православных традиций и праздников создают основу культурной идентичности. Особенно значима эта роль в Аргентине и Уругвае, где храмы становятся не только религиозными, но и культурными центрами [1, с. 3].

Следующим ключевым механизмом в поддержании культурных связей и формировании позитивного образа России выполняют культурно-просветительские центры «Русский Дом». Являясь инструментом публичной дипломатии и получая поддержку Посольств РФ (в частности, в Чили, Перу, Уругвае и Бразилии), они проводят системную работу, направленную на реализацию образовательных программ, на просветительскую деятельность, адресованную как диаспоре, так и местному обществу.

Феноменом, дополняющим официальные институты, являются независимые ассоциации, возникшие по частной инициативе самих потомков русскоязычных эмигрантов. Их деятельность носит многоплановый характер и включает поддержку исторической памяти через архивацию документов, музейную работу, издательскую деятельность, проведение культурных мероприятий. Еще одной функцией подобных объединений является посредничество: они представляют интересы диаспоры, координируя ее взаимодействие с местными властями и организациями.

Наиболее устойчивым механизмом, ответственным за трансляцию культурного кода, остается семья. Даже при успешной социальной интеграции в иноязычную среду, внутрисемейное пространство продолжает функционировать как главный канал культурной идентичности. Именно в семье сохраняются и воспроизводятся такие «живые» элементы, как язык общения, устные семейные хроники, материальные реликвии. По мнению бразильской исследовательницы Р. Сильвы, в третьем-четвертом поколении часто наблюдается «ренессанс» интереса к русским корням [9, с. 95].

Цифровизация стала революционным механизмом, трансформирующим способы сохранения и передачи культурной идентичности. Создание онлайн-архивов, виртуальных музеев, каналов в социальных сетях позволяет компенсировать географическую разобщенность диаспоры и установить связи с исторической родиной. Несмотря на огромный потенциал цифровых технологий, следует признать их фундаментальное ограничение: новая цифровая среда неспособна воспроизвести социальный и эмоциональный опыт «живого» межличностного общения и прямой культурной коммуникации.

IV. Перспективы сотрудничества и конкретные проекты

Изучение форм сотрудничества выводит исследование за рамки сугубо историко-культурного анализа, добавляя к нему актуальное состояние международных отношений. Среди факторов, определяющих возможности и ограничения сотрудничества диаспоральных сообществ с исторической родиной (Россией), самым значимым мы считаем дипломатический контекст. Политическая воля на высшем уровне напрямую влияет на финансирование культурных программ, облегчение визового режима. Нынешний санкционный режим в отношении России затрудняет транзакции, усложняет логистику и создает препятствия для совместных проектов, в которых может участвовать диаспора. Поэтому в определении перспективных направлений взаимодействия важно учитывать не только внутренний потенциал диаспоры, но и внешние факторы.

Несмотря на существующие препятствия, одним из наиболее устойчивых направлений сотрудничества остается академическая сфера. Ее потенциал, представляющий взаимный интерес для России и Иbero-Америки, реализуется через развитие партнерских программ между университетами, организацию совместных онлайн конференций, публикацию научных работ в международных научных журналах.

Основными форматами культурного взаимодействия могут служить проведение кинофестивалей, организация передвижных выставок, создание совместных музыкальных проектов. Анализ событий 2025 года показывает, что проведение кинофестивалей способствует более глубокому диалогу при поддержке дипломатических институтов. В ноябре этого года в че-

тырех российских городах: в Нижнем Новгороде, Калининграде, Санкт-Петербурге и Москве прошел XVI Фестиваль бразильского кино. Мероприятие организовано при прямом участии Посольства Бразилии в России. В тот же период в Москве прошел международный фестиваль «Русское зарубежье», посвященный наследию русской эмиграции, продемонстрировавший обратный вектор культурного взаимодействия. Среди почетных гостей были соотечественники из разных стран, включая Аргентину и Мексику. Мероприятие проходило при поддержке МИД РФ и Россотрудничества.

Экономические проекты с участием диаспоры могут включать программы «ностальгического туризма», создание специализированных маршрутов по местам русской эмиграции, а также осуществление финансовой помощи предпринимателей из диаспоры, заинтересованных в осуществлении совместных проектов.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, русская диаспора в Латинской Америке представляет собой уникальный культурно-исторический феномен. Она сформировала особую социокультурную группу, целостность которой была обеспечена сохраненным внутренним культурным кодом. Во-вторых, ключевым условием актуализации механизмов сохранения идентичности является активное и инициативное участие потомков эмигрантов в межкультурном диалоге. В-третьих, диаспоральные сообщества становятся важным ресурсом и естественным партнером в реализации стратегии «мягкой силы», проводимой российскими дипломатическими структурами в регионе.

Практическая значимость работы заключается в выработке конкретных рекомендаций по развитию сотрудничества с русской диаспорой в Латинской Америке, которое может стать важным ресурсом гуманитарного влияния России в регионе и способствовать укреплению взаимопонимания между странами.

Список литературы:

1. С.Н. Кошкин «Русские в Уругвае: история и современность» / под общ. ред. С. Н. Кошкина; редсовет: Д. Белов, В. Бойко де Семка, К. Кириченко [и др.]. – Монтевидео-2009, 2017. – 232 с.

2. М.Н. Мосейкина «Печать и издательское дело русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1940-1970-е гг.» Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. —2011. – № 6 (12), ч. 2. – (с. 132-138.)

3. ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ: церковный вестник Воскресенского кафедрального собора в Буэнос-Айресе Русской Православной Церкви Заграницей: сборник статей / [сост. не указан]. – Буэнос-Айрес: Воскресенский кафедральный собор, 2013. (22 с). – Издается по благословению Преосвященного Иоанна, Епископа Каракасского и Южно-Американского.

4. Ю.В. Мухачёв «Из истории становления русской общины на латиноамериканском континенте» / Русское Зарубежье /История и Современность №5, 2016. – с. 174- 195.
5. De Oliveira R. Ecos da Rússia: A imigração russa no Brasil e suas identidades. – São Paulo: Editora Unesp, 2016. – 198 p.
6. Chazin M. The White Russian Diaspora in Latin America. – New York: Routledge, 2015. – 214 p.
7. Giusti M.T. Ingenieros y técnicos rusos en la industrialización argentina (1920-1950) // Cuadernos de Historia Industrial. – 2021. – N°78. p.45-67
8. López D., Cárdenas M. (Eds.) Inmigración eslava en Chile: Integración cultural e identitaria. – Santiago: RIL Editores, 2019. – 312 p.
9. Silva R. O renascimento do interesse pela cultura russa entre descendentes de imigrantes no Sul do Brasil // Revista Brasileira de Sociologia. – 2022. – Vol. 10, N° 22. —P. 89-110.
10. Vargas M.I. Los rusos en Argentina: Historia de una inmigración silenciosa. – Buenos Aires: Editorial Biblos, 2014. – 224 p.
11. Вторая половина июля в уругвайском Сан-Хавьере традиционно проходит в приятных хлопотах...: пост в соцсети Facebook // Постоянное представительство России при ОЗХО и других международных организациях в Гааге (офиц. страница). – URL: <https://www.facebook.com/russianmission/posts/1175722327918555/> (дата обращения: 25.11.2025).

РАЗДЕЛ 2. Секция «Экономика»

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИБЕРОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН

УДК 339.92

Александров И.Р.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Гуманитарный факультет
Группа МО-2202
Науч. рук.: Богословская С.А.

УСТОЙЧИВЫЙ АГРОЭКСПОРТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ПОТЕНЦИАЛ И БАРЬЕРЫ

Устойчивое развитие в последние годы стало одним из ключевых ориентиров экономической политики, и для стран региона эта тема имеет особую значимость из-за сочетания благоприятных природных условий и сохраняющихся институциональных и технологических ограничений. Ресурсная база позволяет государствам региона оставаться крупными поставщиками продовольствия, однако уровень развития отрасли неоднороден, что влияет на темпы модернизации и долгосрочную конкурентоспособность.

Рост мирового спроса на экологически чистую продукцию усиливает роль региона как потенциального центра «зелёного» агроэкспорта. Латинская Америка и Карибский бассейн располагают обширными территориями сельскохозяйственного назначения, значительными запасами пресной воды и подходящим климатом, что создаёт объективные предпосылки для расширения производства экологически ориентированных товаров.

Аграрный сектор занимает важное место в экономике региона: его прямой вклад в ВВП составляет около 4,7%, а вместе с переработкой, логистикой и смежными индустриями – более 20%. В структуре экспорта, ориентированного на «зелёный» вектор, существенную роль играют кофе, какао, тропические культуры и биоудобрения. Эти товарные позиции рассматриваются как перспективные направления, способные обеспечивать дополнительный рост в условиях глобального спроса.

Страны региона являются чистыми экспортёрами продовольствия. Положительное сальдо торгового баланса в 2017 году достигло 104,3 млрд долларов, а доля региона в мировом производстве составляет около 14%, в мировых поставках сельскохозяйственной и рыбной продукции – 23%. Наиболее крупными экспортёрами выступают Бразилия, Аргентина и Мексика. При этом сохраняются контрасты в структуре хозяйств: в более развитых странах преобладают крупные предприятия, ориентированные на

экспорт, тогда как в других государствах значительная часть производства сосредоточена в малых семейных фермах, что влияет на доступ к технологиям и инвестициям.

Регион уязвим к климатическим факторам – засухам, колебаниям температур, деградации почв. Эти процессы снижают урожайность и увеличивают риски для сельского хозяйства. Дополнительная нестабильность возникает из-за колебаний мировых цен на продовольствие, что особенно заметно для экономик, чья экспортная структура сильно зависит от сельхозтоваров. В таких условиях важную роль играет государственная поддержка: ежегодный объём мер составляет около 18,8 миллиардов долларов, что эквивалентно примерно 8% добавленной стоимости сектора. Основные направления государственной поддержки включают несколько взаимосвязанных элементов. Во-первых, это расширение экспортной географии: государства региона стремятся выходить на новые рынки, диверсифицировать направления поставок и уменьшать зависимость от ограниченного круга партнёров. Для этого ведётся работа по упрощению процедур доступа, заключению соглашений и повышению узнаваемости продукции.

Во-вторых, значительное внимание уделяется укреплению позиций органической продукции. Под этим понимаются меры по сертификации, стандартизации и продвижению товаров, производимых с соблюдением экологических требований. Такая продукция ориентирована на потребителей, предъявляющих повышенные требования к качеству и устойчивости методов производства.

В-третьих, важной задачей остаётся развитие международного сотрудничества: участие в совместных проектах, обмен технологиями и согласование подходов в области аграрной политики. Это позволяет уменьшать барьеры, повышать эффективность экспортных операций и обеспечивать более устойчивое развитие сельского хозяйства в долгосрочной перспективе.

При этом сохраняется диспропорция в финансировании научных исследований: только отдельные страны (Бразилия, Чили, Уругвай, Аргентина) стабильно поддерживают вложения на уровне около 1% добавленной стоимости отрасли, в то время как в остальных государствах этот показатель не превышает 0,4%. Для повышения устойчивости необходим рост финансирования научных разработок, технологий и программ поддержки малых производителей.

Опыт Чили и Коста-Рики демонстрирует, что долгосрочная политика экологизации способна давать измеримый результат. В Чили создание национального экспортного бренда позволило выстроить координацию между производителями, ориентированными на международные стандарты. В Коста-Рике продвижение методов низкоуглеродного производства укрепило доверие внешних рынков и повысило устойчивость сектора.

Эти примеры подтверждают, что интеграция природосберегающих подходов в аграрную и внешнеторговую политику обеспечивает как экономическую, так и социальную отдачу.

По оценкам ФАО, к 2028 году регион сохранит тенденцию роста производства: ожидается увеличение доли мировой торговли кукурузой до 40%, сахара – до 39%, мяса – до 35%; доля сои может достигнуть 58%, а объёмы производства зерновых вырастут на 22%. В сочетании с природными ресурсами это создаёт долгосрочные конкурентные преимущества. Для перехода к устойчивой модели необходимы межгосударственные меры, направленные на снижение внутренних диспропорций, включая земельное неравенство и различия в доступе к исследованиям и инновациям. Такие меры способны укрепить позиции региона на фоне глобального движения к «зелёной» экономике.

В завершение следует отметить, что повышение устойчивости агроэкспорта требует не только внутренних реформ, но и совершенствования инструментов внешнеэкономической деятельности. Одним из направлений, способных усилить позиции региона на мировых рынках, является развитие специализированного института атташе по сельскому хозяйству. Такая практика обеспечит представление интересов аграрного сектора за рубежом, содействие выходу продукции на новые рынки, повышение информированности о требованиях и стандартах импортирующих государств, а также формирование устойчивых каналов взаимодействия между производителями и зарубежными партнёрами. Реализация подобных мер дополняет национальные стратегии развития экспорта и способствует укреплению роли региона как значимого участника глобальной продовольственной системы.

Список источников:

1. Латинская Америка в системе международных экономических отношений (Отв. ред. Симонова Л.Н.). – Москва.: ИЛА РАН, 2020. – 487 с.
2. Чиркин С.А. Аграрный сектор стран Латинской Америки: состояние и перспективы развития / С.А. Чиркин // Российский внешнеэкономический вестник. – Москва, 2022. – № 3. – С. 121–134.
3. Чувычкина И.А. Оценка современного состояния сельскохозяйственной структуры в Аргентине: технологии, экспорт и барьеры / И.А. Чувычкина // Social & Legal Studies in Agribusiness (журнал, англ./русский). – Москва 2023. – Т. 15, № 1. – С. 402–415.
4. Яковлев П. П. Мировая продовольственная безопасность: роль стран Латинской Америки / П.П. Яковлев // Экономика и бизнес. – 2015.
5. Воротникова Т. Экономика Чили: неолиберальная модель в развитии / Т. Воротникова // Российский совет по международным делам. – М.: РСМД, 2020. – Веб-публикация. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomika-chili-neoliberalnaya-model-v-razvitii/> (дата обращения: 15.11.2025).

6. Sustainable agriculture in Costa Rica // IW:LEARN News. – Global Environment Facility (GEF), 2023. – Веб-публикация. – URL: <https://news.iwlearn.net/nbspsustainable-agriculture-in-costa-rica> (дата обращения: 12.11.2025).

Егорова В.А., Овчинников А.К.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Факультет «Высшая школа управления»
Группа МиУБ23-6
Науч. рук.: к.э.н., доцент Жуковский А.Д.

УДК 339.97

ФИНАНСОВЫЕ ИННОВАЦИИ: ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РОСТА В СТРАНАХ КАРИБСКОГО БАССЕЙНА

Введение

Современное развитие мировой экономики невозможно без активного внедрения финансовых инноваций, которые становятся ключевым фактором устойчивого роста. В странах Карибского бассейна, обладающих разнообразной структурой экономики и ограниченными ресурсами, инновационные финансовые технологии играют особую роль в стимулировании экономической активности, повышении финансовой доступности и развитии предпринимательства.

Цель исследования: определить роль финансовых инноваций в обеспечении устойчивого развития стран Карибского бассейна.

Задачи исследования:

1. Анализ состояния финтех-сектора в регионе;
2. Сравнение тенденций с Латинской Америкой;
3. Выявление барьеров внедрения цифровых технологий;
4. Формулирование практических предложений по развитию инновационной экосистемы.

1. Теоретические основы финансовых инноваций

Финансовые инновации – это внедрение новых финансовых инструментов, технологий и решений, направленных на повышение эффективности финансового сектора и стимулирование экономического роста. По данным МВФ (2023), финансовые инновации являются драйвером цифровой трансформации в развивающихся экономиках.¹

¹ https://www-worldbank-org.translate.google/en/topic/financialinclusion/overview?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sge#:~:text=Financial%20inclusion%20supports%20entrepreneurship%20and,jobs%2C%20and%20drive%20economic%20development.

**Рост числа финтех-компаний
в Латинской Америке и Карибском бассейне (2025 г.)**

Год	Количество компаний	Прирост к 2017
2017	703	-
2019	1950	+177 %
2021	2482	+252 %
2023	3069	+337 %
2025	3425	+387 %

Источник: Составлено авторами.

По данным Межамериканского банка развития¹, за шесть лет количество финтех-компаний в Латинской Америке и Карибском бассейне увеличилось более чем в четыре раза. Далее был рассмотрен немаловажный показатель уровень финансовой инклюзии в странах Латинской Америки.

**Уровень финансовой инклюзии в странах Латинской Америки
(2024 г.)**

Страна	Балл (0–100)
Чили	58,3
Панама	56,0
Аргентина	54,4
Эквадор	53,2
Колумбия	48,3

Источник: Составлено авторами.

Данные отражают степень доступности финансовых услуг и уровень доверия к ним. Для большинства стран региона наблюдается положительная динамика, однако в Карибском бассейне показатели остаются ниже среднего значения.

2. Анализ внедрения финансовых технологий в странах Карибского бассейна

Финансовый сектор Карибского региона активно развивается благодаря внедрению мобильных платежей, блокчейна и национальных цифро-

¹ <https://www.iadb.org/en>

вых валют. Одним из примеров является цифровая валюта Sand Dollar, запущенная Центральным банком Багамских островов. Более подробно рассмотрим другие проекты и их долю в обороте, основные барьеры и статус в таблице

Таблица 3

Характеристики проектов CBDC (2025)

Проект	Год запуска	Доля в обороте	Статус	Основные барьеры
Sand Dollar	2020	1–1,5 %	Масштабирование	Грамотность, доверие
DCash	2021	<1 %	Восстановление	Сбои, фрагментация
JAM-DEX	2023	0,5 %	Расширение	Низкая мотивация
Belize CBDC	2024	-	Пилот	Инфраструктура

Источник: Составлено авторами.

Таким образом, основными ограничивающими факторами остаются недостаточный уровень цифровой грамотности населения, инфраструктурные проблемы и низкий уровень доверия к новым финансовым инструментам.

3. Сравнительный анализ с Латинской Америкой

Опыт стран Латинской Америки, таких как Бразилия, Мексика и Чили, показывает, что развитие финтех-сектора способствует повышению финансовой инклюзивности. Карибские государства могут адаптировать лучшие практики, включая открытый банкинг и использование Big Data.

Таблица 4

Размер рынка финансовых технологий в Латинской Америке

Страна	Доля	Характеристика
Бразилия	25 %	Развитая инфраструктура
Мексика	21 %	Государственная поддержка
Колумбия	14 %	Быстрое развитие
Чили	11 %	Стабильное регулирование
Аргентина	8 %	Экономическая нестабильность
Карибы	6–7 %	Рост за счёт CBDC

Источник: Составлено авторами.

Сравнительный анализ показывает, что лидирующие позиции на рынке финансовых технологий занимают крупные экономики региона – Бразилия и Мексика. Карибские страны пока имеют меньшую долю рынка, однако демонстрируют потенциал роста за счёт внедрения CBDC и заимствования успешных практик Латинской Америки.

Таблица 5

Ключевые показатели влияния финтех-сервисов на пользователей (2025 г.)

Показатель	Значение
Рост числа финтех-компаний с 2017 г.	+340%
Пользователи, сэкономившие время благодаря цифровым услугам	72%
Пользователи, получившие доступ к кредиту через финтех	53%

Источник: Составлено авторами.

Показатели таблицы подтверждают значительное положительное влияние финтех-сервисов на пользователей: цифровые технологии способствуют экономии времени, расширяют доступ к кредитным ресурсам и стимулируют рост финансовой активности населения, что в целом усиливает финансовую инклюзивность региона.

4. Рекомендации

К основным рекомендациям были отнесены следующие утверждения:

1. Развивать цифровую инфраструктуру и доступ к интернету на удалённых территориях.
2. Создать единый регуляторный центр по вопросам финтеха и CBDC.
3. Поддерживать стартапы через налоговые льготы и инвестиционные фонды.
4. Внедрить государственные программы цифровой грамотности.
5. Наладить обмен опытом с Латинской Америкой и международными организациями.
6. Включить показатели цифровизации в стратегию устойчивого развития (ЦУР ООН).

5. Заключение

Финансовые инновации становятся важным инструментом устойчивого развития стран Карибского бассейна. Совместное использование опыта Латинской Америки, инвестиций и цифровых технологий позволит региону укрепить финансовую систему, повысить инклюзивность и обеспечить долгосрочный экономический рост. Опыт стран Латинской Аме-

рики показывает, что сочетание инвестиций, гибкого регулирования и технологического прогресса даёт значительный экономический эффект. Для Карибских стран цифровизация финансов – это не просто современный тренд, а необходимость, обеспечивающая долгосрочную устойчивость и рост.

Список источников:

1. Джонсон, Р. П. Финансовые технологии и их роль в устойчивом развитии стран Карибского региона. // Журнал финансового анализа. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 15-29.
2. Patterson, A. C. Инновации в банковском секторе: влияние на экономический рост в Карибском бассейне. // Экономические исследования Карибов. – 2023. – № 2. – С. 101-118.
3. Томпсон, Л. Н. Внедрение блокчейн-технологий в финансовом секторе: примеры из Карибского региона. // Международный журнал финансовых технологий. – 2022. – Т. 7, № 3. – С. 44-58.

УДК 338.484.6

Ершова В.М.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Институт магистратуры: Международная торговля

Группа ТД-2541

Науч. рук.: к.геогр.н. Сафина С.С.

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА РЫНКА МЕДИЦИНСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Рынок медицинского оборудования – это растущий сегмент с высоким потенциалом, но с доминированием импортной продукции. Меняющаяся геополитическая ситуация создает окно возможностей. Многие страны региона активно диверсифицируют поставщиков медицинской техники, снижая зависимость от традиционных партнеров. Глубокое понимание структуры и динамики этого рынка позволяет российскому бизнесу не просто увеличить экспорт, а занять устойчивые позиции в стратегически важном регионе с долгосрочным потенциалом роста.

Всемирная организация здравоохранения дает определение термину медицинское оборудование, как «любой инструмент, аппарат, орудие, машину, имплантат, катализатор для использования in vitro, программное обеспечение, материал или связанное с ним изделие, изготовленные в целях

использования в медицине». [1] В 2024 году объем рынка медицинского оборудования в странах Латинской Америки достиг примерно 6,83 миллиарда долл. США. В период с 2025 по 2034 год прогнозируется 5,8% среднегодового темпа роста рынка, а к 2034 году рынок должен достигнуть объема в 11,34 миллиарда \$США (см. рис. 1).

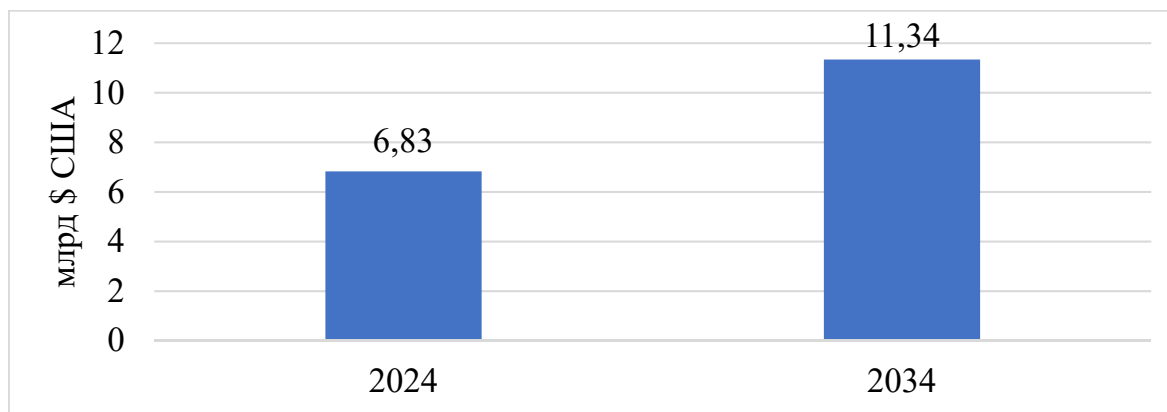

Рисунок 1 – Динамика рынка медицинского оборудования в странах Латинской Америки (прогноз) 2024-2034 гг

По данным ЭКЛАК, 70% медицинских изделий, которые были экспортированы с 2014 по 2018 год в Латинскую Америку, поступило из Мексики, к тому же страна занимает лидерство по импорту среди стран региона. На международном рынке Мексика занимает седьмое место среди крупнейших экспортеров медицинского оборудования, занимая 5% мирового рынка и поставляя продукт в 135 стран по всему миру. [2] Мексика представляет стратегически важный рынок с уникальной структурой – являясь крупным экспортером медицинского оборудования (\$11,3 млрд), страна одновременно покрывает 82% внутреннего спроса за счет импорта. Этот парадокс создает идеальные условия для российских поставщиков расходных материалов и диагностического оборудования, особенно учитывая географическую близость Мексики к США и логистические преимущества. Наибольший потенциал имеется в сегментах эндоскопического и диализного оборудования, где доля импорта достигает 50%.

Коста-Рика является второй страной в регионе СЕЛАК по экспорту медицинских приборов. С начала 20-х годов 21 века Коста-Рика активно укрепляет свои позиции на рынке медицинского оборудования, как одно из лучших направлений в мире производителей медико-биологической продукции. На данный момент страна уступает только Мексике, контролируя 24% регионального рынка. Касаясь мирового экспорта, Коста-Рика обеспечивает 2% глобальной внешней торговли. Тем более, медицинское оборудование уже несколько лет подряд становится основной статьей экспорта страны, тем самым демонстрируя двузначный рост. [3]

Бразилия с объемом рынка \$15,4 млрд сохраняет значительную зависимость от импортных поставок (43,5%), особенно в сегменте лабораторного оборудования и реагентов. При этом страна демонстрирует устойчивый рост экспорта в страны Северной и Южной Америки (63,1% от общего объема). Для российских производителей открываются перспективы в поставках кардиологического и ортопедического оборудования, а также в налаживании совместных производств с учетом растущей локализации в рамках государственных программ. [4]

Аргентина демонстрирует противоречивую динамику: при росте экспорта медицинского оборудования на 50% страна сохраняет значительный торговый дефицит (\$682 млн). Особый интерес представляет специализация на производстве аппаратов кислородной терапии и развитии технологических стартапов в сфере медицинских устройств. Российские компании могут найти ниши для сотрудничества в области высокотехнологичного диагностического оборудования и имплантов, где аргентинский рынок зависит от внешних поставок. [5]

Чили характеризуется экстремальной зависимостью от импорта – 98% медицинского оборудования поступает из-за рубежа, преимущественно из США, Китая и Германии. При этом рынок демонстрирует устойчивый рост, достигнув \$1,7 млрд в 2022 году. Наибольшие перспективы для российских производителей связаны с поставками диагностического оборудования и средств медицинской визуализации, где сохраняется высокий спрос и относительно низкая конкуренция по сравнению с традиционными рынками. [6]

Колумбия и Перу представляют растущие рынки с прогнозируемым ростом 5,7% и минимальным локальным производством. В Колумбии особенно перспективны сегменты расходных материалов и стоматологического оборудования, в то время как Перу активно импортирует аппараты УЗИ и МРТ-оборудование. Оба рынка отличаются растущим вниманием правительств к модернизации системы здравоохранения, что создает благоприятные условия для заключения государственных контрактов. [7,8]

В контексте представленного анализа открываются значительные возможности для углубления партнерства между российскими и латиноамериканскими компаниями. Это сотрудничество может стать основой для создания реальной ценности и решения общих задач, реализуясь в следующих гуманистически ориентированных форматах:

- 1) Организация сборочных производств в Мексике и Бразилии позволит не только оптимизировать логистику, но и, что важнее, сделать российское диагностическое оборудование более доступным для пациентов региона за счет локализации и снижения конечной стоимости.

- 2) Адаптация российских разработок в телемедицине и портативной диагностике специально для сельских и удаленных районов Латинской

Америки поможет преодолеть географическое неравенство в доступе к качественной медицинской помощи, буквально доставляя технологии тем, кто в них больше всего нуждается.

3) Участие в государственных тендерах Чили и Колумбии как альтернативный поставщик высокотехнологичного оборудования (МРТ, имплантов) способствует здоровой конкуренции, диверсификации рынка и укреплению медицинского суверенитета стран региона.

4) Кооперация с биотех-стартапами Аргентины в создании аппаратов ИВЛ нового поколения – это пример того, как объединение компетенций может привести к прорывным решениям, которые спасут жизни не только в нашей стране, но и по всему миру.

5) Образовательные программы и стажировки для латиноамериканских специалистов в российских инновационных центрах закладывают основу долгосрочного сотрудничества, основанного на общем знании, взаимном доверии и совместном внедрении передовых медицинских практик.

Проведенное исследование подтверждает, что Латинская Америка – это не просто растущий рынок, а регион, где стремление к технологическому развитию и укреплению собственной системы здравоохранения создает пространство для искреннего партнерства. Парадокс роста экспорта при сохранении импортной зависимости указывает на запрос стран региона на надежных технологических партнеров, готовых к совместному созданию ценностей.

Список источников:

1. Всемирная организация здравоохранения. Ресурс на русском языке. [Электронный ресурс] // WHO: website/ – URL: <https://www.who.int/ru> (Дата обращения: 24.02.2025).

2. Commercial Real Estate. The Pros and Cons of Investing in Medical Facilities. [Электронный ресурс]. – // Commercial Real Estate / – URL: <https://www.commercialrealestate.com.au/advice/the-pros-and-cons-of-investing-in-medical-facilities-2-1328853/> (дата обращения: 27.02.2025).

3. CISS-Bienestar. Estudio comparativo de los sistemas de salud en América Latina (PDF) [Электронный ресурс]. // CISS / – URL: <https://ciss-bienestar.org/cuadernos/pdf/Estudio-comparativo-de-los-sistemas-de-salud-en-America-Latina.pdf> (Дата обращения: 24.02.2025).

4. APEX Brasil. Exportações de dispositivos médicos crescem 24,6% em 2024 e Brasil amplia reconhecimento global no setor [Электронный ресурс]. // APEX Brasil / – URL: <https://apexbrasil.com.br/br/pt/conteudo/noticias/Exportacoes-de-dispositivos-medicos-crescem-24,6-em-2024-e-Brasil-amplia-reconhecimento-global-no-setor.html> (дата обращения: 14.03.2025).

5. Правительство Аргентины. Salud [Электронный ресурс] // GOB Argentina Salud / – URL: <https://www.argentina.gob.ar/salud> (Дата обращения: 02.03.2025).

6. Investopedia. Investing in Healthcare. [Электронный ресурс]. // Investopedia / – URL: <https://www.investopedia.com/articles/stocks/08/investing-in-healthcare.asp> (дата обращения: 11.02.2025).

7. SPRI (Euskadi). Informe Colombia – Salud (PDF) [Электронный ресурс]. // SPRI EUS COLOMBIA / – URL: <https://www.spri.eus/archivos/2022/10/pdf/221028-basquetrade-colombia-salud-informe.pdf> (Дата обращения: 14.03.2025).

8. ICEX. Equipamiento médico hospitalario en Chile: recobrando el pulso [Электронный ресурс]. // ICEX ES / – URL: <https://www.icex.es/es/quienes-somos/donde-estamos/red-exterior-de-comercio/cl/documentos-y-estadisticas/estudios-e-informes/equipamiento-medico-hospitalario-en-chile--recobrando-el-pulso> (Дата обращения: 14.03.2025).

УДК 327.7

Зивреева М.Э., Юдина Д.А.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Гуманитарный факультет
Группа ЗР-2204
Науч. рук.: Гаврилова К.С.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И АФРИКИ В XXI В.: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Растущий спрос на многополярность и стремление развивающихся государств к суверенизации своих внешнеэкономических связей привели к активизации «Юг-Юг» сотрудничества. В рамках такой парадигмы особый интерес представляет динамичное и одновременно сложное экономическое взаимодействие между двумя макрорегионами, долгое время находившимися на периферии глобальных экономических процессов, – Латинской Америкой и Африкой. В XXI в. взаимодействие перешло от эпизодических контактов к попыткам выстраивания прагматичного стратегического партнерства, мотивированному взаимным стремлением к диверсификации связей, снижению зависимости от Запада и укреплению переговорных позиций. Изначально обусловленное историко-культурными связями, прежде всего между Бразилией и португалоязычными странами Африки (Ангола,

Мозамбик, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи, Экваториальная Гвинея), это взаимодействие сегодня приобретает новое качество. Регионы обладают колоссальным потенциалом (демография, ресурсы) и видят друг в друге пространство для новых возможностей – от торговли до инфраструктурных проектов. Таким образом, целью данного исследования является комплексный анализ тенденций, ключевых направлений и проблем экономического взаимодействия между Латинской Америкой и Африкой в период с начала XXI в. по настоящее время.

Взаимная заинтересованность стран Латинской Америки и Африки в развитии отношений проявилась через запуск межрегиональных форумов и формирование стратегических национальных инициатив, ориентированных на сотрудничество «Юг-Юг». Ключевым форматом взаимодействия на высшем уровне с середины 2000-х гг. является Саммит стран Африки и Южной Америки (ASA). Его создание стало важным политическим шагом, однако к началу 2020-х гг. он столкнулся с институциональной инерцией, отсутствием четкой финансовой основы для проектов и ограниченным прогрессом в реализации договорённостей [3].

На фоне стагнации широкого формата ASA, центр тяжести сместился в сторону БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и предшествующего ему Форума ИБСА (Индия, Бразилия, ЮАР), где взаимодействие Бразилии и ЮАР приобрело черты реального стратегического альянса. БРИКС предлагает работающие финансовые инструменты, в частности Новый банк развития (НБР), который кредитует проекты устойчивого развития, минуя условия Бреттон-Вудских институтов. Для стран Латинской Америки (помимо Бразилии) и Африки (помимо ЮАР) БРИКС становится точкой притяжения, рассматривая его как гарант экономической безопасности в условиях санкционного давления [1].

Кроме того, в период с 2022 года наблюдается активизация двусторонних отношений, наиболее показательным примером которой является внешнеполитическая трансформация Колумбии. Ее стратегия «Африка 2022-2026» [9] знаменует разворот в сторону Глобального Юга, предполагая глубокое политическое и культурное сближение. Важным шагом стало открытие посольства в Сенегале (май 2024 г.), расширяя латиноамериканское присутствие в франкоязычной Западной Африке [8].

Экономическое сотрудничество сконцентрировано преимущественно вокруг нескольких региональных держав («якорных экономик»). Товарооборот между Бразилией и ЮАР демонстрирует высокую динамику, увеличившись почти в 7 раз за десятилетие (2013-2023 гг.). По состоянию на 2023 г. Бразилия являлась крупнейшим торговым партнером ЮАР в Латинской Америке [1].

В сентябре 2025 г. Бразилия экспортировала в ЮАР товаров стоимостью 83,3 млн долларов США [6], что на 20,8% меньше, чем в сентябре 2024 г., когда объем торговли составил 105 млн долларов США.

Структура торговли диверсифицирована: ЮАР поставляет промышленные товары (например, продукты реакции и катализаторы, железнодорожные транспортные средства), а Бразилия – аграрную продукцию (мясо птицы) и машины [6]. При этом общий объем импорта ЮАР из Бразилии превышает экспорт, формируя для ЮАР отрицательное торговое сальдо.

Безусловным лидером по объему южноафриканского экспорта является Бразилия, на долю которой приходится почти половина (45%), на Аргентину – около 25% (основа – автокомпоненты и горное оборудование), на Чили – 15% (уголь, промышленное оборудование) [7].

Культурная дипломатия и потенциал диаспоры (Африканский Союз признает людей африканского происхождения, проживающих в Америке «Шестым регионом» Африки [4]) служат основой для «Дипломатии народов». Сотрудничество концентрируется на решении проблем неравенства и структурного расизма [3].

Несмотря на очевидный потенциал и стратегическое сближение, развитие экономического взаимодействия Латинской Америки и Африки сталкивается с рядом структурных и институциональных проблем. Проблемы развития взаимодействия включают: 1) слабость институциональной базы ASA (отсутствие постоянного секретариата и механизмов финансирования); 2) сохранение сырьевой зависимости, где африканские страны выступают поставщиками ресурсов, а латиноамериканские – более сложных продуктов; 3) инфраструктурные и логистические барьеры (большие расстояния, маршруты через Европу и Северную Америку), повышающие транзакционные издержки.

Официальные диалоги традиционно акцептируются на гуманитарной солидарности и борьбе с бедностью, создавая иллюзию глубокой интеграции. Однако за этим риторическим фасадом (например, кубинская «медицинская дипломатия» или бразильские программы здравоохранения [5]) часто скрывается прагматичный политический и корпоративный расчет (укрепление влияния, получение выгодных контрактов для крупных компаний, например, Odebrecht [5]). Практическая реализация взаимодействия осуществляется преимущественно корпоративными структурами (например, Anglo American в Бразилии [2]), для которых риторика носит инструментальный характер, а движущей силой являются прямые иностранные инвестиции.

Таким образом, экономическое взаимодействие между Латинской Америкой и Африкой развивается в условиях глубокого дуализма. С одной

стороны, налицо стратегическое сближение, мотивированное многополярностью, выражающееся в институциональных форматах и национальных стратегиях. С другой стороны, сотрудничество «Юг-Юг» страдает от структурных болезней: слабой логистики, отсутствия финансовых инструментов и сохранения сырьевого характера торговли, что демонстрирует существенный разрыв между риторикой социокультурной солидарности и прагматической экономической практикой.

Список источников:

1. Баскакова А. С., Исякаева А. Р., Хромова А. А. Экономическое сотрудничество ЮАР со странами Латинской Америки // Казачество. 2024. №77 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-yuar-so-stranami-latinskoj-ameriki> (дата обращения: 13.11.2025).
2. Anglo American Brasil [Электронный ресурс] // URL: <https://brasil.angloamerican.com/pt-pt> (дата обращения: 12.11.2025).
3. Africa – South America [Электронный ресурс] // African Union. URL: https://au.int/en/partnerships/africa_southamerica (дата обращения: 10.11.2025).
4. Cooperation between Latin America and Africa from the perspective of the peoples of the diaspora [Электронный ресурс] // Latinoamerica21. URL: <https://latinoamerica21.com/en/cooperation-between-latin-america-and-africa-from-the-perspective-of-the-peoples-of-the-diaspora/> (дата обращения: 12.11.2025).
5. Cuban Medical Diplomacy: When the Left Has Got It Right [Электронный ресурс] // СОНА. URL: <https://coha.org/cuban-medical-diplomacy-when-the-left-has-got-it-right/> (дата обращения: 12.11.2025).
6. Data Sources [Электронный ресурс] // The Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: https://oec.world/en/data-sources#trade_s_bra_ncm_m_hs (дата обращения: 13.11.2025).
7. Monthly Trade Statistics [Электронный ресурс] // SARS. URL: <https://www.sars.gov.za/?s=Monthly+Trade+Statistics> (дата обращения: 13.11.2025).
8. Colombia inaugura Embajada en Senegal: fortalecimiento de la Estrategia África 2022-2026 [Электронный ресурс] // Espectacular 2000. URL: <https://espectacular2000.com/colombia-inaugura-embajada-en-senegal-fortalecimiento-de-la-estrategia-africa-2022-2026/> (дата обращения: 11.11.2025).
9. Vicepresidenta de Colombia y viceministros de Cancillería socializaron Estrategia África 2022-2026 [Электронный ресурс] // Cancillería. URL: <https://www.cancilleria.gov.co/newsroom/news/vicepresidenta-colombia-viceministros-cancilleria-socializaron-estrategia-africa-2022> (дата обращения: 12.11.2025).

СОТРУДНИЧЕСТВО КНР И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В СФЕРЕ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ

Автомобильная промышленность Китая, будучи драйвером экономического роста страны в последние годы, не только активно выходит на международные рынки с целью реализации собственной продукции, но и локализует производство исходя из потребностей и наиболее выгодных для отрасли условий. Так, Латинская Америка превратилась для Китая в непосредственного партнёра в этой сфере, способствующего успешной реализации экспортируемой продукции и развитию двустороннего сотрудничества. В недавно подписанном «Совместном плане действий по сотрудничеству в ключевых областях между Китаем и государствами-членами СЕЛАК (2025–2027 гг.)» особенно подчёркивается важность совместного развития зелёных и низкоуглеродных отраслей промышленности, коей и является автомобильная промышленность на данный момент [1]. Отрасль новых энергетических транспортных средств становится все более значимой отраслью для расширения торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Латинской Америкой, что подтверждается рыночными показателями продаж.

В сфере автомобильной промышленности наибольший интерес среди стран Латинской Америки представляют для КНР Бразилия и Мексика, ведь именно эти страны выступают основными импортёрами автомобильной продукции Китая. Так, на рисунке 1 продемонстрированы основные направления автомобильного экспорта Китая за 2024 год. Согласно диаграмме, наиболее активным покупателем китайских автомобилей выступает Россия с показателем, достигающим порядка 1 миллиона проданных единиц легковых автомобилей. Второе место занимает Мексика, объём импорта которой составил около 400 000 купленных единиц товара. Для Китая Мексика традиционно является торговым партнёром в автомобильной сфере, ведь именно эта страна выступает главным «трамплином» для дальнейшего проникновения на американский рынок. Так, опираясь на подписанное в 2020 году торговое соглашение USMCA между США, Канадой и Мексикой, Китай локализует своё производство в Мексике, что способствует снижению производственных издержек и

предоставляет возможность «ухода» от таможенных пошлин. Китайские производители используют возможность обхода 25% пошлин на ввозимые легковые автомобили в США посредством локализации производств в Мексике.

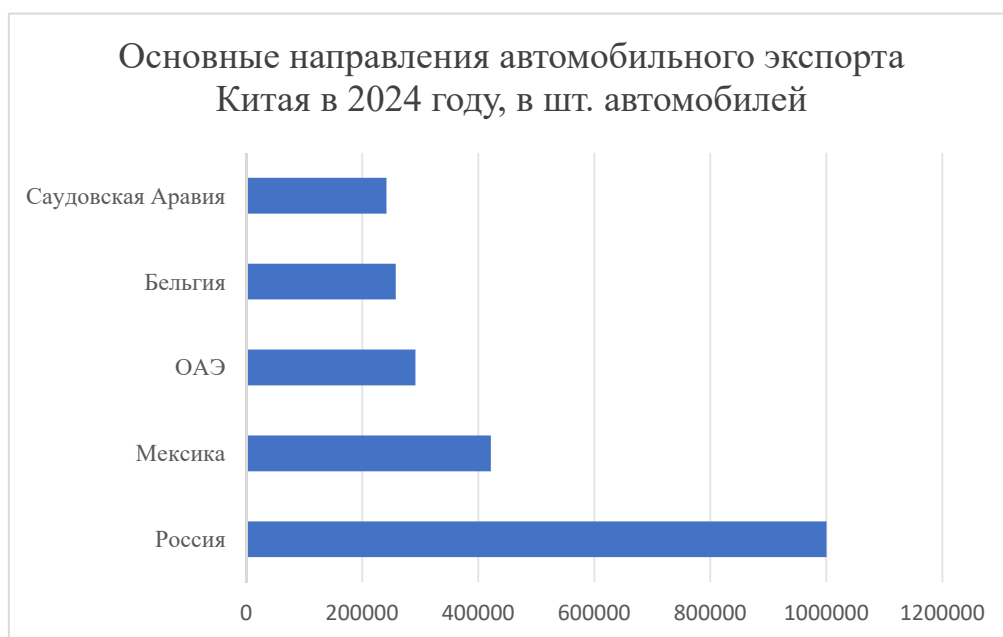

Рисунок 1. Основные направления экспорта легковых автомобилей Китая за период 01.01.2025-01.07.2025, шт. автомобилей [4]

Говоря же об экспорте электромобилей Китая, здесь лидирующими направлениями являются Бельгия, Бразилия и Таиланд (рисунок 2). Для Бразилии увеличение импорта электромобилей имеет не только экономическое, но и политическое значение. Правительство Бразилии взяло курс на сокращение выбросов парниковых газов с целью достижения углеродной нейтральности к 2050 году [1]. Это национальное обязательство по борьбе с изменением климата даёт долгосрочный политический импульс развитию новых энергетических транспортных средств и экологически чистых технологий. Тем не менее, на данный момент страна не обладает необходимыми производственными мощностями и технологиями, позволяющими перейти на «зелёный» курс. Именно поэтому и появляется необходимость в интеграции с КНР, уже достигшей больших успехов в этой отрасли. В поддержку проводимого политического курса в июне 2024 года правительство Бразилии официально учредило «Программу мобильности и инноваций (MOVER)» [2]. Эта программа направлена на регулирование стандартов выбросов транспортных средств, стимулирование исследований, разработок и производства автомобилей с низким и нулевым уровнем выбросов, а также на содействие трансформации всей автомобильной промышленности в сторону электрификации и устойчивого развития.

Рисунок 2. Основные направления экспорта электрических автомобилей Китая за период 01.01.2025-01.07.2025, шт. автомобилей [4]

Помимо политических попыток повлиять на развитие электромобильной отрасли правительство Бразилии также принимает инструменты экономического регулирования с целью локализации высокотехнологичного производства. Так, с 2015 года импортные пошлины на электромобили были снижены до нуля, но с 2024 года ставка импортной пошлины на электромобили была повышена сначала на 10%, а затем достигла 18% в конце года. К 2026 году правительству планирует повысить налоговую ставку до 35%. Это постепенное повышение пошлины направлено на стимулирование автопроизводителей производить новые энергетические транспортные средства локально в Бразилии, способствуя развитию местной цепочки поставок и отрасли. На этом фоне большинство импортёров и увеличили объёмы импорта до повышения налоговой ставки. Так, в 2024 году в Бразилии было зарегистрировано 466 500 импортных электромобилей (+33%), из которых около 200 000 были представлены китайскими брендами [3].

Уже в 2024 году Китай обогнал Бразилию по показателям экспорта автомобилей в страны Латинской Америки, что отражено на рисунке 3. На данный момент китайские автопроизводители отходят от модели, ориентированной на экспорт, и явно переходят к методу с «крупными инвестициями»: строят местные заводы, налаживают сбытовые сети, стимулируют поставки комплектующих на местах и даже осваивают кооперацию в сфере ресурсов. Среди ключевых примеров такие компании как BYD, Great Wall

Motors, Chery и GAC Group. Если подробнее освещать деятельность компании BYD на территории Бразилии, то стоит отметить, что с момента выхода на бразильский рынок в 2021 году компания BYD начала с производства электробусов и к настоящему времени создала диверсифицированную производственную структуру, охватывающую электробусы, солнечную энергетику, монорельсовые транспортные системы и пассажирские транспортные средства. В мае 2025 года доля BYD на местном рынке электромобилей достигла 92,2%, а доля гибридных автомобилей – 35,8%, что позволило компании прочно занять лидирующие позиции в своих сегментах. Завод BYD по производству легковых автомобилей в Бразилии расположен в портовом городе Камассари, который отличается полной цепочкой автомобильной промышленности и развитой портовой логистической инфраструктурой. В июле 2023 года BYD объявила о строительстве там крупного производственного комплекса, состоящего из трёх заводов: завода по сборке легковых автомобилей на новых источниках энергии, завода по сборке аккумуляторных модулей и завода по производству коммерческих автомобилей. Это будет крупнейший в Латинской Америке промышленный комплекс по производству автомобилей на новых источниках энергии с общим объёмом инвестиций 5,5 млрд реалов (около 7,1 млрд юаней). На заводе уже работают более 1000 человек, более 70% из которых местные жители [6].

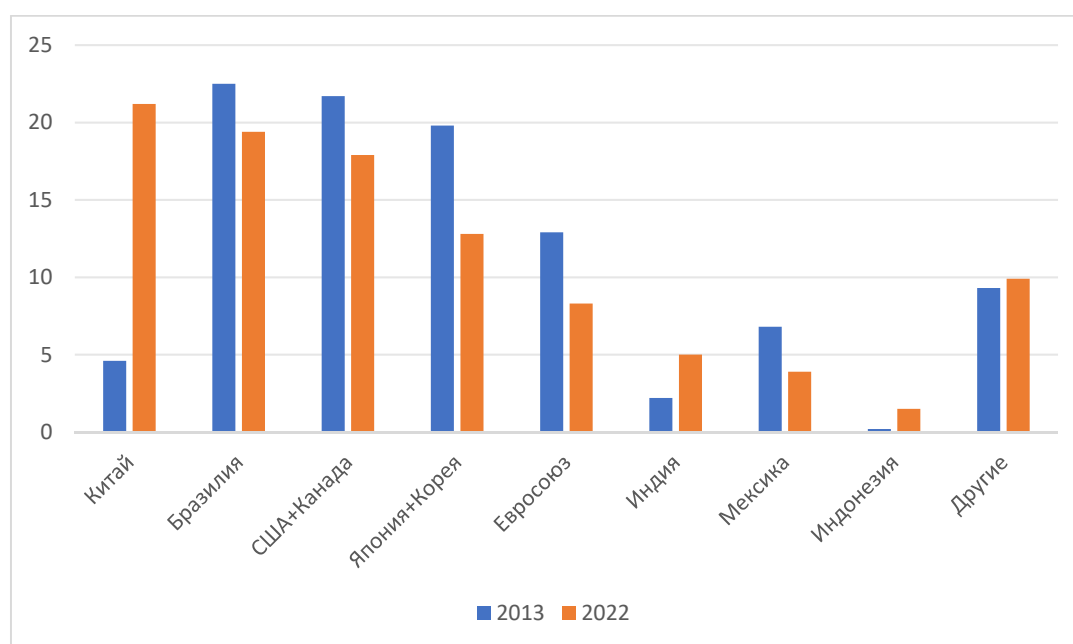

Рисунок 2. Доля стран мира в автомобильном импорте стран Латинской Америки, в % [5]

В 2021 году компания Great Wall Motors приобрела завод Mercedes-Benz в Ира-Семаполисе (Бразилия), и после трёх лет модернизации

в 2024 году началось производство. Уже сейчас годовая производительность завода составляет 50 000 автомобилей, которая будет увеличена до 100 000 автомобилей к 2025 году. Примерно 35% из них являются гибридными автомобилями с возможностью подзарядки от электросети, 25% электромобилями, а остальные бензиновыми/гибридными двухтопливными моделями, экспортируемыми в такие страны, как Аргентина и Чили. Great Wall Motors также позиционирует Бразилию как свою научно-исследовательскую и производственную базу на рынке Латинской Америки, инвестируя более 10 миллиардов реалов (около 13,2 миллиарда юаней) в течение следующих десяти лет в содействие модернизации местной промышленности и создание нового центра энергетического транспорта, охватывающего всю Латинскую Америку. Что ещё важнее, Great Wall Motors планирует достичь уровня локализации 60% местных комплектующих, в то время как у Volkswagen уровень локализации после шести лет развития в Бразилии составляет 45%.

Важным аспектом локализации китайских автомобильных компаний в Бразилии является также региональный фактор. Например, в Бразилии высокоразвита индустрия производства сахарного тростника, что способствует бурному развитию сектора этанолового топлива и делает автомобили Flex Fuel заметной частью местного рынка [7]. «Flex fuel» (или «гибкое топливо» в переводе на русский язык) – это технология, которая позволяет двигателю работать как на обычном бензине, так и на смесях бензина с этанолом (биоэтанолом) в различных пропорциях. Автомобили, оснащённые этой технологией, называются автомобилями с гибким выбором топлива (FFV). У них есть сенсор, который определяет содержание этанола в топливе и автоматически настраивает работу двигателя для оптимального сгорания. Так, в Бразилии уже эксклюзивно выпускаются модели гибридных автомобилей Haval H6 от Great Wall Motors, использующие модель «один автомобиль, три силовых агрегата» (бензин, этанол и аккумулятор), что соответствует местным условиям и ресурсным возможностям.

Таким образом, китайские автомобильные компании имеют тесную интеграцию с правительствами латиноамериканских стран, что обусловлено растущим спросом последних на высокотехнологичную продукцию и необходимостью КНР реализовывать свою продукцию на международных рынках.

Список литературы:

1. CEBRI. Carbon Neutrality until 2050: scenarios for an efficient transition in Brazil / E. Cosse, et al. // Brazilian Center for International Relations. – Rio de Janeiro, 2023. – 65 p. – URL: <https://cebri.org/br/doc/309/neutralidade-de-carbonate-2050-cenarios-para-uma-transicao-eficiente-no-brasil> (data request: 18.11.2025)

2. Presidency of the Republic of Brazil. Mover: new program expands actions for green mobility and decarbonization // Official portal of the Brazilian government. – 2023. – 15 Dec. – URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/noticias/2023/12/mover-novo-programa-amplia-acoes-para-mobilidade-verde-e-descarbonizacao> (data request: 18.11.2025)

3. China passes Brazil and leads vehicle sales in Latin America // Valor Econômico. – 2023. – 4 Dec. – URL: <https://valor.globo.com/empresas/noticia/2023/12/04/china-passa-brasil-e-lidera-venda-de-veiculos-na-al.ghm> 1 (data request: 18.11.2025)

4. China Association of Automobile Manufacturers (CADA). Official website // CADA. – URL: <http://cada.cn/index.html> (data request: 18.11.2025)

5. Department of Commerce of Guangdong Province. // Official portal of the People's Government of Guangdong Province. – 2024. – 9 Feb. – URL: https://com.gd.gov.cn/zcqqgfwpt/zcqzx/content/post_4714897.html (data request: 18.11.2025)

6. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. // Official website of the Ministry of Commerce of the PRC. – 2025. – 28 March. – URL: https://www.mofcom.gov.cn/tjsj/gbdqmytj/mdgjdqmytj/art/2025/art_90716b0b24544317b13e540f58acaa1a.html (data request: 18.11.2025)

7. Sokolova A.V., Zhang Jingting Cooperation between China and the countries of the Middle East in the field of transport "CyberLeninka". – 2021. – № 3. – P. 41-51. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-kitaya-i-stran-blizhnego-i-srednego-vostoka-v-oblasti-transporta> (data request: 18.11.2025)

**РАЗДЕЛ 3. Секция «Политика»
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ
И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ**

УДК 339.9

Апарышева И.М.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Гуманитарный факультет
Группа ЗР-2204
Науч. рук.: к.геогр. н. Сафина С.С.

**ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ
РАБОЧЕЙ СИЛЫ ИЗ МЕКСИКИ В США**

Международная миграция рабочей силы между Мексикой и США на протяжении более ста лет остаётся одним из крупнейших и наиболее устойчивых миграционных процессов в мире. Она оказывает глубокое влияние на экономику, социальную структуру и внутреннюю политику обеих стран. Для Мексики миграция выступает одновременно демографическим, социальным и экономическим механизмом адаптации, позволяющим компенсировать структурные дисбалансы национального рынка труда. Для США мексиканские мигранты – важный источник рабочей силы, особенно в секторах сельского хозяйства, строительства, сферы услуг и производства.

Формирование массовой миграции обусловлено совокупностью факторов. В XX веке Мексика пережила стремительный демографический рост: население увеличивалось благодаря высокой рождаемости и снижению уровня смертности. Примерно половина населения в 1970–1980-е годы составляли молодые люди, значительная часть которых не находила себе места на внутреннем рынке труда. Демографическое давление совпало с экономическими кризисами, нестабильностью производственного сектора и ограниченными возможностями трудоустройства, что усилило мотивацию к миграции в США. Со временем в стране сформировались устойчивые миграционные социальные сети, благодаря которым миграция стала массовым, самовоспроизводящимся явлением.

Экономические факторы играют ключевую роль в объяснении масштабов миграции. Разрыв в уровне доходов между Мексикой и США остаётся огромным: средний работник в США может зарабатывать более чем в десять раз больше, чем аналогичный работник в Мексике (рисунок 1).

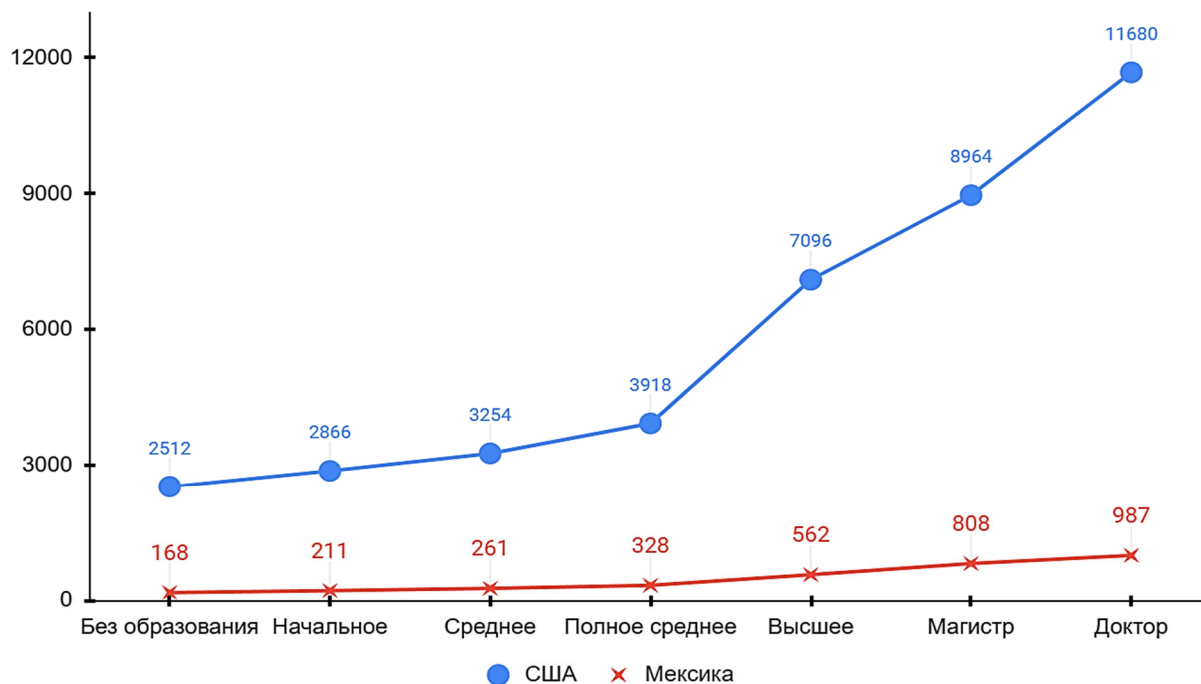

Рисунок 1. Среднемесячный трудовой доход в Мексике и США (долларов США), 2022 г. Составлено по данным [2]

Внутренняя экономика Мексики характеризуется высокой долей неформальной занятости, значительным уровнем бедности, социального неравенства и ограниченным доступом к услугам здравоохранения и образования для значительной части граждан. Эти факторы делают миграцию привлекательной стратегией для улучшения качества жизни. Особенно важным стимулом выступают денежные переводы мигрантов: они составляют около 3% ВВП страны и являются жизненно важным источником дохода для миллионов домохозяйств [3].

Исторические связи между странами усилили миграционные потоки. В 1942–1964 годах действовала программа «Брасеро», позволявшая миллионам мексиканцев официально работать в сельском хозяйстве США. Несмотря на её прекращение, она создала устойчивую инфраструктуру трансграничной мобильности: социально-родственные связи, каналы передвижения, экономические стимулы и ожидания, которые продолжают поддерживать миграцию и сегодня.

В современный период миграция приобрела ещё более сложную структуру. Мексика стала не только страной исхода, но и территорией транзита и назначения. Ежегодно сотни тысяч мигрантов из Гондураса, Гватемалы, Сальвадора, Кубы и Венесуэлы пересекают Мексику, направляясь в США. Одновременно в страну возвращаются депортированные мексиканцы, а также растёт число иммигрантов, оседающих на территории самой Мексики. Эти процессы осложняют управление миграцией и создают дополнительные нагрузки на инфраструктуру, социальные службы и органы безопасности [4].

Особую роль в миграционной динамике играют северные приграничные штаты Мексики – Нижняя Калифорния, Сонора, Чиуауа, Коауила, Нуэво-Леон и Тамаулипас. Вдоль мексикано-американской границы сложилась система парных городов: Тихуана (Мексика) и Сан-Диего (США) и т.д. Приграничная близость этих крупных городов и активная экономическая деятельность в данных штатах обеспечивают высокий транспортный поток [1]. Они являются ключевыми экономическими центрами страны благодаря близости к американскому рынку, развитой промышленности, активной межфирменной кооперации и участию в международных производственных цепочках. В этих штатах уровень доходов выше, чем в среднем по стране, а показатели занятости остаются устойчиво высокими. Существенная разница в уровнях душевого ВРП между приграничными штатами Мексики и США может служить экономическим стимулом для миграции. Разница в душевом ВРП между США и Мексикой может быть более важной, чем сам ВРП. Чем больше эта разница, тем сильнее желание мигрировать. Важна экономическая разница: миграция часто идет из мест с низким потенциалом в стране к более высоким, что создает экономический градиент для перемещения людей. Таким образом, связь между числом мигрантов в США и ВРП в приграничных штатах Мексики сложна. Более высокий ВРП в США скорее привлекает мигрантов, а в Мексике он может снизить их число, хотя задействованы и другие факторы, такие как демография, политика и экология.

Одновременно регион сталкивается с серьёзными социальными вызовами: высоким уровнем преступности, работой наркокартелей, давлением мигрантов, ростом числа депортированных и перегрузкой местных систем здравоохранения и социальной поддержки.

Экономические и социальные последствия миграции для Мексики многогранны. С одной стороны, отток рабочей силы снижает давление на национальный рынок труда и уменьшает конкуренцию за низкооплачиваемые рабочие места. Денежные переводы повышают уровень жизни в регионах миграционного исхода, стимулируют потребление и частично компенсируют недостаток государственных инвестиций. С другой стороны, миграция приводит к утечке человеческого капитала, сокращению числа молодых трудоспособных граждан в отдельных регионах, росту территориального неравенства и старению населения.

Политические последствия также значительны: США оказывают существенное влияние на миграционную политику Мексики. Усиление контроля на американской границе, ужесточение требований к просителям убежища и расширение практики депортаций вынуждают Мексику адаптировать собственные подходы. Страна принимает растущее число депортированных, усиливает собственный пограничный контроль и создаёт инфра-

структуру для временного размещения мигрантов. За последние годы Мексика значительно ужесточила миграционную политику, в том числе под давлением Вашингтона.

При этом законодательная база Мексики провозглашает принципы защиты прав человека, недискриминации и гуманитарного подхода. На практике реализация этих принципов затруднена нехваткой финансовых ресурсов, слабостью институтов, высоким уровнем коррупции и сильным влиянием преступных группировок. Центры размещения мигрантов перегружены, а система рассмотрения заявлений о предоставлении убежища не справляется с потоком обращений [4].

Мексика предпринимает меры для регулирования миграции: развивает сотрудничество с США, участвует в региональных инициативах по решению коренных причин миграции, инвестирует в южные штаты страны, расширяет программы социальной поддержки, улучшает механизмы реинтеграции возвратных мигрантов. Однако масштаб проблемы делает необходимым комплексный и долгосрочный подход, учитывающий экономические потребности страны, гуманитарные обязательства и международный контекст.

Таким образом, миграция рабочей силы из Мексики в США является результатом сочетания структурных экономических различий, демографических процессов, исторических связей, географической близости и политических факторов. Она оказывает глубокое влияние на социально-экономическое развитие Мексики, особенно северных приграничных штатов, формируя как возможности, так и серьёзные вызовы. Устойчивое управление миграцией требует согласованных усилий Мексики, США и стран Центральной Америки, направленных на сокращение бедности, укрепление институтов, борьбу с преступностью и создание легальных и безопасных каналов миграции.

Список источников:

1. Сафина С.С., Апарышева И.М., Амосов М.И. Транспортная проницаемость государственной границы Мексики и США // Глобальный научный потенциал. 2025. №1 (166). С.323-328.

2. International Organization for Migration MEXICO MIGRATION PROFILE // Trimester 1 2023

3. World Bank (2024) / Personal remittances, received (% of GDP) – Mexico. [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?locations=MX> – Англ. яз.

4. The Migration Crisis in Mexico | Think Global Health // Think Global Health [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/migration-crisis-mexico> – Англ. яз.

СПАД «РОЗОВОЙ ВОЛНЫ» В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Крах биполярной системы мира и идеологическая деконструкция XX века лишили традиционные левые силы Латинской Америки их прежних политических позиций в национальных правительствах ЛАКБ. В условиях, когда марксизм перестал быть доминирующим компасом, перед политической мыслью вновь встал фундаментальный вопрос: что определяет «левизну» в современном регионе? Ответы на него остаются полемичными, что наглядно демонстрирует дискуссия между ведущими российскими экспертами латиноамериканистами. Научный руководитель ИЛА РАН В.М. Давыдов настаивает на исчерпанности устаревшей шкалы «левые-правые», восходящей к Великой французской революции, аргументируя это ее неадекватностью для анализа сложных общественных процессов и устойчивости политических режимов [2, С. 19]. Профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова З.В. Ивановский, признавая необходимость методологических новаций, полагает, что это деление в целом продолжает отражать объективные политические реалии [3, С. 12].

Эта терминологическая неопределенность усугубляется за рубежом. Иностранные определения зачастую входят в противоречие с прагматичной политической практикой. Классическое определение, предлагаемое кубино-чилийской исследовательницей М. Харнеккер, как сил, выступающих за тотальный государственный контроль над экономикой [8, С. 39-40], сегодня выглядит анахронизмом. Даже на Кубе легализован частный сектор, в то время как Венесуэла проводит осторожную приватизацию, а Никарагуа строит экономику в тесном взаимодействии с международными финансовыми институтами. Правительства «розовой волны» нового поколения открыто делают ставку на гибридные модели, сочетающие социальную ориентацию с рыночными механизмами.

Не менее противоречивой является и позиция левых в отношении политических институтов. Исторически их идентичность формировалась в оппозиции диктаторским режимам, от Гомеса в Венесуэле и Варгаса в Бразилии до Мачадо на Кубе [7, С. 37]. Однако в XXI веке эта черта перестала быть универсальным маркером. Прогрессистские правительства, с одной стороны, инициировали конституционные реформы по снятию

ограничений на переизбрание (Венесуэла, Эквадор, Боливия), что критики расценивают как движение к авторитаризму. С другой стороны, именно новые лидеры «розовой волны» – в Чили, Колумбии, Бразилии – активно критикуют нарушения прав человека в кубинском и никарагуанском режимах, позиционируя себя как защитники демократических ценностей [1, С. 105].

В этом идеологическом хаосе сквозь пеструю ткань политических практик проступает, однако, объединяющий стержень. Им является многомерное стремление к социальному равенству, ставшее краеугольным камнем и для социалистов прошлого, и для современных прогрессистов. Это понятие эволюционировало, включив в себя экономический, социальный, гендерный и этнический аспекты.

В фокусе правительств «первой волны» была борьба с бедностью через масштабные программы перераспределения – такие как венесуэльские «миссии» или бразильская «Bolsa Família». Параллельно происходила индейская революция – выход коренных народов из маргинализации. Их политическое представительство укрепилось, а философская концепция «Buen Vivir» (Хорошая жизнь), бросающая вызов западной парадигме бесконечного роста, была инкорпорирована в конституции Эквадора и Боливии.

Новая «розовая волна» сделала гендерное и этническое равенство своим политическим брендом. Феномен женского лидерства (К. Киршнер, М. Бачелет, Д. Руссефф) и трехкратный рост представительства женщин в парламентах региона – лишь часть картины. Легализация однополых браков в семи странах, борьба с дискриминацией во всех ее проявлениях, фокус кабинета Габриэля Борича в Чили на правах детей и поддержка правительства Густаво Петро в Колумбии феминистской и экологической повестки (где женщины занимают половину министерских портфелей) – все это элементы новой, инклюзивной модели равенства [4, С. 62].

Эпоха «розовой волны» в Латинской Америке входит в фазу отлива. Если ее приход в начале XXI века был стремительным и обусловленным кризисом неолиберализма, то нынешнее отступление знаменует не просто циклический сдвиг «политического маятника», а глубинную трансформацию самой левой идеи в регионе. Мы наблюдаем ее фрагментацию, адаптацию к политическому прагматизму и окончательную утрату монополии на социальный протест. Современные левые правительства, пришедшие к власти на гребне новой волны, оказались заложниками сложной системы сдержек и противовесов, демонстрируя не силу, а системную хрупкость своего проекта [5, С. 231].

Социальный ландшафт, породивший эту волну, радикально отличается от предыдущего. Классическая волна левых в 2000-х была прямым ответом на коллапс неолиберальной модели и представляла собой «бунт

исключенных», по меткому определению К.Л. Майданика. Ее питательной средой была бедность, достигавшая 221 млн человек, а ответом – патерналистские программы социального включения. Новая же «розовая волна» родилась из протеста разочарованного среднего класса и молодежи, требовавших не хлеба, а прав: гендерного и экологической справедливости. Масштабные акции 2019 года в Чили, Колумбии и Перу, которые левые лишь попытались возглавить, были спонтанным взрывом не против экономической нужды, а против укоренившегося структурного неравенства. Эта конвергенция предопределила идейный эклектизм новой волны, смешав традиционную левую риторику с повесткой западных социал-демократов.

Ключевой особенностью и одновременно проблемой новой волны стала ее неспособность добиться подавляющего политического доминирования. В отличие от Чавеса или Моралеса, которые перестраивали политические системы под себя, их преемники вынуждены бороться за выживание в условиях плюрализма, который они же и вынуждены защищать. В Чили коалиция Габриэля Борича, не имея парламентского большинства, столкнулась с институциональным тупиком, что выразилось в провале двух конституционных проектов и ключевых налоговых реформ [10]. В Колумбии историческая победа Густаво Петро обернулась хрупкой и вскоре распавшейся коалицией, блокировкой его инициатив Конгрессом и сокрушительным поражением левых на региональных выборах [9]. В Бразилии Лула да Силва правит в условиях жесткого торга с «Большим центром», раздавая посты в обмен на поддержку [6, С. 11], а в Перу эпизод с Педро Кастильо и вовсе завершился мгновенным институциональным крахом. Эта «власть без полномочий» – диагностический признак спада, демонстрирующий, что левые сегодня не столько правят, сколько лавируют.

Идеологический портрет новой волны также претерпел радикальные изменения, сместившись от конфронтации к прагматизму. Антиимпериалистическая риторика «социализма XXI века» уступила место курсу на конструктивное, а порой и вынужденное взаимодействие с США, что особенно ярко видно на примерах Колумбии и Перу. Место классовой борьбы заняли экология, феминизм и права ЛГБТ+, что, сближая новых лидеров с европейскими социал-демократами, одновременно отдаляет их от традиционного электората. Проекты глубокой региональной интеграции в духе АЛБА, несущие антиимпериалистический заряд, канули в лету, уступив место прагматичной ориентации на двусторонние, в первую очередь торговые, отношения с глобальными центрами силы, такими как Китай.

Спад «розовой волны» – это не просто предвыборная полоса неудач, а симптом их системных процессов. Левый проект столкнулся с тройным вызовом: идеологическим вакуумом, при котором эклектичная повестка не

может мобилизовать массы так же, как старые лозунги; институциональными ограничениями, когда демократические институты сдерживают преобразовательные амбиции; и хрупкостью собственной социальной базы, распадающейся быстрее, чем формируется. Тренд на построение социального государства остается неизблемым, но пути его достижения больше не монополизированы левыми. Новая «розовая волна» оказалась не триумфом идеи, а тактическим успехом антисистемного протеста. Ее отлив знаменует наступление в Латинской Америке эпохи политической неопределенности, где старые бинарные оппозиции теряют силу, уступая место более сложной, фрагментированной и непредсказуемой картине.

Список источников:

1. Воротникова Т.А. Трудно быть левым: внешнеполитические стратегии правительств новой «розовой волны» в Латинской Америке // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67. – № 1. – С. 101–110.
2. Давыдов В.М. Латиноамериканистика нашего времени: ее истоки, результаты и ориентиры на перспективу // Латинская Америка. – 2019. – № 7. – С. 8–28.
3. Ивановский З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов // Латинская Америка. – 2019. – № 8. – С. 6–22.
4. Ивановский З.В. Колумбия: «левый дрейф» и корректировка внешнеполитического курса Проблемы национальной стратегии // Латинская Америка. – 2023. – № 2. – С. 50–69.
5. Ивановский З.В. «Розовая волна» в Латинской Америке: стратегия и тактика новых левых // Латиноамериканский исторический альманах. – 2024. – № 42. – С. 221–257.
6. Окунева Л.С. «Лула 3.0»: проблемы, противоречия и вызовы внутриполитического сценария // Латинская Америка. – 2024. – № 4. – С. 7–25.
7. Хейфец В.Л. Москва, левые и Коминтерн в Латинской Америке: история и современность / В.Л. Хейфец. – М., Весь мир. – 449 с.
8. Harnecker M. Inventando para no errar. América Latina y el socialismo del siglo XXI / M. Harnecker. – Guatemala, Secretaría de la Paz, 208 p.
9. Colombia's Petro Is Under Pressure to Deliver Halfway Through His Term / Americas Quarterly. URL: <https://www.americasquarterly.org/article/colombias-petro-is-under-pressure-to-deliver-halfway-through-his-term/> (Дата обращения: 21.11.2025).
10. El Partido Comunista tensa la cuerda en el Gobierno de Boric / El País. URL: <https://elpais.com/chile/2024-07-09/el-partido-comunista-tensa-las-cuerdas-en-el-gobierno-de-boric.html> (Дата обращения: 21.11.2025).

Варламова А.Е.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Факультет глобальных процессов
Группа 421-ГИД
Науч. рук.: проф., д.п.н. Ивановский З.В.

РЕАКЦИЯ СТРАН ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЭСКАЛАЦИЮ КОНФЛИКТА США И ВЕНЕСУЭЛЫ

Дональд Трамп развязывает вооруженный конфликт у берегов Венесуэлы. За несколько месяцев с момента начала эскалации в августе ситуация серьезно обострилась. Соединенные Штаты Америки поэтапно наращивают свое давление на Каракас, однако под предлогом заявлений о борьбе с наркотрафиком, администрация президента движима более глубинными причинами. Для Николаса Мадуро действия США – ни что иное как вызов, своего рода проверка на прочность политического режима. Если Мадуро удержится у власти, то Венесуэла подтвердит свою приверженность национальным принципам «чавизма» и станет одной из немногих стран, защитивших свой суверенитет в нелегком противостоянии с Белым домом

Однако в связи с ростом напряженности в Карибском море становится интересной реакция мирового сообщества. Особо важными и показательными являются заявления стран Латинской Америки, сотрудничество и идеи единения Глобального Юга в лице ЛАКБ против внешних угроз не всегда на практике показывают, что региональные акторы готовы прийти на помощь «соседям». Помимо определения позиций стран региона, центральными являются и комментарии внерегиональных партнеров Венесуэлы, России и Китая. А в связи с ратификацией нового стратегического договора между Москвой и Каракасом 27 октября 2025 года, эта тема остается как никогда актуальной.

Целью исследования является анализ реакции и последующей риторики правительств стран Латинской Америки и Карибского Бассейна, России и Китая на эскалацию конфликта между Венесуэлой и США. Для достижения данной цели автором были поставлены следующие задачи:

- 1) Выявление причин, по которым администрация Трампа пошла на эскалацию отношений с Венесуэлой;
- 2) Определение позиции Николаса Мадуро по разворачиваемому конфликту в Карибском бассейне;
- 3) Оценка позиций региональных и внерегиональных акторов в ходе конфликта Вашингтона и Каракаса;

4) Прогнозирование дальнейшего хода развития событий у берегов Венесуэлы;

Объектом непосредственно является конфликт между США и Венесуэлой, а предметом – реакция стран Глобального Юга и России на неправомерные действия Вашингтона по отношению к Каракасу. В подготовке доклада применялся метод сравнительного анализа, описания и метод прогнозирования, а также сравнительно-исторический подход.

Причины, официальные позиции сторон и ход событий в конфликте между США и Венесуэлой

Первые месяцы после возвращения Трампа в Белый дом политика в отношении Каракаса, несмотря на разного рода пошпины либо заявления по миграционным вопросам, расценивалась как потепление. Однако в начале августа 2025 года Дональд Трамп пошел на обострение отношений с правительством Мадуро. Официальная риторика Вашингтона – борьба с «наркотерроризмом». [1] Каракас же заявляет, что действия США – акт агрессии и шаг к смене режима. Под прикрытием борьбы с наркокартелями Соединенные Штаты Америки сделали ряд политических шагов, которые явно дают понять, что за операцией стоят более глубокие причины.

Правительство Н. Мадуро – один из ключевых «левых» режимов в Западном полушарии, активно сотрудничающий с Россией и Китаем, при этом выступая резко против «американского империализма». [3] Поэтому стремление сменить режим в Венесуэле – вполне закономерное желание новой администрации. Кроме того, действия США – это своего рода борьба за латиноамериканский электорат, проживающий в Америке, в контексте приближения выборов в Конгресс. Не стоит списывать со счетов и привлекательность богатых залежей полезных ископаемых и нефти на территории латиноамериканской страны. [9]

За три месяца продолжающегося конфликта США увеличили свое военное присутствие у берегов Венесуэлы в несколько раз, а также провели несколько точечных атак на гражданские суда в водах Карибского бассейна, которые, по неподтвержденным данным, перевозили наркотики. Николас Мадуро, в свою очередь, объявил о широкомасштабной мобилизации и приведении армии в состояние «максимальной готовности». Каракас решительно настроен на противостояние любой эскалации в регионе.

Реакция международного сообщества на конфликт США и Венесуэлы

Наибольшее внимание приковано к реакции стран Латинской Америки. Для Венесуэлы это определенный сигнал, кто из региональных акторов готов подтвердить прочность партнерских отношений, а также свою приверженность идеям инклюзивного и независимого пути развития стран

Глобального Юга. Тем не менее, правительства государств Латинской Америки остаются разобщенными и не могут согласовать свои шаги для сдерживания США на континенте.

Призывы о помощи от Николаса Мадуро не нашли широкого отклика в регионе. [4] Безусловно, все страны считают недопустимым развязывание вооруженного конфликта, однако выражают свое несогласие по-разному. Бразилия, после охлаждения отношений с Венесуэлой, лишь предупредила США, что их действия могут иметь разрушительный характер. Несмотря на то, что Лула да Силва обещал серьезно обсудить вопрос, касаемо антинаркотической кампании США в Карибском море, в действительности, в рамках двухсторонней встречи с президентом США и на полях саммита CELAC-EU данная тема не получила широкой огласки. Колумбия, Куба и Никарагуа, наоборот, жестко высказались в адрес Дональда Трампа и отметили, что будут и дальше продолжать взаимодействовать с Каракасом по вопросам торговли и безопасности. [8] Около 30% граждан в разных странах Латинской Америки при этом считают, что операция США может принести больше пользы Венесуэле по установлению справедливого правительства. Аргентина вообще заявила о готовности присоединиться к США для борьбы с наркоторговлей в зоне Карибского бассейна. [6]

Николас Мадуро также инициировал созыв экстренного заседания Совета Безопасности ООН. На нем четко была прояснена позиция Российской Федерации. В. Небензя заявил, что в Вашингтоне ведут "наглую кампанию" по смене режима, предупредив, что "до прямой вооруженной агрессии остается всего один шаг". А 27 октября 2025 г. официально был ратифицирован новый договор о стратегическом партнерстве и сотрудничестве России и Венесуэлы. [2] И, хотя в нем косвенно упоминается военная помощь, очевидно, что Москва в условиях приближающихся переговоров с Белым домом не готова терять своих внерегиональных союзников. В противном случае Российская Федерация рискует серьезно ослабить свои позиции на континенте как в рамках экономического и инвестиционного взаимодействия, так и по политическим вопросам и взаимопомощи на международной арене.

Китай осудил действия США как «серьезное нарушение суверенитета». Однако Пекин не стремится ввязываться в вооруженные действия. [7,10] В отличие от России, при смене власти Китай в любом случае не потеряет свои активы. Недавнее заявление о «нулевых пошлинах» на ряд китайских товаров лишь служит тому подтверждением, так как Венесуэла становится все более зависимой от сотрудничества с китайским партнером. Поэтому можно говорить о том, что пока за фразой о недопущении эскалации не стоит практических действий и серьезной помощи Боливарианской республике.

Выводы

Несмотря на быстрое развитие событий, на данный момент Белый дом отрицает готовность ударить по Каракасу. Обе стороны конфликта понимают, что прямое вторжение на территорию этой латиноамериканской страны приведет к серьезным последствиям. Поэтому наиболее вероятным вариантом остается дальнейшее давление извне и попытки оказания влияния на граждан и руководство Венесуэлы. [5]

Все еще непонятно, на какие государства в Латинской Америке сможет рассчитывать Мадуро в случае начала масштабного вторжения. Россия, в свою очередь, последовательно оказывает свою поддержку Венесуэле, однако пока маловероятно, что Москва готова отправить свои контингенты на помощь Венесуэле на фоне продолжающейся специальной военной операции. Китай, как и государства ЛАКБ, ограничился лишь осуждением неправомерных действий США. Пока главный друг Венесуэлы – время, которое в скором покажет, на что в действительности готовы пойти США для установления нового режима в Венесуэле.

Список источников:

1. Амелин Н. Как Венесуэла противостоит империализму в лице США и причем тут Трамп // Коммерсантъ. 25.08.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7989405> (дата обращения: 29.10.2025);
2. Договор между Российской Федерацией и Боливарианской Республикой Венесуэла о стратегическом партнёрстве и сотрудничестве // Президент России 07.05.2025. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6305> (дата обращения: 29.10.2025);
3. Розенталь Д.М. Эксперт Розенталь: США хотят "купировать" влияние Венесуэлы на перспективу // Вести.ru. 11.10.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vesti.ru/article/4728728> (дата обращения: 31.10.2025);
4. У лидеров Латинской Америки нет единой позиции по Венесуэле // Ведомости. 01.11.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/11/01/1151844-net-pozitsii-po-venesuele> (дата обращения: 01.11.2025);
5. Хейфец В.Л. Наземная операция США в Венесуэле маловероятна // Россия 24. 01.11.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://smotrim.ru/article/4762112> (дата обращения: 01.11.2025));
6. América Latina observa con preocupación el rumbo de Venezuela // El Nacional. 01.11.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.elnacional.com/2025/11/america-latina-observa-con-preocupacion-el-rumbo-de-venezuela/> (date of reference: 01.11.2025);
7. Blanco U. Venezuela's Maduro calls on China as US mounts pressure. Will Beijing answer? // CNN. 23.08.2025. [Электронный ресурс]

URL: <https://edition.cnn.com/venezuela-china-us-maduro-xi-jinping-trump-intl-latam> (date of reference: 28.10.2025);

8. Canciller cubano sobre el despliegue de EE UU en el Caribe: "Todos estamos preocupados" // El Nacional. 29.10.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.elnacional.com/2025/10/canciller-cubano-sobre-operacion-de-ee-uu-en-el-caribe-todos-estamos-preocupados/> (date of reference: 01.11.2025);

9. Cvitanic F. ¿Intervención antidrogas o estrategia geopolítica? El conflicto entre EE. UU. y Venezuela en aguas del Caribe // TheConversation. 28.09.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://theconversation.com/intervencion-antidrogas-o-estrategia-geopolitica-el-conflicto-entre-ee-uu-y-venezuela-en-aguas-del-caribe-264571> (date of reference: 29.10.2025);

10. Wesley A. Hill U.S. Venezuela Standoff: Will China Step In? // Forbes 03.09.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.com/sites/wesleyhill/2025/09/03/will-china-save-venezuela/> (date of reference: 28.10.2025).

УДК 339.924

Земцов Е.Р.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Гуманитарный факультет

Группа МО-2201

Науч. рук.: Богословская С.А.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ УЧАСТИЯ ЧИЛИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Феномен международной экономической интеграции, традиционно изучаемый сквозь призму мега-объединений или противостояния гегемонов, обнаруживает не менее показательные кейсы на уровне так называемых «средних держав». Республика Чили представляет собой своего рода концептуальную лабораторию, где в чистом виде протестирована стратегия, бросающая вызов традиционным парадигмам зависимости и периферийного развития. Обладая ограниченным внутренним рынком и находясь на географической периферии мировых экономических центров, Чили сумела не просто адаптироваться к глобализации, но и стать одним из её ключевых бенефициаров и архитекторов в западном полушарии.

Актуальность осмысления чилийского опыта обусловлена его уникальностью: это наглядное воплощение доктрины «структурного прагматизма», предполагающей альтернативу как авторитарным, так и жестко боковым моделям повеления на международной арене. Более того, хочу отметить, что обладание стратегическими запасами меди и лития помещает

Чили в эпицентр современной геоэкономической борьбы, превращая её интеграционную политику из сугубо регионального феномена в фактор глобальной технологической и энергетической устойчивости. В условиях прогрессирующей фрагментации мировой торговой системы чилийская модель диверсификации через экстенсивную сеть периферийных соглашений демонстрирует изощренный механизм хеджирования системных рисков для относительно малой, но открытой национальной экономики.

Классическая теория экономической интеграции, восходящая к работам Б. Баланши и Я. Тинбергена, постулирует линейное, почти телеологическое движение от зоны свободной торговли к политическому союзу. Однако, для «средних держав», к коим с полной уверенностью и правом можно отнести Чили, эта прогрессия зачастую лишена практического смысла. Их интеграционная логика носит не линейный, а селективный и инструментальный характер. Интеграция перестает быть самоцелью или проектом ценностной унификации, превращаясь в гибкий инструментальный характер. Интеграция перестает быть самоцелью или проектом ценностной унификации, превращаясь в гибкий инструментальный для решения конкретных задач национального развития: обеспечения доступа к рынкам, привлечения инвестиций, нивелирования географической удаленности. Именно эта функциональная трактовка легла в основу чилийской внешнеполитической доктрины, получившей в научной литературе название «структурного прагматизма». Его суть, в радикальном освобождении внешней политики от идеологических шор, в подчинении каждого интеграционного выбора сухой калькуляции экономических выгод рисков. Эта стратегия перманентного балансирования, где суверенитет понимается не как неприкосновенность границ, как сохранение максимальной степени свободы манёвра в системе накладывающийся друг на друга и порой конфликтующих интеграционных обстоятельств.

Эволюция этой стратегии представляет собой отчетливый путь от интровертного регионализма к глобальной экстраверсии. Выйдя из тени диктатуры Пиночета, Чили в 1990-е годы первоначально делала упор на укрепление связей в рамках латиноамериканского континента, видя в МЕРКОСУР потенциальный локомотив развития. Однако, довольно быстро прагматичный расчет взял верх над сентиментами региональной солидарности. Институциональная ригидность, протекционистские тенденции и политическая нестабильность, свойственные МЕРКОСУР, вступили в противоречие с потребностями динамичной, экспертно-ориентированной чилийской экономики. Ответом стал стратегический «поворот к океану». Переориентация на АТР как на пространство наиболее интенсивных экономических потоков и технологических инноваций. Институциональная архитектура, выстроенная Чили за три десятилетия, представляет собой сложную, мно-

гоуровневую и иерархичную систему. Её стержнем и главным инновационным достижением является самая плотная в мире для страны такого масштаба сеть соглашений о свободной торговле. Более тридцати договоров с партнерами, на которое приходится свыше 86% мирового ВВП, образуют экзоскелет чилийской экономической безопасности. Эта «дипломатия договоров», не просто хаотичный набор документов, а тщательно выверенный портфель, где каждое соглашение выполняет специфическую функцию: соглашения с Китаем обеспечивает доступ к главному рынку сбыта сырья, договор с США и ЕС, не только торговые преференции, но и важнейший сигнал о приверженности высоким стандартам. Эта модель принципиально отличается от логики таможенного союза, требующей делегирования суверенитета и единой внешней политики.

На трансрегиональном уровне наиболее значимыми площадками для Чили являются Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства (СРТПР). АТЭС служит для страны не столько конкретным переговорным форумом, сколько символическим и дипломатическим пространством для утверждения своего статуса как законного и надежного тихоокеанского актора. Участие в СРТПР, считается шагом более высокого уровня. Это сознательный выбор в пользу интеграции в клуб экономики, приверженных передовым и зачастую жестким стандартам в области защиты интеллектуальной собственности, цифровой торговли, экологических норм и регулирования госпредприятий. Через СРТПР Чили не просто получает доступ к рынкам, но и проводит добровольную модернизацию собственного законодательства, стремясь «оседлать» волну формирования правил и экономики XXI века, а не пассивно их принимать. В свою очередь региональный уровень демонстрирует избирательность и прагматизм чилийского подхода в наиболее концентрированном виде. Здесь очевидна иерархия приоритетов. Безусловным лидером является Тихоокеанский альянс. Уникальное по своей сути для Латинской Америки объединение, изначально созданное по образцу «клуба единомышленников». Альянс выступает для Чили коллективным инструментом для усиления переговорных позиций перед Азией, лабораторией для карбонизационной и цифровой повестки. Это интеграция не географическому признаку, а по совпадению экономических философий.

Однако, эта блестяще выстроенная система сталкивается с новым поколением вызовов, ставящих под вопрос её долгосрочную устойчивость. Внутренние противоречия обнажают уязвимость модели, чрезмерно зависящей от конъюнктуры сырьевых рынков. Медь и литий, будущие источники богатства и геоэкономического влияния, одновременно воспроизводят классическую «ресурсную ловушку», сдерживая диверсификацию и делая

страну заложником мировых цен. Парадоксальным образом, внешняя открытость и вовлеченность в высокостандартизированные соглашения обнажили институциональные и социальные дефициты внутри самой Чили. Политическая турбулентность подрывает доверие, которое является главным нематериальным активом чилийской интеграционной стратегии.

Внешние вызовы носят еще более фундаментальный характер, трансформируя саму среду, в которой существует чилийский прагматизм. Главный из них, нарастающая стратегическая биполярность в противостоянии США и Китая. Искусное балансирование между двумя центрами силы, грозит превратиться в источник экзистенциального риска. Чили вынуждена вести тончайшую дипломатическую игру, чтобы не оказаться в положении, где выбор в пользу одного партнера автоматически означает санкции или давление со стороны другого, особенно в критически важных сферах. Дополнительную угрозу несет региональная дезинтеграция и нестабильность в Латинской Америке, которая лишает Чили предсказуемого и безопасного тыла, повышая транзакционные издержки и отвлекая дипломатические ресурсы.

Стратегический императив заключается в переходе от «интеграции для доступа» к «интеграции для модернизации». Это означает конвертацию ресурсного преимущества в геоэкономический капитал: превращение из экспортера литиевой руды в ключевого игрока в глобальной цепочке производства аккумуляторов и систем хранения энергии. Это требует беспрецедентного углубления технологического и научного сотрудничества с партнерами по Тихоокеанскому альянсу и СРТРР, создания совместных венчурных фондов и исследовательских центров. Параллельно необходимо стратегическое укрепление внутреннего фундамента: политическая консолидация, инвестиции в человеческий капитал и цифровую инфраструктуру, создание устойчивой инновационной экосистемы. Только опираясь на обновленную внутреннюю основу, Чили сможет сохранить свою драгоценную автономию и продолжить использовать интеграционные инструменты не как костыли, а как рычаги для собственного качественного преобразования. В этом заключается судьбоносный вызов для чилийского «структурного прагматизма»: доказать, что гибкая, неидеологическая интеграция способна стать не только тактикой выживания «средней державы» в глобальной экономике, но и стратегией её долгосрочного восхождения.

Список источников:

1. Constitución Política de la República de Chile (Конституция Республики Чили) (ред. 2023 г.). – 2023. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Chile_2022D (дата обращения: 14.11.2025).

2. Соглашение о всеобъемлющем и прогрессивном Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП): официальный текст. Веллингтон: Министерство иностранных дел и торговли Новой Зеландии, 2018. – URL:

<https://www.mfat.govt.nz/en/trade/free-trade-agreements/free-trade-agreements-in-force/cptpp/comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnership-text-and-resources> (дата обращения: 14.11.2025).

3. Бебешко Е. В., Хирьянова А. К. Интеграционные процессы в Латинской Америке во второй половине XX в. / Е. В. Бебешко, А. К. Хирьянова // Ученые записки федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2020. – №4 – С. 13–20.

4. Дьякова Л. В. Чили в преддверии выборов и перемен/ Л. В. Дьякова// Свободная мысль. – 2021. – №5 – С. 150–163.

5. Дьякова Л. В. Чили: ревизия старых компромиссов / Л. В. Дьякова// Латинская Америка. – 2022. – №2 – С. 45–72.

6. Chile: efectos de la pandemia generaron consecuencias sin precedentes en el mundo de trabajo. – 2020. – URL: <https://www.ilo.org/es/resource/news/chile-efectos-de-la-pandemia-generaron-consecuencias-sin-precedentes-en-el#:~:text=El%20> (дата обращения: 12.11.2025).

7. Coronavirus. Cifras oficiales. – 2021. – URL: <https://www.gob.cl/coronavirus/cifrasoficiales/> (дата обращения: 12.11.2025).

8. Día Nacional de los Pueblos Indígenas. – 2023. URL: <https://www.gob.cl/noticias/dia-nacional-de-los-pueblosindigenas-informate-sobre-esta-importante-festividad/> (дата обращения: 14.11.2025).

УДК 316.77

Миронова А.О.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Гуманитарный факультет

Группа МО-2302

Науч. рук.: Куцубина Е.В.

РУССКАЯ ДИАСПОРА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

В современных реалиях русская диаспора в Латинской Америке стала значимым элементом внешнеполитической среды, в которой Россия вынуждена конкурировать с крупными центрами силы. В условиях углубляющегося раскола международного порядка сеть русскоговорящих сообществ превращается в ресурс геополитического присутствия.

Русская диаспора в Латинской Америке формировалась волнообразно. Первая волна пришлась на период после революции и Гражданской войны [2]. Ярким примером служит Чили, куда в 1948 году прибыло порядка 800 эмигрантов с семьями, бежавших из Российской империи.

Они основали старейшую организацию соотечественников в стране под названием «Русское кладбищенское общество» («Русский круг»). В регионе в этот период также выделялись такие фигуры, как генерал Иван Беляев в Парагвае и Константин Изразцов в Аргентине, чья деятельность стала ранним примером институционализации русских сообществ. Значимый вклад в культурную сферу внёс художник Борис Григорьев, работавший в 1920–1940 года в различных странах, в том числе в Чили.

Вторая волна пришлась на 1990 – 2000 года, после распада СССР [5]. В Чили эта волна состояла преимущественно из женщин, вышедших замуж за чилийцев. Именно представители этой волны сейчас составляют костяк соотечественного движения, активно участвуя в проектах по сохранению языковой и этнокультурной идентичности, взаимодействуя с Русским домом, Посольством и КСОРС. Исторически до 1970-х годов русские мигранты в Чили занимали ключевые позиции в горнорудной промышленности, а в Мексике в 1920-х годах русские инженеры способствовали открытию крупных нефтяных месторождений [6].

Начиная с 2022 года формируется новая, третья волна миграции, характеризующаяся преобладанием людей трудоспособного возраста. По данным Росстата, 78% российских мигрантов новой волны, которые расселяются по всему миру, находятся в трудоспособном возрасте, а наибольшую категорию составляют люди 20–24 лет [7]. Что касается Латинской Америки, новые мигранты – это преимущественно IT-специалисты, семьи, переезжающие для рождения детей, и те, кто ориентирован на долгосрочную релокацию. Конкретная ситуация в Чили иллюстрирует общие тенденции. Соотечественники, как правило, руководствуются мотивацией рождения ребёнка на территории Чили, что даёт ему чилийское гражданство, а впоследствии способствует получению гражданства родителями. Эти семьи обычно финансово обеспечены, имеют удалённую работу и селятся в прибрежных зонах. Для них характерна большая разобщённость по сравнению с предыдущими поколениями, меньшая ностальгия и слабая вовлечённость в деятельность Русского дома. Рассматривая данный аспект с точки зрения мягкой силы, стоит отметить, что такой подход олицетворяет диаспору как не самый сильный элемент осуществления внешней политики зарубежом, так как сплочённость диаспоры напрямую влияет на ее эффективность. Однако, основные интересы этих семей сосредоточены вокруг воспитания детей, передачи им русского языка и поиска общения с другими русскоязычными семьями, что безусловно является крайне положительным фактором с точки зрения сохранения русской культуры и традиций.

Общие данные подтверждают долгосрочный характер этой миграции. Так, в Аргентине с 2022 по начало 2024 года виды на жительство получили около пяти тысяч россиян [3]. Исследования показывают, что более поло-

вины мигрантов в Бразилии в 2022 и 2023 годах были трудоспособного возраста, а дети составляли пятую часть [8]. Эти данные указывают на формирование устойчивой демографической базы, которая может стать фундаментом долговременного политического присутствия России в регионе. Отмечается также внутренняя региональная миграция, в последние два года присутствует тенденция переезда соотечественников из Аргентины в Чили по экономическим причинам.

Русскоязычные общины сосредоточены в нескольких ключевых странах: наибольшее скопление – в Аргентине (Буэнос-Айрес), в Бразилии – в прибрежных мегаполисах и южных штатах, в Чили и Мексике – в столицах и крупных городах [1]. Важную роль в поддержании связей играет сеть «Русских домов» (РЦНК), поддерживаемых Россотрудничеством. По состоянию на 2025 год сеть охватывает 87 представительств в 71 стране, включая Аргентину, Бразилию, Чили и Мексику [4]. Эти центры проводят курсы русского языка, выставки, кинопоказы, концерты и образовательные проекты, создавая площадки для взаимодействия. Практика Русского дома в Чили отражает стратегические приоритеты работы в условиях немногочисленной (около 4 тыс. человек) и разобщённой диаспоры. Абсолютный приоритет отдаётся работе с местным населением, прежде всего продвижению российского высшего образования. Ежегодно 20-30 чилийцев отправляются на обучение в российские вузы по квоте Правительства РФ при конкурсе более двух человек на место, это особенно актуально для чилийцев при условии достаточно дорогого образования у них на родине. Вторым приоритетом – это продвижение русского языка через курсы (единовременно обучается около 60 человек) и культурные мероприятия. Третий – продвижение российской культуры (концерты, театральные постановки), в этом аспекте активностью отличается ГИТИС. В 2025 году Делегация педагогов этого вуза посетила Чили и поставила пьесу «Каменный гость» А.С. Пушкина с чилийскими молодыми актёрами в 3 городах страны на 5 разных площадках. Взаимодействие с диаспорой фокусируется на ключевых событиях, таких как празднование Дня Победы, и на поиске новых форматов для вовлечения молодой волны, например, через проекты для детей или курсы испанского языка для соотечественников.

В заключение, потенциал русской диаспоры в Латинской Америке как актора влияния для продвижения государственных интересов России является ограниченным. Основными сдерживающими факторами выступают её немногочисленность, территориальная разобщённость и, что наиболее существенно, глубокая внутренняя разнородность. Сообщество разделено на различные волны с контрастными характеристиками. Если представители второй волны составляют активное ядро, вовлечённое в работу с Русским домом, то новейшая волна мигрантов демонстрирует высокую автономность, финансовую независимость и крайне низкую вовлечённость в формальные институты. Эта реальность напрямую определяет практическую

деятельность российских официальных институтов, Россотрудничество закономерно фокусирует свои основные усилия не на диаспоре, а на работе с местным населением, делая приоритетом продвижение российского высшего образования, языка и культуры. Диаспора в её текущем состоянии не рассматривается как эффективный или массовый проводник мягкой силы, а ключевым направлением становится создание гибкой системы косвенного вовлечения через предложение конкретных, востребованных услуг, которые выступают как долгосрочная инвестиция в формировании устойчивой, лояльной и успешно интегрированной общины. Её будущая роль видится не в прямой агитации, а в том, чтобы, укрепив свои социальные и экономические позиции в обществе, диаспора могла в перспективе естественным образом способствовать взаимопониманию между странами. Для этого государственным институтам необходима точечная, аналитически выверенная работа, учитывающая реальные, а не гипотетические потребности разных групп соотечественников.

Список источников:

1. Кравченко, Л. И. Проектирование внешнеполитической стратегии Российской Федерации в Латинской Америке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 2 (767). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-vneshnepoliticheskoy-strategii-rossiyskoy-federatsii-v-latinskoy-amerike>
2. Мосейкина, М. Н. Диаспоральная дипломатия России в странах Латинской Америки: исторический опыт и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diasporalnaya-diplomatiya-rossii-v-stranah-latinskoy-ameriki-istoricheskiy-opyt-i-perspektivy>
3. Россияне поставили рекорд по числу резидентских разрешений в Аргентине // РБК. 2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/03/2024/65e1daeb9a79479df483a522> (дата обращения: 16.10.2025).
4. Россотрудничество – URL: <https://rs.gov.ru/> (дата обращения: 25.10.2025).
5. Рязанцев, С. В., Письменная, Е. Е. Старые и новые тенденции эмиграции из России в Латинскую Америку // Народонаселение. 2014. № 2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starye-i-novye-tendentsii-emigratsii-iz-rossii-v-latinskuyu-ameriku>
6. Сизоненко А. Россияне в Латинской Америке: Исторический экскурс // Русский век: портал для российских соотечественников. – 2012. – 12 марта. – URL: https://ruvek.mid.ru/publications/rossiyane_v_latinskoy_amerike_istoricheskiy_ekskurs_6628/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000f94961c7ec420668aa0f4dbfdc8f656dcd31ce443e4c4f87652c28ddc59777370879484a7c1430004b16abfdf73d9a5d5d7d7e406d1787be67d177e60c8d06b537c8be09807f6d0b0dbb0bfbe25b9c0aabfc718187a6532f (дата обращения: 20.10.2025).

7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo42.htm (дата обращения: 26.10.2025).

8. Ruseishvili, S., Sergeeva, I., & Kamalov, E. *Far from Home: Russians Relocating to Latin America*: PONARS Eurasia Policy Memo No. 904 / George Washington University. 2024. June 26. 24 p. URL: <https://www.ponarseurasia.org/far-from-home-russians-relocating-to-latin-america/> (дата обращения: 26.10.2025).

УДК 327

Назарова В.А.
СЗИУ РАНХиГС

Факультет международных отношений и политических исследований
Кафедра иностранных языков
Группа ЛИН ЛИН 3-23-03
Науч. рук.: Васильев С.В.

ИСПАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ VERSUS «МЯГКАЯ СИЛА» СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ В СОСТАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Исторический опыт Испании характеризуется двумя фундаментальными составляющими: управлением обширной колониальной империей и участием в современном Европейском Союзе. В колониальный период Испания распространила свою власть на огромные территории Америки и Азии, а сегодня, утратив империю, она входит в Европейский Союз, использует иные, более мягкие механизмы влияния.

В наши дни, в эпоху формирования многополярного мира, старая модель «империи» уже не актуальна, а влияние страны становится более гибким и мягким. Меня заинтересовала эта тема, потому что в обоих периодах есть интересные параллели. Кроме того, я изучаю *castellano*, которым сейчас владеют более 600 млн. человек, согласно оценке Instituto Cervantes. Это превращает испанский в мощный инструмент международного общения – язык, который Испания и её культурные институты могут использовать в качестве «мягкой силы».

В XVI-XVIII веках Испания создала крупнейшую империю в мире: от Мексики и Перу до Филиппин и островов Карибского бассейна. Стараясь удерживать контроль над такими огромными территориями, Испанская монархия использовала несколько инструментов: политическая вертикаль, социальная иерархия и экономическое управление.

Ряд исследователей считают, испанская империя управлялась по принципу жесткой централизованной вертикали [1], которая включала в себя:

- Совет Индий – центральный орган принятия решений в Мадриде;
- Вице-королевства (Новая Испания, Перу, Новая Гранада, Рио-дела-Плата), которые служили крупнейшими административными единицами. Вице-король – обладал полномочиями наместника монарха, его назначали по представлению Высшего королевского совета по делам обеих Индий на 4–6 лет.
- Аудиенции – высшие судебные органы, выполнявшие также административные функции. Контролировали деятельность местных чиновников, следили за соблюдением законов и представляли собой важный противовес власти вице-королей.
- Губернаторов и генерал-капитанов – они осуществляли управление на уровне провинций, контролировали сбор налогов и обеспечивали порядок.
- Систему инспекций и должностных проверок (*visita de residencias*), которая была направлена на борьбу с казнокрадством и произволом чиновников.

Рисунок 1. Система жесткой централизованной вертикали которой управлялась испанская империя

Все стратегические решения принимались в Мадриде, а колонии выступали исключительно в качестве исполнительной периферии. Это была модель жёсткого центра и управляемой периферии, и политическая автономия местного населения отсутствовала.

Колониальное общество было структурировано по расово-этническому принципу, где испанские колонизаторы занимали высшую позицию, а автохтонное население периферии – низшую.

Данная иерархия не только давала привилегии европейцам, но и служила механизмом предотвращения социальной консолидации населения в колониях.

Экономическая система основывалась на:

- монополиях,
- доминировании над межконтинентальными торговыми путями,
- контроле добычи серебра и золота,
- принудительных формах труда.

Экономика колоний, встроенная в метропольный центр, функционировала в качестве источника ресурсов, не имея возможности самостоятельного развития.

Культурная экспансия была не менее значимой, чем политическая:

- церковь формировала новый морально-религиозные устои;
- испанский язык вытеснял местные языки из образования и управления;
- городская модель (plaza mayor, собор, ратуша) материализовывала власть в контролируемом пространстве.

Таким образом, испанская культура не просто распространялась на контролируемых пространствах, а становилась инструментом доминирования и ассимиляции автохтонного населения.

После того как Испания утратила свои колонии, а эпоха колониализма формально закончилась, структуры неравенства и культурного влияния продолжали сохраняться. Колониальная система исчезла, но ее логика – центр и периферия, доминирующая культура – продолжают существовать в мире.

В современную эпоху Испания вошла в Европейский Союз (1986) и ее роль на международной арене изменилась. Это уже не империя, а часть большого объединения, где решения принимаются коллективно. Однако, Испания продолжает использовать свой культурный капитал для влияния на международные процессы. В составе ЕС Испания демонстрирует новый тип влияния, основанный не на колониальной логике, а на прагматичной культурной дипломатии, целенаправленной «мягкой силе», международном посредничестве, активном использовании глобального ресурса испанского языка.

Европейский Союз – это структура, где власть распределена между Европейской комиссией, Европейским советом, Европарламентом, а также специализированными агентствами и фондами.

Испания – являясь участником такой коллективной системы, лишена возможности прямого одностороннего влияния, но продолжает обладать

значительным политическим влиянием и культурным воздействием, благодаря количеству принадлежащих стране депутатских мандатов в Европарламенте, ее участию в формировании общеевропейских стратегий и играет важную роль посредника, опираясь на свое выгодное геополитическое положение – «моста» между Европой, Латинской Америкой и Средиземноморьем.

Испанский язык является одним из главных ресурсов современной внешней политики Испании. Он обладает рядом особенностей: более 600 млн. жителей планеты считают его своим родным языком, статусность *castellano* постоянно укрепляется и расширяется в международных организациях, он играет центральная роль в латиноамериканском регионе, все более активно используется в глобальных образовательных программах.

Испанский язык функционирует в логике «добровольного культурного притяжения», а не принуждения, что отличает современную модель от колониальной. Тем не менее, механизм остаётся структурно схожим: язык выступает проводником культурных кодов.

Еще одним ключевым инструментом воплощения культурной политики Испании является Instituto Cervantes, созданный в 1991 году. Он выполняет функции: продвижения испанского языка, реализации международных образовательных программ, культурных миссий, дипломатического сближения с Латинской Америкой и ЕС одновременно.

В отличие от католической миссионерской экспансии XVIII века, современные культурные институты Испании действуют в рамках логики невмешательства, формируют добровольную вовлеченность, строят культурные «мосты», а не вертикали подчинения.

Такую трансформацию Эдгардо Ландер называет «переходом от экспансии к взаимному обмену» (Lander, 2000, pp. 1-30), где культура становится ресурсом диалога, а не инструментом контроля.

История показывает, что формы власти меняются, но культурные ресурсы могут сохраняться и трансформироваться. Испания прошла путь от империи к европейской демократии, но язык, культурная память и исторические связи продолжают давать ей возможность влиять на международные процессы – теперь уже в рамках Евросоюза.

Список источников:

1. Семёнова Е.Н. Испанская колониальная политика и её влияние на формирование культур Латинской Америки. – Филологический аспект, 2021. – 207 с.
2. Барышников В.Н. История Испании и Испанской Америки / В.Н. Барышников, Т.Н. Гончарова – СПб.: СПбГУ, 2022. – 400 с.
3. Пашкович Е.И. Испанская Америка в колониальный период. – М., 2019. – 186 с.

4. Quijano, A. Colonialidad del poder, eurocentrismo y América Latina. – CLACSO, 2000. – 47 p.

5. Lander, E. (ed.). La colonialidad del saber. – Buenos Aires, 2000. – 246 p.

УДК 327

Тельпиз Г.А.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли

Высшая инженерно-экономическая школа

Группа 3733801/21401

Шкунда Б.М.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Гуманитарный факультет

Группа МО-2302

Науч. рук.: к. полит.н., Демидов А.М.

СОВРЕМЕННАЯ ВЕНЕСУЭЛА: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Современная политическая обстановка Венесуэлы, представляет из себя динамичную систему, в которой удаётся сосуществовать эскалациям, политическому кризису и большому потенциалу экономики. Стремительно меняющаяся архитектура глобальной конкуренции порождает вовлеченность геополитических акторов, относительно сложившейся ситуации вокруг Боливарианской Республики. Каракас стремится сократить международную изоляцию посредством налаживания дипломатии с многополярным миром и активного использования своих недр как инструмента внешнего влияния.

Нынешний политический курс и целом образование кризиса в Венесуэле, проблематично осознать без анализа «боливарианского проекта», рожденным в период правления Уго Чавеса. Данный проект представляет из себя смесь из антиимпериалистических взглядов, идеи общей мобилизации населения и ориентира на дипломатические стратегии. Основной образа идеологии стал Симон Боливар – национальный герой Венесуэлы и освободитель, в период войны за независимость испанских колоний в Америке. В данной трактовке, Чавес интерпретировал свою персону как наследника того, ещё антиимпериалистического и либерального образа.

Николас Мадуро же более прагматичен. После смерти Чавеса он «унаследовал» либеральный образ и делает ставку именно на дипломатический подход, нежели военный.

Внешняя политика Венесуэлы ставит перед собой целью, создание многополярного мира, который может противостоять и гарантировать равновесие на мировой арене. Латиноамериканское направление остается одним из ключевых во всех аспектах сотрудничества страны.

На сегодняшний день, политическая обстановка вокруг Венесуэлы, набирает новые обороты эскалационного характера. Всеобщее известная нацеленность Трампа на данный регион, обосновывается Белым домом как война с наркокартелями и наркобизнесом в целом. Хочется отметить, что сами венесуэльские власти, и многие сторонние наблюдатели уверены: цель Белого дома не наркоторговцы (доля Венесуэлы в наркотрафике в Латинской Америке – не более 5%, по данным ООН), а правительство страны, чью легитимность США давно не признают [2].

Логично предположить, что сферой интересов в Боливарианской Республике, выступает «черное золото» и запасы углеводородов. Но в данном вопросе политика стоит выше экономики. Трампу важно иметь господство в Карибском бассейне. Мадуро в «коалиции» с Россией, Китаем и Ираном препятствует планам гегемонии штатов.

Тем не менее, Каракас воспринимает угрозу как вполне реальную и тому пример мобилизация населения в ряды национальной полиции, различных народных ополчений.

Недавно был ратифицирован российско-венесуэльский договор о стратегическом партнерстве, 14 статья которого подразумевает «военно-техническое сотрудничество в интересах укрепления обороноспособности и обеспечения безопасности» [4]. Ратификация договора стала дипломатическим сигналом для США о том, что отношения Москвы и Каракаса обладают полной самостоятельностью. Данное соглашение наглядно продемонстрировало, что Кремль совершенно не опасается какой-либо реакции со стороны Белого дома.

Крайне важно, обозреть ситуацию вокруг Нобелевской премии. так как в этом году на счет неё был особый ажиотаж. Д.Трамп многократно заявлял, что именно он достоин этой премии, но досталась она Марии Мачадо – оппозиционерке и противнице боливарианского режима Мадуро. Интересно отметить, что после назначения награды, Мачадо позвонила Трампу. В данном телефонном разговоре ею было отмечено, что США заняли правильную позицию, которая в итоге приведет к миру.

Современная внешнеэкономическая позиция Венесуэлы определяется, прежде всего, её ролью на мировых энергетических рынках и глубокой зависимостью от экспорта нефти. По состоянию на 2025 год страна обладает крупнейшими в мире доказанными запасами нефти (303,2 млрд бар-

релей), а также значительными ресурсами природного газа (201 трлн кубических футов), занимая восьмое место в мире по этому показателю [5]. Несмотря на огромный ресурсный потенциал, экономика Венесуэлы остается кризисной, что связано с хроническим недоинвестированием, международными санкциями и институциональными дисфункциями.

К 2025 году экономическая ситуация в стране крайне нестабильна: инфляция сохраняется на уровне 172% (апрель 2025), а процентная ставка достигает почти 59%. Государственный долг к ВВП превышает 160%. Темпы роста ВВП, несмотря на кратковременное улучшение (8,7% по итогам III квартала 2025 года), не сопровождаются улучшением качества жизни. Более восьми миллионов венесуэльцев к настоящему моменту покинули страну [6].

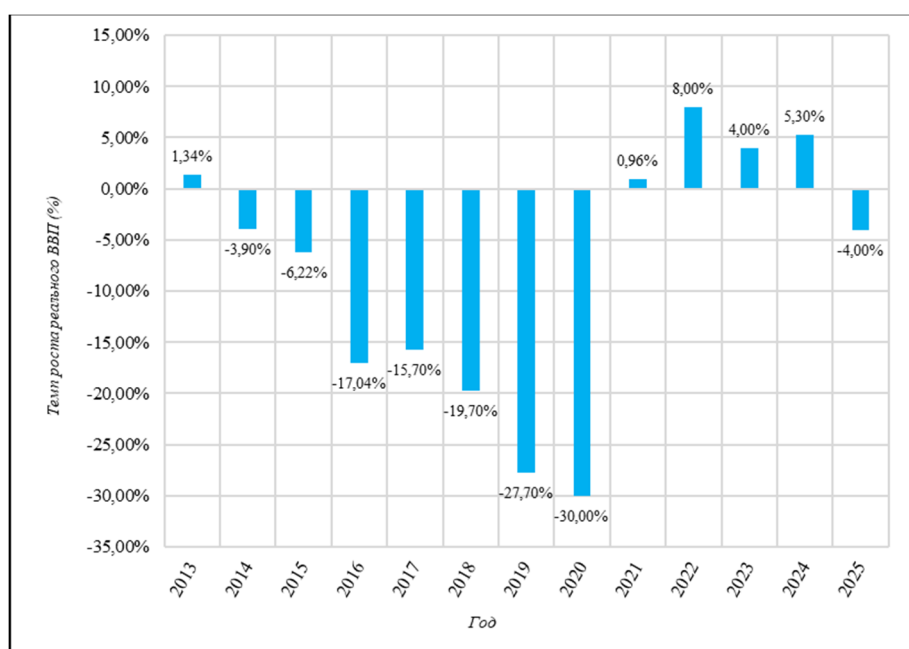

Рисунок. Темп роста реального ВВП в Венесуэле с 2013 по 2025 гг., % [7]

Во внешнеэкономической структуре экспорта преобладает сырьевая компонента: доля углеводородов в доходах государственного бюджета традиционно превышает 90%, а основные партнёры— Китай, Индия, США и страны Латинской Америки. После частичного снятия санкций США и появления возможности для Chevron возобновить добычу в Венесуэле, страна приступила к наращиванию экспорта, что сопровождается ростом добычи с 0,94 до 1,1 млн баррелей в сутки за август-октябрь 2025 г.

Ожидается, что уже во второй половине 2026 года, при инвестициях \$5–10 млрд, добыча может вырасти дополнительно на 1 млн б/с, при этом долгосрочный потенциал составляет 2,0-2,5 млн б/с (до уровней начала XXI века). Однако достижение этих ориентиров сопряжено с высокими рисками: необходим масштабный приток капитала, технологическая модернизация, ремонт фондов, а также стабильность внешних условий – по-прежнему возможно возвращение санкционного давления [8].

За счет восстановления доступа к банковским операциям, страхованию поставок, импорту конденсатов и реагентов Венесуэла может уменьшить дисконт на свою нефть, расширить экспорт и повысить бюджетные поступления. Однако внутренние ограничения – изношенность инфраструктуры, регулярные перебои электроснабжения, а также политическая и правовая нестабильность – тормозят интеграцию страны в мировые энергетические системы и отпугивают крупных инвесторов.

Среди внешних факторов, оказывающих значительное влияние на положение Венесуэлы на рынке энергоносителей, высокая конкуренция со стороны стран Ближнего Востока, России, а также возможное изменение глобальных нефтяных котировок в случае массового возвращения венесуэльской нефти на рынок.

Энергетический сектор Венесуэлы, несмотря на доминирование углеводородов, отличается многоотраслевой структурой: в 2024 году установленная мощность электростанций составляла 35 818 МВт (17 024 МВт – возобновляемые источники; 18 794 МВт – невозобновляемые источники). Вся внешнеэкономическая активность строится на партнерских проектах с Chevron, Repsol, ENI, Maurel&Prom, а также с Россией, чьи инвестиции (до \$34 млрд на 2022 год) подвержены высоким политическим рискам [9].

На фоне общемировой тенденции к декарбонизации, инициируемой странами БРИКС, структура экспорта Венесуэлы остается уязвимой к сырьевым колебаниям. Перспективы связаны с диверсификацией партнерств, развитием низкоуглеродной генерации и интеграцией в международные альянсы.

В целом, энергетический сектор и внешнеэкономические условия Венесуэлы в 2025 году формируются под влиянием уникальных ресурсов, ограниченного доступа к технологиям и нестабильности на внешних рынках. Для устойчивого роста стране необходимы инвестиции, трансфер технологий через сотрудничество с БРИКС и институциональная модернизация, что согласуется с глобальными энергетическими сценариями до 2035 года [10].

Список источников:

1. Розенталь, Д. М. Анатомия политического кризиса в Венесуэле // ИМЭМО РАН. 2019. № 1 (56). С. 10–15
2. Коновалова, К. А. Россия и Венесуэла: трудности политического сотрудничества // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2019. № 1 (12). С. 1–2.
3. Ни войны, ни мира: что стоит за американскими угрозами Венесуэле? // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ni-voyny-ni-mira-chto-stoit-za-amerikanskimi-ugrozami-venesuele/?sphrase_id=257724025 (дата обращения: 23.11.2025).

4. Совместное заявление Российской Федерации и Боливарианской Республики Венесуэла о развитии стратегического партнерства [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6305> (дата обращения: 23.11.2025).
5. Венесуэла – основные экономические показатели // Финам. URL: <https://golnk.ru/zQqJg> (дата обращения: 18.11.2025).
6. Венесуэла – экономические индикаторы // Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/venezuela/indicators> (дата обращения: 18.11.2025).
7. Growth of the real gross domestic product (GDP) in Venezuela from 2018 to 2028 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1392496/growth-of-the-real-gross-domestic-product-gdp-venezuela/> (дата обращения: 18.11.2025).
8. Возвращение на рынок: что будет с добычей нефти в Венесуэле после отмены санкций // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/550068-vozvrashenie-na-rynok-cto-budet-s-dobycej-nefti-v-venesuele-posle-otmeny-sankcij> (дата обращения: 18.11.2025).
9. Венесуэла – добыча сырой нефти // Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/venezuela/crude-oil-production> (дата обращения: 18.11.2025).
10. Венесуэла и БРИКС: новое энергетическое партнёрство или игра в одни ворота? // Проект Газ. URL: https://proekt-gaz.ru/news/venesuehla_i_briks_novoe_ehnergeticheskoe_partnjorstvo_ili_igra_v_odni_vorota/2024-08-03-12167 (дата обращения: 18.11.2025).

УДК 327

Толстая К.Р.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Издательское дело
Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью
Группа 3844203/50301
Науч. рук.: Куцубина Е.В.

АНТАРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АРГЕНТИНЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТСТВЕ ХАВЬЕРА МИЛЕЯ

Аргентинская Республика более 120-ти лет присутствует в Антарктике, а начиная с 1957 г. страна на законодательном уровне закрепляет суверенитет над своим сектором континента, границы которого проходят по

60° ю.ш., 25° и 74° з.д. и сходятся у Южного полюса [1, с. 120]. Также, Буэнос-Айрес одним из первых подписал Договор об Антарктике (1959) и именно в этой южноамериканской столице с 2004 г. расположена штаб-квартира Постоянного секретариата Системы Договора об Антарктике [1, с.129].

В ноябре 2023 г., во время проведения второго тура президентских выборов на территории Аргентинской Республики, Министерством обороны страны была выпущена Белая книга по национальной защите («Libro Blanco de la Defensa 2023»), в рамках которой рассматривается стратегическое позиционирование Буэнос-Айреса на мировой арене, анализируются основные внешнеполитические приоритеты, а также современные тенденции международных отношений [2]. Как и в предыдущей версии документа («Libro Blanco de la Defensa 2015»), особое внимание уделяется антарктическому вектору, как к одному из ключевых направлений деятельности государства [3]. И хотя данная географическая область фигурирует в обоих документах, проведённый автором контент-анализ позволил выявить существенную разницу в частоте её упоминаний.

Так, согласно результатам, в Белой книге 2023 г. ключевое понятие «Antártica» используется около 59 раз, что примерно в полтора раза чаще, чем в издании 2015 г. [2, 3] Подобная разница свидетельствует не просто о формальном увеличении встречаемости термина, но и о возрастании как символического, так и стратегического значения антарктического курса для аргентинского государства. Если же говорить о разнице в тематических сдвигах, то в первую очередь стоит отметить появление формулировки, согласно которой «Аргентинская Республика является двухконтинентальной страной» [2]. Подобная трактовка не встречается в предыдущей версии документа: в более раннем издании речь шла лишь о широком географическом охвате деятельности Министерства обороны, которая включает в себя островные и антарктические территории.

Ещё одним важным отличием служит появление, своего рода, геостратегического контекста: если в «Белой книге 2015» упор на рассмотрении Антарктики делается преимущественно через призму территориальных претензий [3], то теперь данная область воспринимается как часть единого южного оборонного пространства, одновременно включающего в себя Патагонию, Южный Атлантический океан и спорные острова [2]. Причиной такой расстановки акцентов стало то, что Комиссия по границам Континентального шельфа (CLPC), учрежденная Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву (CONVEMAR), в 2016 г. признала действительным научное доказательство обоснования внешней границы континентального шельфа Аргентины. В свою очередь, это послужило основанием для того, чтобы Национальный конгресс 4 августа 2020 г. единогласно принял Закон № 27.557, позволяющий наносить установленную границу

шельфа на национальные и международные картографические материалы, повышая, тем самым, точность карт и правовую определённость при предоставлении концессий на разведку и разработку углеводородов, минеральных ресурсов и малоподвижных видов морской фауны [1, с. 133].

Если говорить о тематических отличиях, то тут важно отметить, что в обновлённой версии «Белой книги» упоминается более активная интеграция с другими государственными учреждениями в области освоения Антарктического континента. Так, в ходе летней кампании 2022-2023 гг. было завершено подключение всех антарктических баз к спутникам ARSAT-1 и ARSAT-2; скоординированы и выполнены мероприятия с Военно-морской гидрографической службой и Национальной метеорологической службой; подписано соглашение с Radio y Televisión Argentina S.A.U. (RTA) о предоставлении трех спутниковых антенн, а также соглашение с агентством Télam о расширении журналистского освещения деятельности Аргентины в её антарктическом секторе. В двух версиях стратегического документа продолжает акцентироваться внимание на научно-техническом присутствии государства на материке, на улучшении метеорологической инфраструктуры, а также на обеспечении национального суверенитета. Вышеперечисленное может свидетельствовать о том, что Антарктический вектор уже на протяжении многих лет не перестает быть одной из основных составляющих политического дискурса Аргентины [2].

Переходя к анализу практической реализации современного курса, отметим, что 10 декабря 2023 г. Х. Милей официально вступил в должность президента Аргентины. Спустя почти месяц, 6 января 2024 г. он, вместе с уже бывшим министром иностранных дел Дианой Мондидо, министром обороны Луисом Петри, бывшим министром внутренних дел Гильермо Франкосом, генеральным секретарем администрации президента Кариной Милей и генеральным директором Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) Рафаэлем Гросси, отправился на базу Марамбио – одну из основных аргентинских круглогодичных антарктических станций [4]. Причиной такого скорого посещения Антарктического континента послужило начало сотрудничества между Буэнос-Айресом и МАГАТЭ, а также запуск инициативы Nutec Plastics, реализуемый агентством, для борьбы с загрязнением пластиком при помощи ядерных технологий на двух фронтах: в местах его образования и в океане, где, в конечном счете, оказывается большая часть пластиковых отходов. В рамках этого проекта Аргентина отвечает за запуск системы мониторинга микропластика в морской среде Антарктики, а в его реализации участвуют Аргентинский антарктический институт (ИАА) и Министерство обороны в сотрудничестве с Морской лабораторией ядерных применений (NAML) МАГАТЭ [5].

Удивителен тот факт, что буквально за несколько месяцев до вышеописанного события, в ходе теледебатов во время предвыборной кампании

Х. Милей заявлял, что причина глобального потепления – не деятельность человека, а естественные циклы, и публично называл климатическую повестку «ложью», а политику в области окружающей среды связывал с марксистской идеологией [6]. Вскоре после вступления политика в должность президента, Министерство окружающей среды и устойчивого развития (Ministerio de Ambiente y Desarrollo Sostenible) было упразднено, его полномочия передали другим ведомствам, в первую очередь Министерству внутренних дел и структурам при правительстве [7].

Тем не менее, в антарктическом направлении подобные изменения практически не затрагивают государственную политику. Это связано с тем, что Х. Милей ясно осознаёт возросшую геополитическую значимость Антарктики – как в контексте международной конкуренции (например, Канада, в 2022–2023 гг., официально подала заявку на получение консультативного статуса по Договору об Антарктике, что признано шагом в интеграции страны в международную политику региона) [8, р. 18], так и в рамках защиты национальных интересов Аргентины (с 2048 г. любая консультативная сторона может запросить созыв конференции по пересмотру действия Мадридского Протокола, включая запрет на добычу минеральных ресурсов) [1, с. 36].

В апреле 2025 г. завершилась уже традиционная Аргентинская летняя антарктическая кампания 2024/2025 (121-я по счёту). Если говорить о главных достижениях, совершённых в ходе данной операции, можно отметить открытие координационного Центра морского поиска и спасения «Petrel» (первый такого типа в Антарктиде), а также установку мобильного антарктического приюта «Dr. René Favaloro» возле базы Бельграно II, созданного для поддержки работы в экстремальных условиях [9]. В целом, мероприятие в очередной раз показало уровень логистических, научных и инфраструктурных возможностей страны в Антарктике, а 28 ноября 2025 г. прошла официальная церемония открытия Аргентинской летней антарктической кампании 2025/2026 [10].

В рамках рассматриваемого вопроса стоит также затронуть строительство интегрированной военно-морской базы (Base Naval Integrada, BNI) в Ушуае, задуманной как главный аргентинский и международный логистический хаб на пути в Антарктиду. Практическая реализация проекта началась в 2022 г., однако из-за политических проблем и нехватки бюджета, за три года не было достигнуто существенных результатов. По этой причине, правительство Х. Милея включило в бюджетный законопроект на 2025 г. кредит в размере 163 млн долларов США на строительство базы [11]. В апреле 2024 г. глава Аргентинской Республики также встретился с Лаурой Ричардсон, занимавшей на тот момент пост главы Южного командования Вооружённых сил США. В ходе встречи ключевое внимание было уделено вышеупомянутому проекту, а президент подчеркнул, что данная инфраструктура призвана превратить Ушуайю в основной логистический узел [12].

В целом, антарктическая политика Аргентины при президентстве Х. Милея характеризуется институциональной и стратегической преемственностью антарктический вектор сохраняет приоритетное значение и продолжает развиваться. Тут показательным является визит Милея на базу Марамбио в январе 2024 г., что делает его вторым главой государства XXI в., посетившим Антарктиду, а также усиление сотрудничества с США, отражающее возросшее геополитическое значение региона.

Список источников:

1. Кудеярова Н.Ю. Антарктика: глобальная повестка и интересы латиноамериканских государств / Отв. ред. Кудеярова Н.Ю. – М.: ИЛА РАН, 2023. – 320 с.

2. Libro Blanco de la Defensa 2023 / Ministerio de Defensa Argentina. – 2023. URL: https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/2021/11/libroblancodeladefensa2023_.pdf (дата обращения: 05.11.2025)

3. Libro Blanco de la Defensa 2015 / Ministerio de Defensa Argentina. – 2015. URL: https://info.undp.org/docs/pdc/Documents/ARG/libro_blanco_2015.pdf (дата обращения: 05.11.2025)

4. President Milei launched the programme for the implementation of nuclear technology to control plastic pollution in Antarctica / Casa Rosada Presidencia. – 2024. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/international/latest-news/50317-president-milei-launched-the-programme-for-the-implementation-of-nuclear-technology-to-control-plastic-pollution-in-antarctica> (дата обращения: 10.11.2025)

5. NUTEC Plastics / International Atomic Energy Agency IAEA. URL: <https://www.iaea.org/services/key-programmes/nutec-plastics> (дата обращения: 15.11.2025)

6. What will happen if Argentina quits Paris Climate Agreement? / Deutsche Welle. – 2024. URL: <https://www.dw.com/en/what-will-happen-if-argentina-quits-paris-climate-agreement/a-70825297> (дата обращения: 15.11.2025)

7. ¿Qué ministerios eliminó Javier Milei y cuáles quedan? / El Cronista. – 2023. URL: <https://www.cronista.com/economia-politica/que-ministerios-elimino-javier-milei-y-cuales-quedan/> (дата обращения: 20.11.2025)

8. Lackenbauer W. HMCS Margaret Brooke heads to the Other Pole: Ten Things to Know About Antarctica and Canada's Interests and Activities in the South Polar Region / W. Lackenbauer // North American and Arctic Defence and Security Network (NAADSN). – 2025. – P. 1–27.

9. Finalización de la Campaña Antártica de Verano 2024/2025 / Portal oficial del Estado Argentino. – 2025. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/finalizacion-de-la-campana-antartica-de-verano-20242025> (дата обращения: 25.11.2025)

10. Comenzó la Campaña Antártica de Verano 2025/2026 con la zarpada del rompehielos ARA “Almirante Irizar” / Portal oficial del Estado Argentino. – 2025. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/comenzo-la-campana-antarctica-de-verano-20252026-con-la-zarpada-del-rompehielos-ara> (дата обращения: 25.11.2025)

11. Así será la estratégica Base Naval Integrada en Ushuaia: el futuro Polo Logístico Antártico / Radar Austral. – 2024. URL: <https://www.radaraustral.com/articulos/asi-sera-la-estrategica-base-naval-integrada-en-ushuaia/> (дата обращения: 25.11.2025)

12. El Presidente Milei se reunió en Ushuaia con Laura Richardson, Jefa del Comando Sur de los Estados Unidos / Portal oficial del Estado Argentino. – 2024. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/el-presidente-milei-se-reunio-en-ushuaia-con-laura-richardson-jefa-del-comando-sur-de-los> (дата обращения: 27.11.2025)

РАЗДЕЛ 4. RUSIA Y LATINOAMÉRICA: LA COOPERACIÓN ECONÓMICA, POLÍTICA, CULTURAL.

УДК 663.2 (7/8)

Абакулина В.Д., Стальмакова В.А.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Гуманитарный факультет
Группа МО-2301-02
Науч. рук.: Подоляк-Рунова Е.О.

LA CULTURA VITIVINÍCOLA COMO UNO DE LOS RECURSOS PRINCIPALES EN LAS ECONOMÍAS DE CHILE Y CRIMEA

La elaboración del vino es una de las principales industrias tanto en la Península de Crimea como en Chile. En nuestro estudio tratamos de encontrar los puntos similares del desarrollo de viticultura en las regiones sureñas de Rusia y en los valles andinos de Chile.

Vamos a comenzar con una referencia histórica. Crimea es la región vinícola más antigua de Rusia. Los orígenes de la vinificación son la ciudad griega de Hersonissos. Hace más de 2600 años los colonistas griegos empezaron a cultivar la uva. La conquista de la península por el Imperio Otomano en 1475 puso fin a la viticultura tradicional. El Acuerdo de Paz entre Turquía y Rusia en el año 1783 adjunta estas tierras al Imperio Ruso y abre nuevas oportunidades para el cultivo de viñedos.

La historia del vino de Chile nació en 1548 en la época de la conquista de América. Fue Francisco de Aguirre quien trajo las primeras vides y las plantó en el lugar, donde ahora se ubica la ciudad moderna Santiago de Chile. Hasta el siglo XVIII, el vino chileno se concentraba en la producción de vinos dulces – era más fácil almacenarlos en condiciones de vida colonial [2]. Entre más notables variedades de uva había la española “Páisa”, la portuguesa “Palomino Nero”, que siguen siendo utilizadas en la elaboración de vinos hasta hoy.

A continuación, hablaremos sobre el clima, ya que es lo más importante en el cultivo de la uva. El clima tanto en Crimea, como en Chile, es favorable para la vinificación. Los expertos distinguen tres zonas adecuadas en Crimea: la primera se extiende en el litoral, que tiene características del clima cálido y templado. Aquí se producen licores de alta calidad y vinos naturalmente dulces.

Las tierras montañosas se caracterizan por un clima seco con toda una gama de temperaturas continentales y a veces con las heladas ligeras en los meses de invierno. Es aquí donde crece el mayor número de variedades locales de uva.

La tercera zona climática son las estribaciones occidentales de Crimea, que se encuentran en los alrededores de la ciudad de Sebastopol. El clima es templado continental, con inviernos húmedos y fríos. Los veranos frescos y el otoño suave ayudan a que las uvas se mantengan en condiciones ideales.

La principal dignidad de la tierra chilena es la increíble diversidad de microclimas de los suelos. En Chile, al igual que en Crimea, hay tres zonas climáticas. La Costa es un área costera, donde crecen las variedades de uva blanca y roja debido a la influencia del océano y las nieblas matutinas. La Cordillera es la segunda zona donde entre las cadenas montañosas se esconden los viñedos y están protegidos para recibir calor. Y la tercera zona son los Andes, que se considera una verdadera fuente de vida para los viñedos. En estos valles, en laderas de diferentes alturas y orientaciones, es donde nacen los mejores vinos. El viento frío del Pacífico conocido como 'Umbro' y la espesa niebla matutina 'Camanchaca' permiten la madura lenta a tal variedades como Sauvignon Blanc, Pinot Noir y Chardonnay, dándoles una acidez vibrante y aromas complejos. Por lo tanto, la cercanía del mar y la altitud de montañas son factores clave para elaborar los vinos refinados.

Tanto en la historia de Crimea como en la historia de Chile, fueron períodos cruciales para el desarrollo de la vinificación. En 1830, en Chile, el botánico francés Claude Gay sentó las bases de una verdadera revolución del vino al fundar un invernadero experimental único, el “Quintal Normal”. Fue allí donde aclimataba plantas exóticas, incluidas europeas variedades de uva de élite. En 1851, los visionarios importadores de vinos, Silvestre Ochamavia y Maximiliano Erburris invitaron a los enólogos franceses a Chile, quienes iban perfeccionando las técnicas de producción locales [6]. La comprensión científica de la experiencia europea alcanzó su apogeo en 1900, cuando el gobierno chileno mandó al científico Manuel Rojas que hiciera una investigación a las regiones vinícolas clave del continente europeo. Su trabajo fundamental "Viticultura y enología" fue resultado de aquella expedición. Resultó ser una verdadera enciclopedia de la excelencia vinícola, que definió el desarrollo de la industria en las próximas décadas.

Desde principios del siglo XIX, en Crimea, había personas que se dedicaban al desarrollo de la vinificación. El Conde Vorontsov hizo una gran aportación a esta rama agraria. Se dió cuenta de que Crimea era una región ideal para la vinificación y que se podía utilizar su potencial para el desarrollo económico. En 1828, con la ayuda de Vorontsov, se fundó la escuela “Magaratsky” de horti y viticultura. Otro gran patrón de la industria vinícola fue Conde León Golitsyn. Gracias a sus esfuerzos, la industria vinícola se estaba desarrollando activamente en la península, y el vino de Crimea se hizo famoso tanto en Rusia como en el extranjero. León Golitsyn introdujo un nuevo método para la producción de vinos espumosos, similar a la tecnología francesa. En su honor fue erigido el monumento en la ciudad de Eupatoria.

En 1894, por orden de Nicolás II, se fundó “Massandra”, un complejo agrícola que se convirtió en uno de los más grandes del Imperio Ruso, de la época Soviética y sigue funcionando hasta ahora. El clima cálido de la región y el suelo fértil crean las condiciones ideales para los viñedos [3]. Las tierras de Massandra son únicas: están saturadas al máximo con hierro y aluminio. Por ejemplo, en la época de la URSS “Massandra” produjo más de 250 variedades de vinos. El vino

más titulado de Crimea con docenas de premios prestigiosas competiciones internacionales se considera «Muscat White Red Stone».

También quisieramos añadir; que en la historia de las bodegas de Crimea y de Chile, hubo períodos difíciles relacionados con las reformas gubernamentales.

Desde 1985 hasta 1990, en la época de Gorbachev, tuvo lugar la Campaña contra el alcohol y fueron destruidos muchos viñedos [2]. Gorbachov lanzó un golpe sobre esta fuente de ingresos. A medida de que la producción de vinos en masa se redujo, “Massandra” pudo concentrarse aún más en su carta de triunfo principal: los vinos de colección envejecidos. Gracias a éstos fue determinado el estatus mundial de la empresa. A diferencia de muchas otras bodegas del sur de Rusia del período soviético, “Massandra” logró sobrevivir precisamente debido a su especialización única y el reconocimiento internacional.

Los tiempos difíciles para la elaboración del vino tienen sus huellas en la historia de Chile también. El período 1970-1982 fue un tiempo de prueba: la reforma agraria del gobierno socialista condujo a una reducción catastrófica de la superficie de viñedos y una reducción de la producción. En estas condiciones, los enólogos restantes se vieron obligados a reorientarse hacia el segmento masivo, ya que la demanda de vinos de calidad prácticamente desapareció. Sin embargo, en 1994 se produjo un evento significativo para las bodegas chilenas. La variedad “Carmenere” se hizo conocido como única, y pronto comenzó a ser ampliamente utilizada para la producción de vinos de calidad, convirtiéndolo en uno de los símbolos de la vinificación chilena [5]. Sus ricos vinos, con toques de bayas oscuras, toques de pimienta verde y toques de chocolate en taninos suaves, han abierto al mundo el carácter único de la vinificación local.

Ahora en Crimea hay cada vez más nuevos enólogos con sus propios vinos, que ya han logrado ganarse el reconocimiento de los profesionales y el amor de los consumidores. En los últimos 10 años, la industria del vino en la Península de Crimea ha recibido un nuevo y poderoso impulso para su desarrollo. En 2014, la superficie de los viñedos se ocuparía en aproximadamente 14.000 hectáreas. Ultimamente se ha aumentado hasta 20.000 hectáreas. Este logro ha hecho realidad gracias a las medidas gubernamentales de apoyo a la industria. Los viticultores de Crimea pueden recibir una compensación por la plantación de viñedos en la cantidad de hasta 25–30% de la suma necesaria. Las explotaciones peninsulares reciben subsidios para la compra de maquinaria agrícola. En la península se están rejuveneciendo los viejos viñedos y se está ampliando el área para nuevas plantaciones. Las empresas están reequipándose activamente, el número de nuevos enólogos está creciendo, su cuenta ya está en la decena. El turismo del vino también se está desarrollando – más y más operadores turísticos ofrecen a los viajeros rutas listas para las bodegas.

En cuanto al desarrollo de la industria vitivinícola en Chile, hemos sacado los datos, que el país ofrece al mundo muchos vinos de calidad suprema. Por ejemplo, las variedades como Cabernet Sauvignon, Sirah, Pinot Noir son básicas para muchas marcas premium, dando lugar a sabores elegantes y aromas exquisitos.

La viticultura en Chile se ve fortalecida por la labor de las instituciones educativas, que forman a los especialistas del sector, y por el respaldo que las organizaciones gubernamentales brindan a diversos proyectos relacionados [4].

Resumiendo nuestros estudios, expresamos el deseo que haya oportunidades para el proceso colaborador entre los enólogos de nuestros países, entre Chile y Rusia.

Referencias bibliográficas:

1. А. А. Ефремова Анализ состояния винодельческой отрасли Республики Крым и ее потенциала // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2018. – №4. С. 68 – 74.

2. Вина Чили. История виноделия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://levelvan.ru/> (дата обращения 12.11.2025)

3. Массандра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://massandra.ru/> (дата обращения: 12.11.2025)

4. Ю. Л. Владимиров Анализ деятельности винодельческого кластера в Чили // Управление наукой и наукометрия. – 2008. – №7. С. 300 – 308.

5. Carmenere in Chile [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crushedgrapechronicles.com/> (дата обращения 11.11.2025)

6. La viticultura chilena [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trekkingchile.com> (дата обращения 15.11.2025)

УДК 327

Daniela Concha, Patricio Zagal
Universidad Bernardo O'Higgins
Escuela de Administración & Negocios
Facultad de Ingeniería, Ciencia y Tecnología
Науч. пук.: Erik Escalona Aguilar.

CHILE Y RUSIA: ANÁLISIS DE OPORTUNIDADES DE COLABORACIÓN ECONÓMICA Y CULTURAL EN EL MARCO DE LA DIPLOMACIA IBEROAMERICANA

1. INTRODUCCIÓN

Chile y Rusia, como economías emergentes relevantes en sus respectivas regiones, mantienen una relación bilateral con significativo potencial de desarrollo. Desde el restablecimiento de relaciones diplomáticas en 1990, ambos países han construido una base sólida para fortalecer vínculos económicos y culturales. En el contexto iberoamericano, esta cooperación bilateral puede

aportar sustancialmente al desarrollo sostenible y la integración regional. Este artículo explora sistemáticamente las oportunidades actuales y futuras de colaboración entre ambas naciones, analizando tanto los avances logrados como los desafíos pendientes.

Como sostienen los estudios sobre la reemergencia de actores extra-regionales en América Latina, la presencia rusa en la región se ha intensificado en las últimas décadas como parte de una estrategia destinada a diversificar sus alianzas en un orden internacional más multipolar (Wigell, 2016; Kanet, 2021). Este fenómeno combina iniciativas económicas, diplomáticas y culturales orientadas a abrir mercados y consolidar vínculos políticos, lo que explica el interés de Rusia por estrechar lazos con países con estabilidad macroeconómica y apertura comercial como Chile.

Además, la relación Chile-Rusia adquiere relevancia en un escenario internacional marcado por la diversificación de alianzas de los países iberoamericanos, que buscan disminuir su dependencia de los mercados tradicionales. La inserción estratégica de Rusia en América Latina y el posicionamiento de Chile como una economía abierta y estable generan un espacio propicio para la cooperación económica, tecnológica y cultural. Esta dinámica se alinea con los objetivos de integración regional presentes en organismos como CEPAL y SUBREI, los cuales destacan la necesidad de fortalecer vínculos horizontales entre naciones emergentes para promover un desarrollo sostenible y equilibrado.

2. PROBLEMA DE INVESTIGACIÓN

2.1. Planteamiento del problema

A pesar de que Chile y Rusia mantienen relaciones diplomáticas formales desde 1990 y comparten intereses económicos complementarios (productos alimentarios vs. insumos industriales), la colaboración bilateral sigue siendo limitada y poco diversificada. El comercio se concentra principalmente en productos primarios del sector pesquero, mientras que sectores como la minería, la energía renovable y la tecnología permanecen subexplotados.

Simultáneamente, aunque existen iniciativas culturales y educativas (como eventos de "Educación sin Fronteras"), estos esfuerzos carecen de un marco institucional robusto y visible que facilite una cooperación más sistemática y de largo plazo. Esta brecha entre el potencial existente y la colaboración actual limita el aporte que la relación Chile-Rusia podría realizar al desarrollo sostenible regional y a la integración iberoamericana.

2.2. Pregunta de investigación

¿Cuáles son las oportunidades reales de colaboración económica y cultural entre Chile y Rusia en el contexto iberoamericano, y qué mecanismos institucionales y estratégicos podrían potenciarse para profundizar esta relación más allá de los sectores tradicionales?

3. OBJETIVOS

3.1. Objetivo general

Analizar las oportunidades actuales y potenciales de colaboración económica y cultural entre Chile y Rusia en el contexto iberoamericano, identificando sectores estratégicos, mecanismos de cooperación vigentes y desafíos que limitan su profundización.

3.2. Objetivos específicos

1. Describir la evolución histórica y el contexto actual de las relaciones bilaterales Chile-Rusia desde 1990 hasta 2025.

2. Caracterizar los flujos comerciales bilaterales, identificando productos y sectores clave, así como su relevancia dentro del comercio internacional de Chile.

3. Identificar y analizar iniciativas de cooperación económica, especialmente en los sectores de acuicultura, minería, energía y agricultura.

4. Documentar los intercambios culturales, educativos y académicos vigentes entre ambos países, evaluando su impacto en la construcción de vínculos bilaterales.

5. Analizar los desafíos y barreras (geográficas, políticas, logísticas) que limitan la profundización de la colaboración bilateral.

6. Proponer recomendaciones para fortalecer los mecanismos de cooperación y diversificar los proyectos conjuntos dentro del marco iberoamericano.

4. MARCO TEÓRICO

4.1. La Cooperación Sur-Sur y diplomacia económica

La relación Chile-Rusia puede enmarcarse conceptualmente dentro de los paradigmas de la Cooperación Sur-Sur y la Diplomacia Económica. La Cooperación Sur-Sur se refiere al intercambio de recursos, tecnología y conocimiento entre países en desarrollo (CEPAL, 2023), mientras que la Diplomacia Económica comprende el uso de herramientas diplomáticas para promover intereses económicos nacionales (Bayne & Woolcock, 2020).

A nivel conceptual, diversos estudios evidencian que la Cooperación Sur-Sur no solo promueve el intercambio técnico entre países en desarrollo, sino que también impulsa procesos de co-creación entre actores gubernamentales, privados y académicos. Autores recientes han destacado que este tipo de cooperación permite reducir asimetrías históricas mediante iniciativas conjuntas de innovación, inversión y transferencia tecnológica, especialmente en sectores estratégicos como energía, agricultura y minería (Nolte, 2010; Rouvinski & Jeifets, 2022).

4.2. Geoeconomía y estrategia de potencias regionales

Según Wigell (2016), las economías emergentes desempeñan un papel cada vez más relevante en la gobernanza económica global, impulsando formas de cooperación Sur-Sur orientadas a diversificar mercados, fortalecer capacidades técnicas y ampliar su influencia en el sistema internacional. Este enfoque geoeconómico permite entender la relación entre Chile y Rusia como parte de

una estrategia compartida de inserción internacional, donde ambos países buscan generar alianzas estratégicas que favorezcan su proyección económica y política.

4.3. Soft power y diplomacia cultural

La diplomacia cultural y los intercambios educativos funcionan como mecanismos de "soft power" que facilitan la cooperación económica (Nye, 2004). En este sentido, los programas de intercambio académico, las iniciativas culturales y los eventos conjuntos no son meramente simbólicos, sino que generan capital social y confianza institucional que sustentan relaciones económicas más sólidas y duraderas.

5. METODOLOGÍA DE INVESTIGACIÓN

5.1. Enfoque y diseño de investigación

Este estudio adopta un enfoque cualitativo de carácter exploratorio y descriptivo, basado en análisis documental de fuentes primarias y secundarias. El diseño corresponde a un estudio de caso del tipo "análisis de política comparada", que examina la relación bilateral Chile-Rusia como un fenómeno complejo de cooperación internacional.

5.2. Periodo de análisis

El estudio cubre el período 2020-2025, con énfasis en los años 2023-2025, período que refleja la intensificación más reciente de la relación bilateral, particularmente a través de eventos como el VIII Foro Mundial de Pesca (2025) y la participación en iniciativas educativas.

5.3. Fuentes de datos

Se emplearon las siguientes fuentes de información:

Fuentes primarias:

- Informes oficiales del Ministerio de Relaciones Exteriores de Chile (SUBREI)
- Documentos de ProChile sobre comercio bilateral
- Acuerdos bilaterales y tratados entre ambos países
- Comunicados de prensa de eventos bilaterales (Foro Mundial de Pesca 2025, "Rusia: Educación sin Fronteras")

Fuentes secundarias:

- Base de datos OEC World (Observatory of Economic Complexity)
- Base de datos UN COMTRADE para estadísticas de comercio bilateral
- Reportes de Sernapesca y Consejo del Salmón
- Publicaciones especializadas en comercio y relaciones internacionales (Rouvinski & Jeifets, 2022; Wigell, 2016; Kanet, 2021)
- Medios de prensa especializados (Mundo Acuícola, SalmonExpert, La Tercera)

5.4. Procedimiento de recopilación y análisis

1. Búsqueda y recopilación: Se realizó una búsqueda sistemática de documentos oficiales, estadísticas comerciales y publicaciones académicas relacionadas con la relación Chile-Rusia (2020-2025).

2. Clasificación temática: Los datos se organizaron en cuatro categorías principales:

- Contexto histórico y marco institucional
- Flujos comerciales y oportunidades económicas
- Iniciativas de cooperación cultural y educativa
- Desafíos y perspectivas futuras

3. Análisis de contenido: Se identificaron patrones, tendencias y oportunidades estratégicas en la relación bilateral mediante lectura crítica de fuentes y sistematización de información.

4. Síntesis y recomendaciones: A partir del análisis, se formularon conclusiones y propuestas para fortalecer la cooperación bilateral.

5.5 Limitaciones metodológicas

- Acceso limitado a datos de inversión privada bilateral, lo que restringe el análisis cuantitativo de flujos de capital.
- La disponibilidad de información en español sobre la estrategia rusa en América Latina es limitada, requiriendo traducción e interpretación de fuentes en inglés.
- El período de análisis (2020-2025) incluye años de pandemia, lo que afectó temporalmente los patrones de comercio bilateral.

6. CONTEXTO HISTÓRICO Y RELACIONES BILATERALES

6.1. Restablecimiento de relaciones diplomáticas (1990-2000)

Las relaciones diplomáticas entre Chile y Rusia se restablecieron en 1990, tras la caída del régimen de Pinochet en Chile y la desintegración de la URSS. Este proceso marcó el inicio de una nueva etapa en las relaciones bilaterales, caracterizada por la reconstrucción de vínculos institucionales tras décadas de tensión durante la Guerra Fría.

En esta fase inicial, Chile estableció embajada en Moscú (1992) y Rusia abrió su representación diplomática en Santiago, creando un marco institucional básico para la cooperación bilateral. Se firmaron acuerdos en áreas como educación, cultura y ciencia (SUBREI, 2024).

6.2. Consolidación de mecanismos de cooperación (2000-2015)

Durante este período, ambos países ampliaron sus mecanismos de cooperación mediante:

- Firma de acuerdos para evitar la doble tributación y proteger inversiones
- Programas de becas para estudiantes chilenos en universidades rusas
- Participación conjunta en foros multilaterales (CEPAL, ONU)
- Iniciativas sectoriales en educación, ciencia y cultura

Como señalan Rouvinski y Jeifets (2022), la renovada proyección de Rusia hacia América Latina forma parte de una estrategia geopolítica destinada a diversificar sus alianzas y ampliar su presencia en sectores como la energía, la infraestructura y la cooperación técnica. Este enfoque explica el creciente interés

ruso en fortalecer vínculos con economías estables y abiertas al comercio internacional, como Chile.

6.3. Intensificación y diversificación (2015-2025)

A partir de 2015, la relación se ha caracterizado por una mayor intensificación y diversificación:

Iniciativas comerciales:

- Expansión del comercio de productos pesqueros y del mar hacia Rusia
- Participación de empresas chilenas en ferias comerciales rusas
- Desarrollo de cooperación en el sector de insumos agrícolas

Iniciativas culturales y educativas:

• Foro "Rusia: Educación sin Fronteras" (2025), que reunió universidades rusas con instituciones chilenas

- Intercambios deportivos y artísticos
- Participación de Chile en el VIII Foro Mundial de Pesca de San Petersburgo (2025)

Marco institucional:

- Comisiones bilaterales periódicas para coordinación de política
- Convenios específicos en acuicultura y pesca
- Acuerdos sanitarios para facilitar exportaciones de productos del mar

7. HALLAZGOS: ANÁLISIS DEL COMERCIO BILATERAL Y OPORTUNIDADES ECONÓMICAS

7.1. Características del comercio bilateral (2020-2025)

El comercio bilateral entre Chile y Rusia ha mostrado un patrón estable pero moderado durante el período analizado:

Montos totales:

- En 2024, el comercio bilateral superó los 54 millones de dólares estadounidenses (OEC World, 2025)
- Período 2020-2024: promedio anual de aproximadamente 45-50 millones de dólares
- Tendencia: crecimiento leve pero sostenido a pesar de contextos geopolíticos complejos

7.2. Composición del comercio bilateral

Tabla 1

Principales bienes intercambiados entre Chile y Rusia (2024)

Categoría	Exportaciones de Chile a Rusia	Importaciones de Rusia a Chile
Productos del mar	Salmón, merluza, crustáceos, mejillones	---
Insumos industriales	---	Fertilizantes, químicos, abonos

Categoría	Exportaciones de Chile a Rusia	Importaciones de Rusia a Chile
Tecnología y maquinaria	---	Maquinaria pesada, equipo industrial
Agroindustria	Frutas deshidratadas, vinos	---
Otros	Madera procesada, papel	Productos químicos especializados

Análisis por sector:

a) Sector pesquero y acuícola (Exportaciones chilenas):

- El salmón representa el principal producto de exportación chileno hacia Rusia
- Rusia se posiciona como el cuarto destino del salmón chileno (después de UE, Asia-Pacífico y mercados norteamericanos)
- En 2024, la región del Biobío concentró más del 50% de los envíos chilenos de productos del mar hacia Rusia (Dirección Nacional de Aduanas, 2022)
- La participación de Chile en el VIII Foro Mundial de Pesca de San Petersburgo (octubre 2025) significó un hito importante para fortalecer protocolos sanitarios y ampliar mercado

b) Sector industrial y químico (Importaciones chilenas):

- Los fertilizantes y químicos rusos son insumos clave para la agricultura chilena
- Rusia provee aproximadamente el 8-12% de los fertilizantes importados por Chile (estimación basada en datos OEC)
- La maquinaria industrial rusa es utilizada en sectores como minería y agroindustria

7.3. Oportunidades económicas identificadas

El análisis documental y de datos comerciales identifica las siguientes oportunidades para ampliar la cooperación:

1. Diversificación hacia sectores de alto valor agregado:

- Minería y tecnología minera: Rusia posee expertise en tecnologías de exploración y extracción de minerales. Chile, con una industria minera relevante, podría beneficiarse de transferencia tecnológica.
- Energía y energías renovables: Oportunidades de cooperación en tecnología de energías limpias, particularmente en energía solar y eólica, sectores en que ambos países tienen interés creciente.

2. Profundización en acuicultura y pesca:

- Rusia es un importante mercado para productos del mar chilenos, con demanda creciente por productos de alto estándar.

- La cooperación sanitaria y técnica (evidenciada en el VIII Foro Mundial de Pesca 2025) crea oportunidades para:

- Acceso preferencial a mercados rusos
- Inversión conjunta en tecnología acuícola
- Certificaciones de calidad compartidas

3. Cooperación agroindustrial:

- Los vinos chilenos y frutas deshidratadas tienen potencial de expansión en mercados rusos

- Oportunidades de joint ventures en agroindustria de valor agregado

4. Infraestructura y logística:

- La distancia geográfica entre ambos países (aproximadamente 16,000 km) representa un desafío logístico

- Sin embargo, existen oportunidades para mejorar rutas comerciales, convenios de envío y almacenamiento

7.4. Estimaciones de potencial de crecimiento

Aunque los datos cuantitativos detallados de inversión privada son limitados, es posible proyectar:

- Si se lograra diversificación hacia sectores estratégicos, el comercio bilateral podría crecer a un 3-5% anual en los próximos 5 años

- La profundización en acuicultura podría significar un aumento de 20-30% en las exportaciones de productos del mar

- La cooperación en minería y energías renovables podría generar nuevos flujos de inversión de decenas de millones de dólares

8. HALLAZGOS: COLABORACIÓN CULTURAL Y EDUCATIVA

8.1. Iniciativas de intercambio educativo

Foro "Rusia: Educación sin Fronteras 2025"

- Reunión de universidades rusas y chilenas para coordinación académica
- Participación de estudiantes y profesores de instituciones como Universidad Bernardo O'Higgins, Universidad de Chile y otras

- Temas: ciencia, tecnología, administración, artes e ingeniería

Programas de becas:

- Becas rusas para posgrado en universidades de Moscú, San Petersburgo y otras ciudades

- Becas chilenas (limitadas) para estudiantes de ruso e historia

Acuerdos académicos vigentes:

- Convenios de intercambio entre universidades chilenas y rusas

- Reconocimiento mutuo de títulos en ciertos programas

8.2. Iniciativas culturales

- Intercambios artísticos: Presentaciones de arte folclórico, danza y música

- Diplomacia deportiva: Partidos amistosos de fútbol y participación en competiciones internacionales

- Artes marciales: Competiciones y entrenamientos compartidos

8.3. Impacto de la cooperación cultural

La colaboración cultural y educativa genera:

1. Capital social: Construcción de redes personales y profesionales entre actores de ambos países
2. Confianza institucional: Facilita negociaciones comerciales al crear contextos de mayor conocimiento mutuo
3. Transferencia de conocimiento: Investigadores y académicos colaboran en proyectos conjuntos
4. Visibilidad política: Fortalece la presencia bilateral en el contexto internacional

9. ANÁLISIS DE DESAFÍOS Y BARRERAS

9.1. Desafíos geográficos y logísticos

- Distancia: Aproximadamente 16,000 km separan Santiago de Moscú, lo que incrementa costos de transporte y tiempos de entrega
- Rutas comerciales limitadas: No existen vuelos directos regulares; el comercio requiere conexiones intermedias
- Costos de logística: Son significativamente más altos que con socios comerciales más cercanos

9.2. Desafíos políticos y geopolíticos

- Contexto internacional complejo: La guerra en Ucrania (2022-presente) ha generado sanciones internacionales contra Rusia que afectan indirectamente la relación comercial
- Incertidumbre regulatoria: Cambios en política internacional pueden alterar acuerdos comerciales
- Dependencia de decisiones multilaterales: Restricciones de organismos internacionales impactan la colaboración

9.3. Desafíos culturales e idiomáticos

- Barrera idiomática: Limitado dominio del ruso en Chile limita comunicación directa en negocios
- Diferencias culturales: Distintos contextos históricos y sociales requieren mayor esfuerzo en construcción de confianza
- Desconocimiento mutuo: Ambos países tienen conocimiento limitado de sus respectivas realidades internas

9.4. Limitaciones institucionales

- Marcos legales incompletos: Ausencia de tratado de libre comercio (TLC) limita acceso preferencial a mercados
- Capacidad institucional limitada: Recursos diplomáticos y técnicos limitados en ambas embajadas
- Participación privada débil: Empresas chilenas tienen limitada presencia en Rusia y viceversa

10. DISCUSIÓN

10.1. Interpretación de hallazgos

Los resultados del análisis revelan una paradoja característica de la relación Chile-Rusia: a pesar de poseer complementariedades económicas claras (productos del mar vs. insumos industriales) y objetivos políticos similares (diversificación de alianzas, inserción internacional), la colaboración permanece limitada y concentrada en sectores tradicionales.

Comparación con literatura existente:

Subrei (2024) y ProChile reconocen a Rusia como un socio relevante, pero el volumen de comercio bilateral (54 millones USD en 2024) sigue siendo modesto comparado con otros socios latinoamericanos de Rusia (como Brasil o Argentina). Esto sugiere que existen barreras estructurales no completamente visibles en estadísticas agregadas.

Las iniciativas culturales y educativas documentadas (Foro "Educación sin Fronteras", participación en Foro Mundial de Pesca) son recientes y aún no han generado efectos visibles en intensificación comercial, lo que apunta a un lag temporal entre construcción de confianza cultural y resultados económicos cuantitativos.

10.2. Integración con marco teórico

Cooperación Sur-Sur: La relación Chile-Rusia se alinea con patrones de Cooperación Sur-Sur identificados por CEPAL (2023) y Nolte (2010), donde economías emergentes buscan fortalecer vínculos horizontales. Sin embargo, en comparación con otras iniciativas Sur-Sur (como Alianza del Pacífico o ALBA), la cooperación Chile-Rusia carece de un marco institucional formalizante (como un TLC o comisión bilateral permanente de alto nivel).

Goeconomía y Diplomacia Económica: Wigell (2016) sostiene que potencias regionales utilizan instrumentos múltiples (comerciales, financieros, diplomáticos) para ampliar influencia. La estrategia rusa hacia Chile incluye estos elementos, pero la respuesta chilena ha sido reactiva más que proactiva, limitándose a responder iniciativas rusas en lugar de proponer agendas bilaterales ambiciosas.

Soft Power y diplomacia cultural: La participación en eventos educativos y culturales opera como "soft power" tal como describe Nye (2004). Sin embargo, estos esfuerzos permanecen desconectados de objetivos económicos explícitos, lo que reduce su efectividad para traducir confianza cultural en oportunidades comerciales concretas.

10.3. Implicaciones para política pública

Los hallazgos sugieren la necesidad de una estrategia integral que:

1. Formalice mecanismos de cooperación: Negociar un TLC o acuerdo comercial de alcance parcial (como alternativa a TLC)
2. Visibilice oportunidades sectoriales: Campañas de promoción comercial orientadas a empresas privadas en ambos países

3. Integre diplomacia cultural con objetivos económicos: Que intercambios educativos incluyan componentes de innovación y transferencia tecnológica

4. Fortalezca presencia institucional: Aumentar recursos de embajadas para facilitar contactos comerciales

10.4. Contribuciones del estudio

Este análisis contribuye a:

- Documentar estado actual de relación Chile-Rusia con base en datos recientes (2020-2025)
- Identificar oportunidades específicas que han sido poco exploradas en literatura en español
- Proponer que la relación Chile-Rusia puede servir como modelo de cooperación Sur-Sur si se formalizan mecanismos
- Destacar rol de diplomacia cultural como complemento (no sustituto) de diplomacia comercial

11. CONCLUSIONES

11.1. Síntesis de hallazgos principales

La colaboración entre Chile y Rusia en temas económicos y culturales representa una oportunidad estratégica sustancial que, aunque aún poco desarrollada, posee fundamentos sólidos:

1. Base económica complementaria: Chile exporta productos del mar de alto valor; Rusia proporciona insumos industriales y químicos. Esta complementariedad ha permitido comercio bilateral estable por más de dos décadas.

2. Institucionalidad en desarrollo: Desde 1990, ambos países han construido marcos de cooperación que, aunque modestos, incluyen mecanismos de diálogo político, acuerdos sectoriales y programas de intercambio.

3. Convergencias geopolíticas: Ambos países comparten interés en diversificación de alianzas y presencia en orden internacional multipolar, lo que crea incentivos para profundizar relación.

4. Iniciativas recientes de profundización: El VIII Foro Mundial de Pesca (2025) y foro "Educación sin Fronteras" muestran disposición política para intensificar vínculos.

11.2. Desafíos persistentes

Sin embargo, la relación enfrenta limitaciones significativas:

- Limitaciones geográficas: Distancia y costos de transporte elevados
- Contexto geopolítico complejo: Sanciones internacionales y situación en Ucrania crean incertidumbre
- Ausencia de marco comercial formalizado: Falta TLC o acuerdo de cooperación económica de alcance amplio
- Desconexión entre diplomacia cultural y comercial: Iniciativas educativas no se traducen automáticamente en oportunidades económicas

11.3. Recomendaciones específicas

Para gobiernos (nivel político):

1. Negociar un Tratado de Libre Comercio (TLC) o, como alternativa más rápida, un Acuerdo de Complementariedad Económica (ACE) que reduzca aranceles en sectores priorizados (productos del mar, insumos químicos, tecnología).
2. Establecer Comisión Bilateral de Alto Nivel de periodicidad semestral para coordinación de política económica y comercial.
3. Formalizar cooperación en acuicultura y pesca: Expandir protocolos sanitarios que permitan acceso preferencial a mercados rusos.
4. Sector minería y energía: Iniciar estudios de factibilidad para joint ventures en tecnología minera y energías renovables.

Para sector privado:

1. Misiones comerciales: Organizar delegaciones empresariales chilenas a Rusia, especialmente de PyMEs exportadoras.
2. Plataformas de contacto: Crear base de datos de empresas y oportunidades comerciales bilaterales.
3. Capacitación en idioma ruso: Programas de formación para empresarios y comerciantes para reducir barrera idiomática.

Para instituciones académicas:

1. Investigación coordinada: Financiar proyectos de investigación conjunta en sectores estratégicos.
2. Intercambios con propósito: Vincular programas de intercambio con objetivos de transferencia tecnológica e innovación.
3. Formación en diplomacia económica: Capacitar estudiantes en habilidades de negociación comercial internacional.

11.4. Perspectivas futuras

Si se implementan estas recomendaciones, la relación Chile-Rusia podría:

- Aumentar comercio bilateral a 100-150 millones USD en 5 años (desde actual 54 millones)
- Convertirse en modelo de Cooperación Sur-Sur documentado en análisis sobre relaciones internacionales
- Atraer inversión privada en sectores específicos (acuicultura, minería, tecnología)
- Contribuir a objetivos de desarrollo sostenible mediante cooperación en energías renovables y agricultura sostenible

11.5. Reflexión final

En conclusión, Chile y Rusia comparten una oportunidad histórica de profundizar la colaboración bilateral dentro del contexto de un orden internacional multipolar. La combinación de iniciativas culturales recientes, complementariedad económica comprobada y objetivos políticos alineados crea un escenario propicio. Sin embargo, esta oportunidad requiere de voluntad política explícita, recursos

institucionales dedicados e inversión privada activa para traducirse en resultados concretos y sostenibles. La presente investigación proporciona evidencia y recomendaciones para que ambos países avancen hacia una relación de colaboración más profunda, más formalizada y más mutuamente beneficiosa.

Referencias bibliográficas:

1. Bayne, N., & Woolcock, S. (2020). *The new economic diplomacy: Decision-making and negotiation in international economic relations* (3rd ed.). Routledge.
2. CEPAL. (2023). *La cooperación Sur-Sur y triangular en América Latina y el Caribe*. Naciones Unidas. Recuperado de <https://www.cepal.org/es/organos-subsidiarios/conferencia-regional-cooperacion-sur-sur-america-latina-caribe>
3. Dirección Nacional de Aduanas de Chile. (2022). *Desde región del Biobío se embarca 52% de envíos chilenos a Rusia y mayor carga viene de Los Lagos*. Recuperado de <https://www.aduana.cl/desde-region-del-biobio-se-embarca-52-de-envios-chilenos-a-rusia-y/aduana/2022-03-02/202058.html>
4. Kanet, R. E. (2021). Russia in Latin America: An extension of Moscow's policy? *Journal of Slavic Military Studies*, 34(3), 398-418. <https://doi.org/10.1080/13518046.2021.1985940>
5. Ministerio de Relaciones Exteriores de Chile (SUBREI). (2024). *Ficha país: Federación de Rusia*. Recuperado de <https://www.subrei.gob.cl/docs/default-source/estudios-y-documentos/fichas/rusia.pdf>
6. Moons, S., & van Bergeijk, P. A. (2017). Does economic diplomacy work? A meta-analysis of its impact on trade and investment. *The World Economy*, 40(2), 336-368. <https://doi.org/10.1111/twec.12392>
7. Mundo Acuicola. (2025, octubre 23). *Chile fortalece vínculos comerciales con Rusia en VIII Foro Mundial de Pesca*. Recuperado de <https://www.mundoacuicola.cl/new/chile-fortalece-vinculos-comerciales-con-rusia-en-viii-foro-mundial-de-pesca/>
8. Nolte, D. (2010). How to compare regional powers: Analytical concepts and research topics. *Review of International Studies*, 36(4), 881-901. <https://doi.org/10.1017/S026021051000135X>
9. Nye, J. S. (2004). Soft power: The means to success in world politics. PublicAffairs. OEC World. (2025). *Comercio bilateral entre Chile y Rusia*. Recuperado de <https://oec.world/es/profile/bilateral-country/chl/partner/rus>
10. Rouvinski, V., & Jeifets, V. (Eds.). (2022). *Rethinking post-Cold War Russian-Latin American relations*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003183372>
11. Wigell, M. (2016). Conceptualizing regional powers' geoeconomic strategies: Neo-imperialism, neo-mercantilism, hegemony, and liberal institutionalism. *Asia Europe Journal*, 14(2), 135-151. <https://doi.org/10.1007/s10308-015-0442-x>

Гришина А.М.
МГУ им. М. В. Ломоносова
Факультет мировой политики
Группа 405
Науч. рук.: Климова К.М.

COOPERACIÓN ECONÓMICA ENTRE MOSCÚ Y BRASILIA COMO RESULTADO DE LA COOPERACIÓN INTERPARLAMENTARIA

Las relaciones entre Rusia y Brasil representan la interacción entre grandes potencias mundiales con un importante potencial de recursos¹. Los datos estadísticos correspondientes de ambos países – territorio, población, volumen de producción, PIB, recursos energéticos y gastos militares – reflejan su peso en las relaciones internacionales. Desde 2010, Brasil ocupa un lugar importante en la estrategia económica de Rusia, especialmente en el marco del BRICS, y como socio ruso en la región latinoamericana². En las condiciones actuales de tensión geopolítica, Rusia necesita fortalecer sus relaciones multilaterales con Estados afines en cuestiones globales. La diplomacia parlamentaria se está convirtiendo en un instrumento importante para el desarrollo de las relaciones bilaterales, ya que permite a Moscú y Brasilia, como centros políticos de sus respectivos países, consolidar una asociación constructiva mediante el intercambio de iniciativas legislativas, proyectos conjuntos y la creación de condiciones propicias para la actividad empresarial.

La intensificación de la cooperación interparlamentaria entre Rusia y Brasil comenzó tras la firma de acuerdos en 2013 y 2015, que sentaron las bases para la cooperación entre el Consejo de la Federación de la Federación de Rusia y el Senado Federal de Brasil. Este proceso se vio estimulado por la complementariedad de los recursos científicos, tecnológicos e industriales de ambos países, lo que permite un amplio intercambio de bienes, servicios y experiencia en materia de cooperación económica sobre la base de un marco contractual desarrollado. Los indicadores comerciales y económicos muestran un crecimiento significativo. Si en 2015 el comercio bilateral superó los 6000 millones de dólares, en 2024 aumentó hasta los 12 400 millones de dólares.

¹ Yakovlev, P. P. Rusia y Brasil en el paradigma de la asociación estratégica // Perspectivas. Revista electrónica. 2022. N. 4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-braziliya-v-paradigme-strategicheskogo-partnerstva/viewer>

² La presidenta del Senado Federal valoró muy positivamente el nivel de cooperación interparlamentaria entre Rusia y Brasil // Periódico parlamentario. URL: <https://www.pnp.ru/russia-today/spiker-sf-vysoko-ocenila-uroven-mezhparlamentskogo-vzaimodeystviya-rossii-i-brazilii.html>

Rusia suministra al mercado brasileño combustible diésel, uranio enriquecido, metales negros y fertilizantes minerales (24-28 % del total de las importaciones), necesarios para el desarrollo del sector agroindustrial brasileño y para garantizar la seguridad alimentaria y energética mundial. A su vez, Brasil exporta a Rusia soja, carne de vacuno, carne de aves y café. Se observa una ampliación de la cooperación en la industria química, la agricultura, la energía (incluida la nuclear), la industria farmacéutica y el sector espacial. A finales de 2024, Rusia se situó entre los cinco principales socios importadores de Brasil, lo que demuestra el aumento de la actividad exportadora. El Consejo Empresarial Rusia-Brasil, creado en 2004 en el marco de la Cámara de Comercio e Industria de la Federación de Rusia, trabaja activamente para ampliar los contactos comerciales, proteger los derechos de los empresarios rusos y promover los negocios rusos en Brasil¹. Se ha logrado un éxito significativo en el ámbito de las inversiones. La empresa EuroChem obtuvo una licencia para gestionar una empresa minera en el estado de Minas Gerais, donde produce alrededor de 1 millón de toneladas de fertilizantes fosforados al año (el 15% de la producción del país). A pesar de que las inversiones rusas acumuladas en Brasil para 2024 ascendieron a unos 1500 millones de dólares, la parte brasileña se muestra dispuesta a atraer inversiones rusas adicionales².

La cooperación interparlamentaria entre Rusia y Brasil tiene una importancia estratégica no solo en las relaciones bilaterales, sino también en el formato BRICS. Brasil inició la creación de una plataforma parlamentaria en la asociación, que funciona con éxito desde hace más de diez años gracias a las reuniones anuales. La presidenta del Consejo de la Federación, Valentina Matvienko, ha subrayado en repetidas ocasiones la prioridad de fortalecer las relaciones parlamentarias entre los países³. En el X Foro Parlamentario del BRICS, celebrado en julio de 2024 en San Petersburgo, Vladímir Putin señaló la ausencia de una estructura parlamentaria formalizada en la asociación y expresó su esperanza de que se estableciera⁴. El presidente de la Duma Estatal, Vyacheslav Volodin, incluyó en el programa del evento cuestiones relacionadas con la cooperación en materia de energías, ciencia, nuevas tecnologías e inteligencia artificial. El presidente de la Federación de Rusia, Vladímir Putin, destacó la prioridad de llevar a cabo programas educativos y científicos

¹ Entrevista al embajador de Rusia en Brasil, A. K. Labetsky, 2024 // Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia URL: <https://mid.ru/ru/maps/br/1976354/>

² El embajador en la Federación de Rusia informó de que Brasil espera un aumento de las inversiones procedentes de Rusia // TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21019877>

³ La cooperación interparlamentaria entre Rusia y Brasil contribuye al fortalecimiento de todo el complejo de relaciones bilaterales – V. Matvienko // Consejo de la Federación de la Asamblea Federal de la Federación de Rusia. URL: <http://council.gov.ru/events/news/56271/>

⁴ Entrevista al embajador de Rusia en Brasil, A. K. Labetsky, 2024 // Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia. URL: <https://mid.ru/ru/maps/br/1976354/>

conjuntos, así como de crear centros científicos para aumentar la eficiencia de las economías de los países participantes¹.

El desarrollo activo de las relaciones entre las regiones de la Federación de Rusia y los estados de Brasil es una dirección importante de los contactos bilaterales. Entre los sujetos rusos más activos se encuentran Moscú, San Petersburgo, República de Tartaristán, las regiones de Kaliningrado y Nizhni Nóvgorod, que cooperan con los estados brasileños de Río de Janeiro, São Paulo, Santa Catarina y Espírito Santo. Un acontecimiento significativo fue la visita oficial a Moscú de la delegación del Ayuntamiento de Río de Janeiro, encabezada por M. Crivella (2017), donde el alcalde de Moscú, Sergei Sobyenin, y su homólogo firmaron un programa de cooperación que abarcaba las áreas prioritarias del desarrollo urbano². Moscú ofrece a los países del BRICS y del BRICS+ su experiencia en el desarrollo de infraestructuras urbanas y en la introducción de innovaciones y tecnologías digitales en la gestión de las capitales. A pesar de la falta de literatura científica y fuentes relativas a la cooperación económica entre Moscú y Brasilia, parece que estas propuestas, especialmente la digitalización de los servicios urbanos, tendrá un impacto significativo en la mejora de las infraestructuras urbanas y la calidad de vida de la población en su conjunto. En el V Foro Municipal Internacional BRICS+ (San Petersburgo, noviembre de 2023), el presidente de la Duma de Moscú, Alexéi Sháposhnikov, presentó la iniciativa de crear una plataforma internacional para el diálogo entre los parlamentos de las capitales del BRICS+, justificando la necesidad de este formato para el intercambio de soluciones avanzadas en materia de desarrollo urbano, sistemas de transporte y digitalización de la gestión. La iniciativa fue respaldada por el secretario de Cooperación Internacional del estado brasileño de Santa Catarina, Giuliano Freiner, quien destacó la importancia de involucrar a los centros regionales, donde los parlamentos locales interactúan directamente con la población y pueden proponer las soluciones más eficaces.

A pesar de las tendencias positivas, Moscú y Brasilia se enfrentan a los siguientes retos:

- falta de una base legal completa necesaria para la aplicación de las decisiones interparlamentarias;
- insuficiencia de iniciativas legislativas para estimular las inversiones bilaterales, lo que ralentiza el desarrollo de sectores clave;
- restricciones sancionadoras, logísticas y comerciales que requieren una solución conjunta;

¹ Se celebró en San Petersburgo el X Foro Parlamentario del BRICS // Izvestia. 2024. URL: <https://iz.ru/1727609/2024-07-15/v-sankt-peterburge-sostoiasia-x-parlamentskii-forum-briks>

² Diálogo político // Embajada de la Federación de Rusia en la República Federativa de Brasil. URL: https://brazil.mid.ru/ru/countries/politicheskiy_dialog/

— necesidad de crear un mecanismo coordinado de interacción entre los parlamentos a nivel estatal y municipal.

La iniciativa de Alexéi Shaposhnikov de crear una plataforma internacional de parlamentos capitales BRICS+ representa un paso concreto para superar estos obstáculos¹. En agosto de 2025, la Cámara Legislativa del Distrito Federal de Brasilia confirmó su disposición a unirse al Movimiento Parlamentario de las Capitales de los Países BRICS y participó en Foro Municipal Internacional BRICS En San Petersburgo en octubre de 2025.

Así pues, la larga trayectoria de la asociación bilateral entre Rusia y Brasil confirma que las dificultades que surgen sirven de estímulo para el desarrollo². Ambos países disponen de un potencial considerable para ampliar el diálogo interparlamentario, lo que contribuirá a fortalecer el conjunto de las relaciones, promover el bienestar de los ciudadanos y el desarrollo sostenible a escala mundial. La creación de mecanismos formalizados de cooperación permitirá pasar de iniciativas esporádicas a una asociación sistemática en las áreas estratégicas señaladas.

Referencias bibliográficas:

1. Yakovlev, P. P. Rusia y Brasil en el paradigma de la asociación estratégica // Perspectivas. Revista electrónica. 2022. N. 4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-braziliya-v-paradigme-strategicheskogo-partnerstva/viewer>

2. La presidenta del Senado Federal valoró muy positivamente el nivel de cooperación interparlamentaria entre Rusia y Brasil // Periódico parlamentario. URL: <https://www.pnp.ru/russia-today/spiker-sf-vysoko-ocenila-uroven-mezhparlamentskogo-vzaimodeystviya-rossii-i-brazilii.html>

3. Entrevista al embajador de Rusia en Brasil, A. K. Labetsky, 2024 // Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia URL: <https://mid.ru/ru/maps/br/1976354/>

4. El embajador en la Federación de Rusia informó de que Brasil espera un aumento de las inversiones procedentes de Rusia // TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21019877>

¹ El presidente de la Duma de Moscú presentó una iniciativa para crear una plataforma internacional para el desarrollo del diálogo a nivel de los parlamentos capitales de los países BRICS+. URL: <https://duma.mos.ru/ru/34/news/novosti/predsdatel-mosgordumyi-vyistu-pil-s-initsiativoy-o-sozdanii-mejdunarodnoy-platformyi-dlya-razvitiya-dialoga-na-urovne-stolichnyih-parlamentov-stran-briks>

² Lavrov, S. V. «Rusia y Brasil: una amistad probada por el tiempo. Con motivo del 195. aniversario del establecimiento de relaciones diplomáticas», 2023, RSMD. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-braziliya-druzhba-proverennaya-vremenem-k-195-letiyu-ustanovleniya-diplomaticheskikh-otnosh/>

5. La cooperación interparlamentaria entre Rusia y Brasil contribuye al fortalecimiento de todo el complejo de relaciones bilaterales – V. Matvienko // Consejo de la Federación de la Asamblea Federal de la Federación de Rusia. URL: <http://council.gov.ru/events/news/56271/>

6. Entrevista al embajador de Rusia en Brasil, A.K. Labetsky, 2024 // Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia. URL: <https://mid.ru/ru/maps/br/1976354/>

7. Se celebró en San Petersburgo el X Foro Parlamentario del BRICS // Izvestia. 2024. URL: <https://iz.ru/1727609/2024-07-15/v-sankt-peterburge-sostoialsia-x-parlamentskii-forum-briks>

8. Diálogo político // Embajada de la Federación de Rusia en la República Federativa de Brasil. URL: https://brazil.mid.ru/ru/countries/politiches-kiy_dialog/

9. El presidente de la Duma de Moscú presentó una iniciativa para crear una plataforma internacional para el desarrollo del diálogo a nivel de los parlamentos capitales de los países BRICS+. URL: <https://duma.mos.ru/ru/34/news/novosti/predsedatel-mosgordumyi-vyistupil-s-initsiativoy-o-sozdanii-mejdunarodnoy-platformyi-dlya-razvitiya-dialoga-na-urovne-stolichnyih-parlamentov-stran-briks>

10. Lavrov, S. V. «Rusia y Brasil: una amistad probada por el tiempo. Con motivo del 195. aniversario del establecimiento de relaciones diplomáticas», 2023, RSMD. URL: [установления дипломатических отношений» 2023 г. РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ros-siya-i-braziliya-druzhba-proverennaya-vremenem-k-195-letiyu-ustanovleniya-diplomaticheskikh-otnosh/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ros-siya-i-braziliya-druzhba-proverennaya-vremenem-k-195-letiyu-ustanovleniya-diplomaticheskikh-otnosh/)

УДК 327

Иванова А.В.

МГУ им. М. В. Ломоносова

Факультет мировой политики

Науч. рук.: к.ф.н. Литягина Е.А.

BENEFICIOS ECONÓMICOS DE LA PRESENCIA DE ROSATOM EN AMÉRICA LATINA

La Corporación Estatal de Energía Atómica "Rosatom" es una organización rusa que reúne a cientos de empresas en el sector de la energía atómica, la ingeniería mecánica, la construcción y otras áreas. Es responsable del desarrollo de tecnologías nucleares en el país y en el extranjero. Rosatom produce aproximadamente el 20% de toda la electricidad de Rusia y ocupa el primer lugar en el mundo en cantidad de proyectos internacionales de construcción de plantas

nucleares – en diversos países se construyen o se proyectan 41 unidades de potencia. La empresa trabaja con más de 50 países. Es la única organización en el mundo que controla todo el ciclo del combustible nuclear – desde la extracción de uranio hasta la desmantelación de instalaciones atómicas. Además de la industria nuclear, Rosatom desarrolla la energía eólica, produce productos no nucleares innovadores, participa en programas ambientales y en el desarrollo de la Ruta Marítima del Norte.

La actividad internacional de Rosatom está orientada a crear condiciones favorables en el ámbito legal internacional y político para el desarrollo adicional de las tecnologías nucleares rusas en el mercado mundial, fortalecer los regímenes de seguridad nuclear y no proliferación nuclear, así como trabajar activamente en organizaciones y foros internacionales.

El sector energético de América Latina actualmente se desarrolla de manera muy rápida y contradictoria: por un lado, la región es considerada una de las más "verdes" del mundo en términos de estructura de generación de electricidad, ya que una parte significativa de la producción proviene de la hidroelectricidad y del sector creciente de energías renovables (solar, eólica, bioenergía). Por otro lado, el balance energético general de los países sigue basándose en gran medida en combustibles fósiles – petróleo, gas y carbón, especialmente en el transporte, la industria y en parte de la generación térmica – y la demanda de energía crece debido a la urbanización, el crecimiento demográfico, la climatización de edificios y las necesidades de la economía digital.

Muchos países enfrentan varios problemas estructurales: la fuerte dependencia de la hidroelectricidad hace que los sistemas energéticos sean vulnerables a sequías y fluctuaciones climáticas; la rápida instalación de capacidades solares y eólicas supera la modernización de las redes y el desarrollo de sistemas de almacenamiento; y la brecha de inversión obstaculiza la construcción oportuna de nueva generación confiable y de infraestructura. Según estimaciones de organizaciones internacionales, para alcanzar los objetivos declarados de descarbonización y satisfacer la demanda creciente, la región necesita cientos de miles de millones de dólares en inversiones en electricidad hasta 2030–2040, incluyendo no solo energías renovables, sino también redes, capacidades de respaldo y tecnologías de generación base de bajo carbono.

En este contexto, la presencia de Rosatom en América Latina se explica por varias razones que son importantes tanto para los países de la región como para Rusia. Primero, los países latinoamericanos buscan diversificar sus fuentes de energía y reducir la dependencia de la hidroelectricidad variable y del combustible importado. Al mismo tiempo, continúan con el curso hacia la reducción de emisiones y el desarrollo sostenible. En este contexto, las tecnologías nucleares se consideran como una fuente confiable de capacidad base con bajos niveles de emisiones. No reemplazan la energía solar y eólica, sino que las complementan, proporcionando estabilidad al sistema energético y reduciendo el riesgo de apagones en condiciones climáticas extremas.

Segundo, muchos países de la región están interesados no solo en la construcción de grandes plantas nucleares, sino también en otros tipos de proyectos nucleares. Entre ellos se encuentran reactores de investigación, centros nucleares multifuncionales (por ejemplo, en Bolivia), instalaciones para irradiación de productos agrícolas y materiales industriales, centros de medicina nuclear, así como la producción de radioisótopos para oncología y diagnóstico. Además, se están considerando reactores modulares pequeños, apropiados para zonas remotas. Estas soluciones contribuyen al desarrollo de la salud, la seguridad alimentaria, la ciencia y la infraestructura energética local. Esto se alinea con los Objetivos de Desarrollo Sostenible de las Naciones Unidas y los planes estratégicos de crecimiento socioeconómico de los países de la región.

Tercero, el interés en los proyectos de Rosatom en América Latina está relacionado con el deseo de los países de la región de acelerar el desarrollo tecnológico, desarrollar la producción local y preparar recursos humanos calificados. La corporación rusa ofrece no solo equipos y combustible, sino un modelo integral de cooperación. Este modelo incluye contratos a largo plazo para el suministro de uranio enriquecido y servicios del ciclo del combustible nuclear (por ejemplo, para plantas nucleares en Brasil y México), programas educativos conjuntos y pasantías, creación de centros de investigación y educación, así como participación en foros regionales y hackatones de tecnologías nucleares.

Rosatom actualmente coopera con la mayoría de los grandes países de América Latina, especialmente de manera activa con Brasil, Bolivia, México, y también con varios estados de América Central y la región del Caribe. Las principales áreas son investigación y educación, medicina nuclear, producción y suministro de isótopos, creación de centros de irradiación para agricultura y medicina, así como suministro de uranio y servicios del ciclo del combustible nuclear. también Rosatom suministrará a Brasil productos de uranio durante 5 años para la planta nuclear "Angra", además de implementar proyectos en medicina nuclear, servicios de equipos y creación de centros de irradiación, frecuentemente con participación de inversores privados. En México, principalmente en la planta nuclear Laguna Verde en el estado de Veracruz. En América Central y la región del Caribe, Nicaragua ha firmado con Rosatom una "hoja de ruta" para tecnologías atómicas pacíficas, incluyendo medicina, agricultura y ciencia, y está discutiendo la creación de un centro nuclear multifuncional sin una gran planta nuclear de generación. En la República Dominicana, Cuba y Perú se están desarrollando proyectos de aplicaciones no energéticas – medicina nuclear, procesamiento por radiación de productos y esterilización de dispositivos médicos para medicina y el sector agrícola.

En conclusión, es necesario resumir que la cooperación de los países de América Latina con "Rosatom" proporciona ventajas económicas tales como el flujo de inversiones hacia infraestructura, la creación de empleos de alta tecnología, el desarrollo de ciencia propia y escuelas de ingeniería, la mejora de

la calidad de atención médica mediante isótopos y centros de medicina nuclear, el aumento de la competitividad del sector agrario a través de centros de irradiación y el crecimiento de la seguridad energética mediante capacidades confiables de bajo carbono. Tal asociación ofrece la oportunidad de reducir la dependencia de un número limitado de proveedores occidentales, obtener acceso a nuevas tecnologías y fuentes de financiamiento, así como desarrollar la propia ciencia e industria en el ámbito de las tecnologías de punta.

Para Rusia y "Rosatom", tales proyectos son ventajosos porque garantizan la exportación a largo plazo de tecnologías, combustible y servicios de mantenimiento, amplían la presencia en mercados del "Sur global", y la región es importante como plataforma para fortalecer la presencia política y económica en el contexto de la transformación energética global y la creciente competencia entre las potencias líderes. De esta manera, la actividad de Rosatom en la región se explica lógicamente por las necesidades de los países de América Latina en energía confiable de bajo carbono, desarrollo de ciencia, medicina e industria, así como por la estrategia de Rusia de cooperación con mercados en desarrollo.

Referencias bibliográficas:

1. State Atomic Energy Corporation Rosatom. Rosatom Public Report 2023 / State Atomic Energy Corporation Rosatom. – M.: Rosatom, 2024. – 200 c. https://www.report.rosatom.ru/go_eng/go_rosatom_eng_2023/rosatom_2023_eng.pdf.

2. Rosenergoatom Concern JSC. A share of nuclear power in the energy mix of Russia exceeded 20% / Rosenergoatom Concern JSC. – M.: Rosenergoatom, 2021. – 15 c. <https://rosatom-energy.ru/en/media/rosatom-news/rosenergoatom-a-share-of-nuclear-power-in-the-energy-mix-of-russia-exceeded-20>.

DNV. Latin America: Energy Transition Outlook 2025 / DNV. – Oslo: DNV, 2024. – 120 p. <https://www.dnv.com/energy-transition-outlook/2025/latin-america/>.

3. Zero Carbon Analytics. Latin American successes in the energy transition / Zero Carbon Analytics. – London: Zero Carbon Analytics, 2025. – 35 p. https://zerocarbon-analytics.org/wp-content/uploads/2025/06/23-10_Latin-American-Successes-in-the-energy-transition_zca.pdf.

4. Opening New Horizons for Cooperation / I. Dybov // Rosatom Newsletter. – M.: State Atomic Energy Corporation Rosatom, 2023. – P. 10–15. <https://rosatomnewsletter.com/2023/03/02/opening-new-horizons-for-cooperation/>.

5. Atom for Latin America // Rosatom Newsletter. – M.: State Atomic Energy Corporation Rosatom, 2021. – P. 20–25. <https://rosatomnewsletter.com/2021/03/25/atom-for-latin-america/>.

6. Renewable Energy Investment in Latin America // Biz Latin Hub. – Bogota: Biz Latin Hub Group, 2025. – P. 1–8. <https://www.bizlatinhub.com/renewable-energy-investment-in-latin-america/>.

**MOSCÚ Y MANAGUA:
PERSPECTIVAS DE COOPERACIÓN INTERPARLAMENTARIA
A NIVEL ECONÓMICO, HUMANITARIO Y CULTURAL**

La cooperación con la República de Nicaragua es una prioridad para nuestro país en el contexto de la política mundial, los intereses económicos y la planificación estratégica. En diciembre de 2024 se cumplieron 80 años del establecimiento de las relaciones diplomáticas ruso-nicaragüenses. Los lazos históricos bilaterales sientan las bases para una interacción más profunda en la actualidad.

Nicaragua aboga por la formación de un orden mundial multipolar, la resolución de los problemas globales y regionales sobre la base del imperio del derecho internacional, y es partidaria de la cooperación en la lucha contra los nuevos desafíos y amenazas¹. La diplomacia municipal de Moscú y Managua, como instrumento importante de las relaciones bilaterales, promueve el desarrollo de proyectos de colaboración y actividades conjuntas prioritarias en el ámbito del patrimonio cultural y la ciencia, lo que fortalece los lazos de amistad. Asimismo se creó el cargo de representante especial del Presidente de Nicaragua para el desarrollo de las relaciones con Rusia, el puesto que ocupa Laureano Ortega Murillo. En este contexto, la cooperación interparlamentaria entre las capitales representa un aspecto clave al que se debe prestar atención en los tiempos actuales.

La diplomacia municipal es el motor de la democratización, la inclusión de amplias masas de ciudadanos, asociaciones y organizaciones en el proceso político y el diálogo internacional. El Memorando de Cooperación entre la Alcaldía de Moscú y la Alcaldía de Managua, firmado en 2022, permite el desarrollo de proyectos conjuntos en los ámbitos de la sanidad, el transporte y la economía². El objetivo principal de esta interacción es crear condiciones favorables para las empresas y la población de ambas capitales. La cooperación económica entre Rusia y Nicaragua ofrece grandes perspectivas para ambos países. Nicaragua cuenta con importantes recursos naturales, lo que crea oportunidades de inversión.

¹ Relaciones Interestatales // Embajada de Rusia en Nicaragua URL: <https://mid.ru/ru/maps/ni/>

² Moscú y Managua firmaron un memorando de cooperación // Portal oficial del Alcalde y el Gobierno de Moscú. – URL: <https://www.mos.ru/news/item/117497073/>

Los aspectos humanitarios de las relaciones ruso-nicaragüenses desempeñan un papel significativo. Un componente importante es la contribución de Rusia a la evolución del sector médico de Nicaragua. El Instituto Latinoamericano de Biotecnología Méchnikov funciona desde el año 2017. Es la única empresa de Centroamérica que realiza la formulación y envasado de medicamentos¹. El centro de fabricación se encuentra en Managua. Las modernas instalaciones, dedicadas a crear y producir vacunas y otros productos biológicos, llevan a cabo actividades de investigación y venta de productos farmacéuticos. La promoción de la vacunación como la medida más eficaz para combatir y prevenir las enfermedades víricas protege a las poblaciones y mejora la calidad de vida. En las condiciones de la pandemia de COVID-19 Rusia actuó como el mayor proveedor de vacunas, lo que atestigua el carácter estratégico de las relaciones bilaterales².

En 2024, en el Foro Económico Internacional de San Petersburgo, se emitió una declaración sobre la intención del Gobierno de Nicaragua, junto con Rosatom, de iniciar la construcción de un centro de medicina nuclear en Managua. Aunque su puesta en marcha tardará unos tres años, la instalación será innovadora y de gran utilidad para la población local. El intercambio de experiencias en materia sanitaria y científica permitirá a la capital nicaragüense mejorar el nivel de los servicios médicos y aumentar la disponibilidad de las tecnologías modernas.

En el marco del Memorando bilateral sobre el fomento de la cooperación cultural entre Nicaragua y Rusia, se estrechan los lazos entre instituciones educativas, museos y bibliotecas. En 2022, una delegación de Managua visitó el Museo de la Ciudad de Moscú, el Centro Espacial y de Aviación de la VDNKh y el Centro de Gestión del Tráfico para estudiar la experiencia de la capital. Las ciudades están ampliando activamente programas de intercambio cultural que promueven diálogo entre nuestros países. Por ejemplo, se han organizado exposiciones, conciertos y proyecciones de documentales dedicados a acontecimientos históricos comunes³. En 2023, la Universidad Nacional Autónoma de Nicaragua acogió la proyección de un documental sobre la batalla de Stalingrado, lo que sin duda contribuye a aumentar el interés por la cultura rusa. Moscú organizó las semanas de la cultura nicaragüense en la Biblioteca Estatal Rusa de Literatura Extranjera Rudómino. También se están discutiendo prometedoras áreas de cooperación interuniversitaria, así como la posibilidad de que Nicaragua participe en programas de becas.

¹ Información general sobre el Instituto // Instituto Latinoamericano de Biotecnología MECHNIKOV URL: <https://mechnikov.com/es/about>

² Sobre el suministro de vacunas rusas contra la COVID-19 a Nicaragua // Ministerio de Relaciones Exteriores de la Federación de Rusia – 27 de octubre de 2021 – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ni/1784508/>

³ Nicaragua y Rusia acuerdan desarrollar la cooperación cultural // Embajada de Rusia en Nicaragua, El Salvador y Honduras. Boletín Informativo. – 31.03.2023. – №11. – C. 2.

En conclusión, el fortalecimiento de los lazos entre Rusia y Nicaragua a través de la cooperación económica, cultural y científica refleja una estrategia de diplomacia multidimensional. En los últimos años, ambos países han intensificado su interacción, consolidando una asociación basada en intereses comunes y respeto mutuo. Partiendo del contexto histórico y desarrollando los lazos bilaterales, Rusia y Nicaragua pueden afrontar con éxito los desafíos modernos. Es importante seguir reforzando las relaciones amistosas y mantener una cooperación multifacética, que servirá como un paso importante hacia el establecimiento de una asociación estable y mutuamente beneficiosa.

Referencias bibliográficas:

1. Información general sobre el Instituto // Instituto Latinoamericano de Biotecnología MECHNIKOV [Электронный ресурс]. – URL: <https://mechnikov.com/es/about> (дата обращения: 07.12.2025).
2. Nicaragua y Rusia acuerdan desarrollar la cooperación cultural // Embajada de Rusia en Nicaragua, El Salvador y Honduras. Boletín Informativo. – 31.03.2023. – №11. – С. 2.
3. Relaciones Interestatales // Embajada de Rusia en Nicaragua [Электронный ресурс]. – URL: <https://mid.ru/ru/maps/ni/> (дата обращения: 07.12.2025).
4. Sobre el suministro de vacunas rusas contra la COVID-19 a Nicaragua // Ministerio de Relaciones Exteriores de la Federación de Rusia [Электронный ресурс]. – 27.10.2021. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ni/1784508/>
5. Moscú y Managua firmaron un memorando de cooperación [Электронный ресурс] // Portal oficial del Alcalde y el Gobierno de Moscú. – URL: <https://www.mos.ru/news/item/117497073/> (дата обращения: 07.12.2025).

УДК 327

Kirillovskaja Iaroslava D.
Universidad Estatal de San Petersburgo
Estudiante de Maestría
Facultad de Relaciones Internacionales
Departamento de Investigaciones Americanas

SUMINISTRO DE MAQUINARIA AGRÍCOLA RUSA ESPECIALIZADA PARA VITICULTURA Y FRUTICULTURA DE CHILE

Chile, como líder mundial en la exportación de frutas y vino, presenta una demanda estructurada y creciente de maquinaria agrícola especializada. Esta demanda se centra en equipos para el trabajo en cultivos intensivos y de alto valor, tales como tractores de perfil estrecho para labores entre hileras,

pulverizadores de precisión, cultivadores, trituradoras de residuos vegetales y plataformas de cosecha mecanizada. Los fabricantes rusos, con experiencia histórica en el desarrollo de equipos robustos y adaptados a condiciones agroclimáticas diversas, poseen un potencial significativo para consolidar y expandir su presencia en este mercado estratégico. Por consiguiente, el análisis de las capacidades y perspectivas de suministro de equipamiento especializado ruso responde a una doble necesidad: atender los requerimientos de modernización del sector agrícola chileno y diversificar las exportaciones de bienes de capital de la industria rusa.

La relevancia de los suministros de maquinaria agrícola rusa especializada a Chile está determinada por la excepcional diversidad climática y topográfica del país, la cual exige un enfoque técnico diferenciado. Actualmente, la base de los suministros la constituyen tractores universales de las marcas “Bielorrusia” y “Rosselmash”, los cuales han demostrado una notable adaptabilidad a condiciones variables. No obstante, la dirección de mayor proyección es la ampliación de la oferta de tecnología altamente especializada para la viticultura y la fruticultura de exportación, incluyendo tractores estrechos para labores interhilares, pulverizadores especializados, cultivadores y trituradoras. La adaptación climática adquiere especial importancia: para las regiones áridas (ej. Región de Coquimbo) existe demanda de arados de cincel para el aflojamiento profundo del suelo; para zonas frías, equipos con estructuras reforzadas; y para áreas húmedas, modelos con materiales de alta resistencia a la corrosión. La diversificación estratégica de los suministros, considerando estas particularidades, representa un interés mutuo y puede fortalecer la posición competitiva de los productores rusos.

La demanda de maquinaria agrícola especializada en Chile está intrínsecamente vinculada a la estructura de sus cultivos de exportación clave. Según estadísticas aduaneras, las uvas (14,5%), cerezas (13,8%) y vinos (12%) constituyen la base de las exportaciones, priorizando la mecanización de procesos. Es precisamente para estos cultivos, establecidos en viñedos y huertos intensivos, que se requiere maquinaria de perfil estrecho. Adicionalmente, la alta participación de cultivos como el aguacate (6,9%), manzanas (7,2%) y bayas (6,5%) genera una demanda adicional de equipos para la fruticultura del segmento premium. En consecuencia, la composición de la agroexportación chilena determina directamente los requisitos de especialización de la maquinaria a suministrar.

El análisis diacrónico de las exportaciones frutícolas chilenas revela una transformación significativa. Hacia 2004, se observaba un modelo diversificado tanto en productos como en destinos geográficos, impulsado por condiciones climáticas favorables, una activa política de acuerdos comerciales y una estrategia de contraestación. Este perfil diversificado generaba una demanda heterogénea de maquinaria. Para 2024, el modelo ha evolucionado hacia una

concentración en mercados clave de alto poder adquisitivo (Estados Unidos, China, UE) y una especialización en cultivos premium. Esta transformación, acompañada de una modernización tecnológica del sector, ha reconfigurado la demanda hacia maquinaria de alta precisión, orientada a la optimización de cadenas de valor específicas, abriendo oportunidades de nicho para proveedores capaces de ofrecer soluciones especializadas y competitivas.

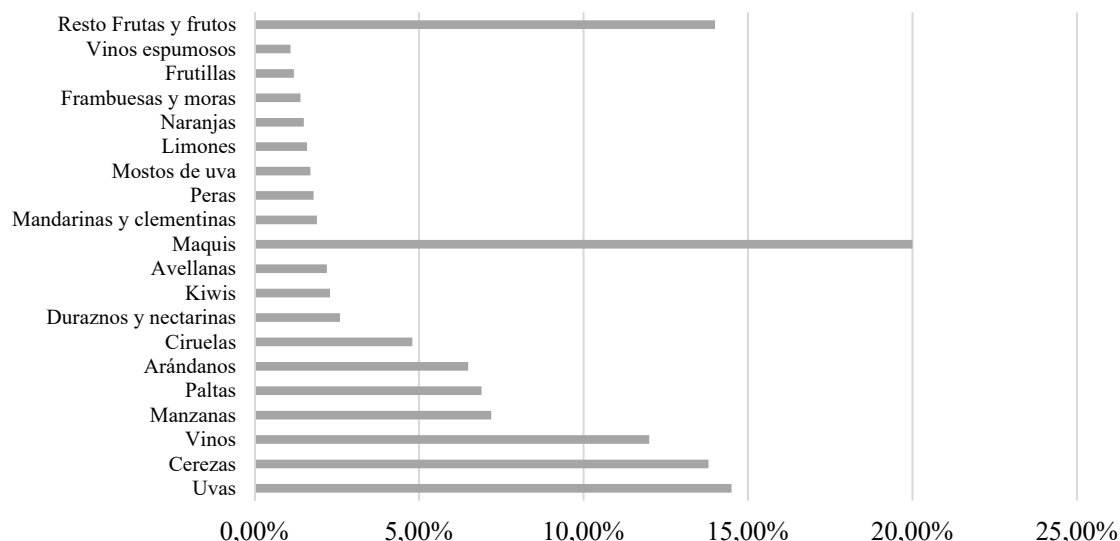

Figura. 1. Estructura estimada de las exportaciones de frutas y vinos de Chile (2024). Hecho por: Aduana nacional de Chile (<https://www.aduana.cl/productos-estadisticos-exportaciones/aduana/2024-05-28/113521.html>)

La oferta rusa actual en el mercado chileno se segmenta en dos categorías principales con desempeños y niveles de penetración claramente diferenciados. En el segmento de tractores universales, la marca “Bielorrusia” destaca como la más consolidada, con un volumen de suministro estimado de 150 a 250 unidades anuales, aprovechando su versatilidad, robustez y favorable relación costo-eficiencia, lo que la hace óptima para pequeñas y medianas explotaciones, aunque enfrenta una intensa competencia con marcas europeas más tecnificadas. Los tractores “Kirovets”, con un suministro notablemente inferior estimado entre 10 y 30 unidades al año, son unidades de alta potencia diseñadas para labores pesadas como el arado profundo en grandes explotaciones de llanura, pero su adaptabilidad limitada a terrenos complejos y sus elevados costos operativos restringen su mercado. Por otro lado, los tractores “Rosselmash 2400”, con una proyección de suministro de 150 a 300 unidades anuales, representan la gama moderna, caracterizada por una alta saturación energética y maniobrabilidad, lo que los hace particularmente efectivos en viticultura y fruticultura intensiva, aunque su principal barrera radica en la necesidad de una red de servicio técnico especializado que aún no se ha desarrollado plenamente.

Tabla 1

Tractores y maquinaria agrícola Rusa en Chile [2,5,7]

Tipo de Producto	Modelo / Marca	Cantidad de Suministros (unidades/año, aprox.)	Ventajas	Desventajas
Tractores Universales	Tractores “Kirovets”	~10 – 30	Alta potencia, ideal para labores pesadas como arado profundo en suelos compactos; Adecuados para grandes explotaciones en zonas llanas.	Alto costo de operación y mantenimiento; Poca adaptabilidad a terrenos con pendiente; Red de servicio limitada.
	Tractores “Bielorrusia”	~150 – 250	Marca masiva y conocida en Chile; Buena relación precio-calidad.	Menor potencia que otros modelos; Competencia fuerte con marcas europeas más modernas.
	Tractores “Rosselmash 2400”	~150 – 300	Modernos, energéticamente eficientes; Alta maniobrabilidad en viñedos y huertos; Se adaptan a accesorios especializados.	Precio elevado; Dependencia de red de servicio técnico especializado.
Tractores Especializados	Arados de cincel “Rostselmash”	~20 – 50	Ideales para labranza profunda en condiciones de sequía; Mejoran infiltración y aireación del suelo; Se pueden suministrar con tractores o como equipos independientes.	Producto de nicho, demanda limitada; Suministros unitarios y de carácter experimental.
	Cosechadora “Versátil”	~5 – 15	Plataforma multifuncional para cosecha de frutas y uvas; Reduce dependencia de mano de obra en grandes explotaciones.	Muy especializada, mercado reducido; Alto costo inicial\$ Competencia con tecnología europea.

Tipo de Producto	Modelo / Marca	Cantidad de Suministros (unidades/año, aprox.)	Ventajas	Desventajas
	Cultivadores “Agromash”	~150 – 200	Ligeros, ideales para labranza superficial y control de malezas en entrehilares; Reducen erosión del suelo; Adaptables a viñedos y huertos en pendientes moderadas.	Poca potencia para suelos muy compactos; Competencia con marcas locales y europeas.

En la categoría de maquinaria especializada y de labranza, los arados de cincel “Rosselmash” presentan un suministro estimado de 20 a 50 unidades anuales, siendo implementos de nicho demandados para labranza profunda en condiciones de sequía, donde mejoran la infiltración hídrica, pero su carácter experimental y la especificidad de su demanda limitan significativamente los volúmenes comerciales. La cosechadora “Versátil”, con apenas entre 5 y 15 unidades suministradas anualmente, es una plataforma multifuncional para la cosecha mecanizada de frutas y uvas que, si bien reduce la dependencia de mano de obra, su alto costo y especialización la convierten en un producto de mercado reducido. Finalmente, los cultivadores “Agromash”, con un suministro estimado de 150 a 200 unidades al año, son equipos ligeros diseñados para labranza superficial y control de malezas en entrehilares, ampliamente adaptados a viñedos, aunque su principal limitación es la fuerte competencia con equipos locales y europeos de similar funcionalidad.

La oportunidad estratégica para los fabricantes rusos de maquinaria agrícola en el mercado chileno se deriva de la transformación del sector agroexportador local hacia la concentración en mercados premium y cultivos de alto margen (como vino, bayas y frutales). Esta dinámica genera una demanda creciente de maquinaria especializada y de alta precisión. Sin embargo, la participación actual de los proveedores rusos sigue siendo marginal (entre el 0,2% y el 0,5% en 2024) y se concentra principalmente en tractores universales y repuestos.

La estrategia más viable para la penetración comercial no radica en la oferta de máquinas completas, sino en un enfoque modular: la comercialización de equipos especializados de acople (para labores entre hileras, labranza profunda, cosecha) compatibles con la base tractoriz ya extendida en Chile. La clave del éxito consistirá en ofrecer paquetes tecnológicos adaptados (soluciones de

proceso) para cultivos específicos, combinando competitividad en costos, adaptación a las condiciones agroclimáticas locales y el fortalecimiento de la red de servicio posventa. De este modo, la diversificación de las exportaciones rusas hacia soluciones tecnológicas segmentadas de equipos de acople representa la vía óptima para consolidar una posición sostenible y de mayor relevancia en el exigente mercado agrícola chileno.

Referencias bibliográficas:

1. Kirillovskaya, Ya. D. Inversión extranjera en las economías de los países sudamericanos / Ya. D. Kirillovskaya, O. E. Dolenina // Temas actuales en estudios regionales: Colección de artículos científicos. – San Petersburgo: Universidad Estatal de Economía de San Petersburgo, 2025. – Págs. 162-171. – EDN NYICXA.

2. Agregaduría Agrícola de la Embajada de la Federación de Rusia en la República de Chile [Sitio web oficial]. – URL: https://chile.mid.ru/es/embajada/agregaduria_agricola/ (fecha de consulta: 10.11.2025).

3. Federación de Productores de Fruta de Chile (FEDEFruta) – SmartCherry. Superficie plantada de cerezos en Chile [Infografía]. – URL: <https://smartcherry.cl/infografias/superficie-plantada-de-cerezos-en-chile/> (fecha de consulta: 10.11.2025).

4. Programa de Cooperación Científica entre la Unión Europea y Chile (CONICYT). Frutic Fruit BD [Base de datos, PDF]. – URL: https://www.conicyt.cl/documentos/dri/ue/Frutic_Fruit_BD.pdf (fecha de consulta: 10.11.2025).

5. ProChile. Récorde de exportaciones de frutas frescas se registraron en el primer semestre [Comunicado de prensa]. (2024, 17 de julio). – URL: <https://www.prochile.gob.cl/noticias/detalle-noticia/2024/07/17/r%C3%A9corde-de-exportaciones-de-frutas-frescas-se-registraron-en-el-primer-semestre> (fecha de consulta: 10.11.2025).

6. International Trade Centre (ITC). TradeMap – Estadísticas de comercio para el desarrollo internacional [Base de datos en línea]. – URL: https://www.trademap.org/Product_SelProductCountry_Graph.aspx?nvpm=3%7c152%7c%7c%7c%7c08%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c2 (fecha de consulta: 10.11.2025).

7. Servicio Nacional de Aduanas de Chile. Bases de Datos Dinámicas de Exportaciones [Base de datos en línea]. – URL: <https://www.aduana.cl/base-de-datos-dinamicas-de-exportaciones/aduana/2020-11-19/151830.html> (fecha de consulta: 10.11.2025).

Гришкова М.В.
Дипломатическая академия МИД Российской Федерации
Студент 1 курса магистратуры
Факультет «Международные отношения»
Кафедра дипломатии
Науч. рук.: к.ю.н. Гуляева Е.Е.

EL APOYO ESTATAL Y LA PROMOCIÓN DE LA LENGUA RUSA EN LOS PAÍSES DE AMÉRICA LATINA COMO UNA HERRAMIENTA DE LA DIPLOMACIA CULTURAL DE RUSIA

Actualmente, la situación del idioma ruso y de la educación en ruso en los países latinoamericanos es bastante estable y tiene un buen potencial de desarrollo. En casi todos los países latinoamericanos, el ruso se enseña en la educación superior y, en algunos casos, está disponible como lengua extranjera en las escuelas. Es crucial apoyar y desarrollar esta tendencia: dada la actitud generalmente favorable de los latinoamericanos hacia el idioma y la cultura rusos, motivar a los niños a elegir el ruso como idioma de estudio no será difícil. Una segunda tendencia notable es el rápido crecimiento del segmento de servicios educativos privados en el ámbito de la enseñanza del ruso (tanto profesores particulares como escuelas privadas). El segmento tiene potencial de desarrollo tanto para adultos como para niños.

Una característica importante es la creciente demanda de actividades educativas destinadas a preservar el idioma ruso entre los niños de familias bilingües. En general, América Latina experimenta actualmente una situación típica de los países de Europa Occidental a principios de la década de 2000: pequeños jardines de infancia, escuelas privadas y centros de educación complementaria para niños bilingües están surgiendo rápidamente. Si bien aún son pocos, ofrecen oportunidades de crecimiento y desarrollo. Es crucial apoyar con prontitud este ámbito de actividad para preservar y desarrollar el idioma ruso en la educación y orientarlo hacia una dirección favorable para la Federación Rusa. Los niños en estas escuelas estudian no solo ruso, sino también cultura rusa, fundamentos de la geografía rusa e historia rusa, fomentando una actitud positiva hacia su patria histórica.

Al mismo tiempo, es importante ampliar las oportunidades para el estudio de la lengua rusa por parte de los representantes de la población titular de los países latinoamericanos, tanto en las universidades como en diversos cursos y centros de lengua rusa.

De acuerdo con el «Concepto de apoyo estatal y promoción de la lengua rusa en el extranjero» de la Federación de Rusia de 2015¹, y el Concepto de

¹ Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50644> (дата обращения: 15.12.2025).

Política Exterior de la Federación de Rusia de 2023¹, existen varias áreas de trabajo de política exterior en este ámbito.

El objetivo más importante y generalizado es apoyar y promover el ruso como lengua de comunicación internacional en el extranjero. Las instituciones diplomáticas rusas en el extranjero realizan una labor importante en esta esfera. Por ejemplo, la Embajada de Rusia en Colombia organizó diversos eventos para promover la cooperación humanitaria. Estos incluyeron conferencias impartidas por representantes de la embajada sobre la cultura y la historia rusas, diversos concursos y concursos, y conferencias en la Universidad Nacional y la Universidad de los Llanos. Además, con el apoyo del Ministerio de Asuntos Exteriores de Rusia y Rossotrudnichestvo, se están celebrando semanas de la lengua y la cultura rusas en países de la región.

Promover la ciencia y la educación rusas en el extranjero también es una prioridad para la política exterior rusa. Según el Concepto, «Una de las formas prometedoras de promover la educación rusa es la creación de departamentos dentro de instituciones educativas extranjeras con licencia en el extranjero que impartan instrucción en ruso y de acuerdo con los estándares rusos de educación superior»². Por ejemplo, la diáspora de compatriotas rusos en la República Argentina es la más numerosa de América Latina. Según algunas estimaciones, hasta 300.000 descendientes de emigrantes del Imperio ruso, la URSS y la Federación Rusa viven en Argentina³. Un total de aproximadamente 2.500 personas hablan ruso. Otros aproximadamente 1.000 argentinos (en su mayoría hispanohablantes) estudiaban ruso al inicio del curso académico 2023/2024. Esto representa menos del 100% de la población total del país. El Centro Ruso para la Ciencia y la Cultura (RCSC) opera en Buenos Aires, con 150 estudiantes matriculados en cursos durante el curso académico 2022/2023. Sin duda, esta labor debería ampliarse. Un ejemplo de proyecto exitoso es la apertura de la primera escuela bilingüe ruso-brasileña en 2022 en el municipio de Belford Roxo, cerca de Río de Janeiro⁴. El proyecto cuenta con el apoyo del Departamento de Lenguas Orientales y Eslavas de la Universidad Federal de Río de Janeiro y la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos. Además, las Asociaciones de Exalumnos de Universidades Soviéticas y Rusas trabajan

¹ Concepto de la política exterior de la Federación de Rusia // Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia. URL: https://www.mid.ru/es/foreign_policy/official_documents/1860586/?ysclid=mjd6vw2dds394596907 (aceso: 15.12.2025).

² Concepto de la política exterior de la Federación de Rusia // Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia. URL: https://www.mid.ru/es/foreign_policy/official_documents/1860586/?ysclid=mjd6vw2dds394596907 (aceso: 15.12.2025).

³ Русские в Стране танго // Русский век. Портал для российских соотечественников. URL: <https://clck.ru/36HnAQ> (дата обращения: 01.11.2025).

⁴ Российско-бразильская школа начала работу в Рио-де-Жанейро // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13719685> (дата обращения: 07.11.2025).

активно для объединения старых студентов, побуждая их использовать русский язык в повседневной и профессиональной жизни. В Доминиканской Республике, на базе Университета Автономного Санто-Доминго, создан и функционирует центр изучения русского языка в рамках Межвузовского соглашения о сотрудничестве с РУДН¹.

Следующая сфера деятельности – оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом. Будучи погружены в систему ценностей, отличную от российской, соотечественники, проживающие за рубежом, продолжают оставаться не только носителями языка, культуры и традиций России, но и носителями языков, культур и традиций народов России. Российские ассоциации и общества – объединения иммигрантов русских и иностранцев, изучающих русский язык и заинтересованных в культуре нашей страны – играют важную роль в продвижении русского языка. Примером такой работы является Российская культурная ассоциация в Рио-де-Жанейро, возглавляемая русской эмигранткой Еленой Сербрыковой, и, конечно же, Дом России в Рио-де-Жанейро².

Использование возможностей средств массовой информации и современных технологий для формирования объективного представления о России на международной арене также является особенно важным. «В первую очередь, российские каналы телевидения и новые средства (социальные сети, мессенджеры, блоги) являются наиболее эффективными для продвижения культуры и русского языка за рубежом»³. Средства массовой информации являются эффективным инструментом для поддержания интереса к России и русскому языку. Канал телевидения «Russia Today» успешно работает в странах Латинской Америки и Карибского бассейна⁴. Программа радиостанции Pax Russika, созданной Центром исследований Русского Мира Университета Буэнос-Айрес, направлена на страны Латинской Америки и Карибского бассейна и выходит несколько раз в неделю на Радио Ребелде⁵.

В заключение, продвижение русского языка в странах Латинской Америки как инструмент культурной дипломатии России является важной и

¹ Должикова А. В., Массарова А. Р., Холина В. Н. Социально-экономическое развитие региона как фактор успешности политики «Мягкой силы» (на примере продвижения русского языка и образования на русском в Латинской Америке) // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-regiona-kak-faktor-uspeshnosti-politiki-myagkoy-sily-na-primere-prodvizheniya-russkogo-yazykai> (дата обращения: 19.12.2025).

² Русский дом в Бразилии // Россотрудничество. URL: <https://brazil-brazilia.rs.gov.ru/> (дата обращения: 14.12.2025).

³ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом // МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 14.12.2025).

⁴ RT en español // RT. URL: <https://actualidad.rt.com/> (aceso: 13.12.2025).

⁵ Программу о России запустили на аргентинском радио // «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/news/304918/> (дата обращения: 17.12.2025).

prometedora, si bien actualmente está poco desarrollada y presenta margen de mejora. A partir del estudio de la situación en los países latinoamericanos, se pueden formular recomendaciones generales que incluyen el desarrollo de cursos sobre métodos de enseñanza del ruso para padres de niños bilingües, la promoción de la expansión de la enseñanza del ruso como lengua extranjera en las universidades de la región, la facilitación de la apertura de escuelas privadas de ruso para adultos y niños, y la centralización y sistematización de los esfuerzos para apoyar y promover el idioma y la cultura rusos en América Latina.

УДК 398.2(7)

Krivosos A.A.
Universidad estatal de economía de San Petersburgo
Facultad de Humanidades
Departamento de economía regional y gestión ambiental
Directora científica: Melnikova A.V.

POPOL VUH: LA ANTIGUA EPOPEYA MAYA-QUICHÉ COMO UNA VENTANA AL MUNDO DE LA MITOLOGÍA Y LA CULTURA ESPIRITUAL DE MESOAMÉRICA

Popol Wuj (en idioma Quiché Popol Wuj es «Libro del Consejo" o "Libro del pueblo") es un libro épico de la cultura mesoamericana, monumento a la literatura indígena antigua. Contiene leyendas míticas e históricas, así como datos genealógicos sobre los nobles linajes Quiché de la civilización Maya del período Posclásico (actual Guatemala). El libro tiene una importancia extrema, siendo uno de los pocos textos mesoamericanos tempranos. El libro contiene mitos sobre la creación del mundo, así como historias mitológicas sobre los dos héroes gemelos Hunahpu y Xbalanque. La segunda parte del libro contiene información sobre la historia del estado Quiché y la justificación del origen divino de la familia real. Incluso ahora, los investigadores no pueden decir con absoluta certeza cuándo y por quién se escribió este monumento literario. Fue creado aproximadamente en el siglo XVI, presumiblemente en Santa Cruz Quiché. Y para la "base", el autor tomó numerosas historias de los últimos indios mayas-Quiché, cuya cultura casi se había extinguido en ese momento. Un siglo y medio después, la creación fue encontrada por el Fraile dominico Francisco Jiménez, quien conocía perfectamente el idioma Quiché y, en general, estaba muy interesado en el pasado. Como suele ocurrir, nadie ha prestado atención al legado literario de Quiché. No fue hasta muchos años después que el austriaco Karl Scherzer descubrió la traducción del monje en la Universidad de San Carlos de Guatemala. Y solo después de eso, los investigadores se interesaron seriamente en el manuscrito.

Pronto, el erudito francés Charles Etienne Brasseur de Bourbourg tradujo el documento histórico al francés. En 1861 publicó la traducción junto con el original. El francés llamó a su obra "Popol Vuh. El libro sagrado y los mitos de la antigüedad americana". Solo después de eso, el Patrimonio literario Maya-Quiché se conoció en todo el mundo. Cada investigador de América central y del sur consideró su deber sagrado hacer su propia traducción, y se basó en el trabajo de de Borbour. Pero, en general, todos resultaron ser un fracaso, ya que los traductores eran muy libres de tratar el original (después de todo, muchos puntos del libro eran simplemente incomprensibles para ellos). Solo tres investigadores pudieron traducir un manuscrito indio con un verdadero procesamiento científico: el francés J. Raynaud y el Guatemalteco A. Recinos. Y la mejor traducción, según los científicos, pertenece a Schulze-Pen. Solo después de eso, el Patrimonio literario Maya-Quiché se conoció en todo el mundo.

La mayor parte del "Popol Vuh" habla sobre el origen y los actos heroicos de los gemelos divinos Hun-Ahpu y Shbalanke. Su nacimiento fue inusual. Su padre y su hermano fueron a jugar a la pelota con los señores del Reino de los muertos de Xibalba, fueron asesinados allí. La cabeza de uno de ellos, Hun-Hun-Ahpu, fue colocada por los señores de Xibalba en un árbol al que llegó la niña Shik, hija del gobernante del inframundo. La cabeza escupió en su palma y quedó embarazada. Exiliada de Xibalba, Shik encontró refugio en la futura abuela de los gemelos. Cuando Hun-Ahpu y Shbalanke crecieron y se enteraron del destino de su padre y tío, fueron a vengarlos. Después de varias pruebas, derrotaron a los señores de Xibalba, los destruyeron y se convirtieron en el Sol y la Luna. Además de su hazaña principal, los gemelos hicieron muchas otras cosas maravillosas. Según uno de los mitos existentes de los mayas tardíos, los creadores del mundo fueron la diosa Tepevu y los dioses Kukumats y Hurakan. Crearon la tierra, las montañas, los valles, las plantas y los animales e intentaron cegar al hombre de arcilla, pero su creación se estaba desmoronando, no podía moverse y los dioses molestos lo destruyeron. Luego hicieron hombres de madera, pero los hombres de madera resultaron ser irreverentes y desobedientes, y los dioses causaron un diluvio que mató a casi todos los hombres y convirtió a los sobrevivientes en pequeños monos. En otra ocasión, los dioses hicieron cuatro hombres con maíz, pero resultaron ser demasiado inteligentes y perspicaces, lo que no les gustó a los dioses, y Hurakan inspiró niebla en sus ojos, después de lo cual muchas cosas en el mundo se volvieron secretas e incomprensibles para ellos. Durante su sueño, los dioses crearon cuatro mujeres que se convirtieron en esposas de los primeros humanos, los antepasados de los mayas tardíos. De los cuatro primeros hombres y sus esposas: Balam-Kitse y Kaha-Paluna, Balam-Aqaba y Bombo, Mahukutaha y Tsununiha, Iki-Balam y Kakishaha y fue el pueblo Quiché, que más tarde se unió con otros pueblos. El más allá de los mayas fue representado como Xibalba se traduce como "el lugar del miedo", así se llama el inframundo Maya. Según la leyenda, este es un Reino subterráneo, cuya entrada se encuentra en el área de la

actual Guatemala y Belice. Hay 12 dioses que gobiernan allí, los principales de ellos son Hun – Kame y vukub-Kame. Los otros diez gobernantes, una especie de "demonios", son responsables de diversos sufrimientos y causan enfermedades, hambre, dolor, miedo, miseria y muerte. los principales actores entre los dioses fueron Tepeu-la Creadora y la gran Madre, Kukumats-El Creador, El Gran Padre, El corazón del Cielo – Hurakan: Kakulha-Hurakan, Chipi-Kakulha, Rasha-Kakulha-estos tres son el Corazón único del Cielo, Ancianos del día, Ancianos del Amanecer, Spiyakok-El Antepasado, Hun-Ahpu-Vuch, Nim-Ak, Chirakan Shmukane- Antecesora, Hun-Ahpu-Utiu, Nimsiis, Antecesora del sol y del Amanecer. Otros personajes fueron los gemelos, las criaturas divinas y, sobre todo, el pueblo Quiché. El libro describe los principales rituales cosmogónicos de la tribu, a saber, los mayas ofrecían regalos, alimentos y sacrificios a los Dioses a cambio de sabiduría y favor, celebraban ceremonias en piedras sagradas y "asientos ancestrales", practicaban sangrar a los gobernantes, un símbolo de la renovación de la conexión con los dioses. Los rituales para dirigirse al sol, la Luna y los cuatro puntos cardinales eran importantes, y el juego de pelota descrito en el mito de los héroes gemelos era especialmente importante, tenía un carácter ritual y simbolizaba la lucha del día y la noche, la vida y la muerte, además los conflictos importantes a veces se resolvían a través del juego: la victoria se consideraba un signo de la voluntad de los dioses. Los autores también describieron los orígenes y las dinastías de los principales gobernantes: los Quichés se consideraban descendientes de antepasados legendarios que recibieron el poder de los dioses. Las principales familias aristocráticas de la tribu eran Nimcha'ok, también eran gobernantes supremos, Kawik, Nimakiche. La dinastía gobernante se derivó de los primeros reyes legendarios del pueblo Gukumatsu, K'iha'pokala, K'iche'winakael, cuyas hazañas se describen en el libro. La estructura de gobierno consistía en su gobernante Supremo, Ahpop, el segundo gobernante, Ahpop Kamha, que estaba a cargo de los asuntos militares y políticos, seguido por los jefes de los tres linajes principales, y el Consejo de linajes, que se ocupaba de los asuntos administrativos, diplomáticos y judiciales, seguido por sacerdotes notables, astrónomos, cronistas, así como líderes militares, que se ocupaban de la conquista y la defensa del estado. La parte histórica describe la transformación de Quiché de un pequeño grupo en uno de los Estados mayas más poderosos de las tierras altas. Las principales etapas descritas incluyen la unificación temprana de las tribus alrededor de los jefes principales, las campañas militares contra los pueblos vecinos de las tierras altas: tanto contra los grupos mayas (kakuchikel, K'ichep) como nemaya, la expansión del territorio a las áreas alrededor de la actual Quiché, Sololá, Chimaltenango, el control de las rutas comerciales de las tierras altas, así como la creación de una nueva capital, Kumarkaah (Utatlán), una ciudad fortificada y planificada.

El verdadero héroe del "Popol Wuj" no es el Panteón de dioses y héroes, sino el pueblo Quiché. El autor quería crear un " libro " sobre el glorioso pasado

de su pueblo. Por supuesto, entendió esta gloria de manera peculiar como guerras exitosas, captura de prisioneros y sometimiento de asentamientos de tribus hostiles, la costumbre de los sacrificios humanos que existía en los quichés. Destaca en todos los sentidos los aspectos positivos del carácter de los quichés: firmeza en las pruebas difíciles, coraje y coraje en las batallas, diligencia, fortaleza mental, afecto y obediencia hacia los padres, lealtad a los intereses de su pueblo. Y no por casualidad, por lo tanto, el autor cierra su historia sin llevarla a dos de los eventos más trágicos de la historia Quiché: las luchas internas que aprovecharon los kaqchikeles hostiles para debilitar a sus antiguos enemigos, y la conquista española.

Lista de fuentes utilizadas:

1. Popol Wuj (versión en quiché / español) [Electrónico recurso] // librebook.me: website / LibreBook – URL: https://1.librebook.me/popul_vuh/vol1/1 (date of request: 04.12.2025)
2. Popol Wuj – completo edición, traducción y comentarios [Electrónico recurso] // sacred-texts.com: website / Sacred Texts – URL: https://www.sacred-texts.com/nam/maya/popul_vuh.htm (date of request: 07.12.2025)
3. Historia y mitología: Popol Vuh y su contexto histórico [Electrónico recurso] // cervantesvirtual.com: website / Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes – URL: <https://www.cervantesvirtual.com/obra/novena-coleccion-popul-vuh--0/> (date of request: 09.12.2025)

УДК 911.3

Поддубская А.Д., Кухар Е.А.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Гуманитарный факультет
Группа МО-2301
Науч. рук.: Подоляк-Рунова Е.О.

DOS FACETAS, DOS EXTREMOS, – UN SÍMBOLO: LA PATAGONIA Y CHUKOTKA

Nuestro planeta alberga lugares donde el ser humano se enfrenta, de manera directa a la naturaleza en su estado mas primario y revelador. Son regiones con las condiciones climáticas extremas, con los entornos hostiles para la vida. En el extremo más meridional del continente sudamericano se encuentra La Patagonia. Estas tierras chileno-argentinas están bañadas por tres grandes oceanos: el Antártico, el Pacífico y el Atlántico. En la cara opuesta de nuestro planeta, en la

zona del Océano Glacial-Ártico, se encuentra Chukotka. La tundra ártica se extiende a lo largo de una vasta región en el noreste de Rusia.

La Patagonia y Chukotka son dos símbolos de la vida “en el fin del mundo”. Son lugares tan distantes que parecen marcar los límites del mundo habitado. Y al mismo tiempo poseen las características similares. Los une la variedad de paisajes, el clima severo y la increíble capacidad de sus habitantes sobrevivir en las condiciones extremas, en las zonas donde la naturaleza impone sus propias leyes. Chile y Argentina tienen frontera natural en la zona de Patagonia, aquí nace la cordillera de los Andes. Es una tierra de vientos eternos, glaciares y llanuras desérticas. En invierno soplan vientos glaciales, hay fuertes tormentas, y en los meses de verano corto, la temperatura no supera 15 °C grados.

La población de la Patagonia es reducida. Estas tierras están pobladas por los indígenas, por los descendientes del pueblo mapuche, por los colonos europeos. A todos ellos se los une el sentimiento de libertad y el profundo respeto por la tierra. Viven en armonía con la naturaleza, comprendiendo que no se puede vencerla, sino hacerse parte de ella. El ser humano no se siente “aparte” de la naturaleza sino “dentro” de ella. El verdadero objetivo del ser humano, lejos de consistir en dominar la naturaleza, reside en la búsqueda constante de un equilibrio respetuoso. La naturaleza patagónica y la ártica, aunque en polos opuestos del planeta, comparten características similares.

Chukotka ocupa el cono noreste de Rusia. Se encuentra tan solo a unos 5 kilómetros de Alaska. Aquí los inviernos son largos, con el promedio de temperaturas -40 °C grados bajo cero. En verano, la taiga, así llamamos el bosque siberiano, se cubre de verde. En Chukotka, estas cualidades se formaron bajo la influencia de los duros inviernos, la lejanía de los centros urbanos y las tradiciones de ayuda mutua. Los habitantes de estas tierras están acostumbrados a confiar unos en otros, y de ahí nace la hospitalidad y generosidad siberiana.

Tanto en la Patagonia como en Chukotka, la dureza extrema del entorno hace inviable el aislamiento. Por ello, los habitantes confían unos en otros. El apoyo mutuo se convierte en la base misma de la comunidad. Estas son tierras que, por su naturaleza, ponen a prueba al ser humano. El clima endurece la vida, pero precisamente por eso la vida como tal, se valora con una intensidad especial.

Los pueblos locales son los guardianes de su cultura y tradiciones. Son la corriente viva de un legado ancestral que, generación tras generación, se recibe y se transmite. En ambas regiones, la cultura está estrechamente vinculada con la naturaleza. Chukotka ha dado a Rusia una rica tradición oral: canciones sobre los ríos y la taiga, leyendas sobre “chamanes”, es decir, magos locales. Chukchi, evenkos, esquimales y chuvanes siguen viviendo en estas tierras, cada uno con su propia mitología y lengua. En la Patagonia se conservan huellas de antiguos pueblos: pinturas rupestres y viejas leyendas sobre los espíritus del viento y de las montañas. La música y las danzas de los habitantes locales están llenas de la soledad de las estepas y del sonido del océano.

A lo largo del tiempo, los habitantes de Chukotka y de la Patagonia han ido forjando y perfeccionando los rasgos de su carácter, heredados de sus antepasados. Este proceso ha dado lugar a una comunidad resistente, dotada de una capacidad única para adaptarse. La gente posee estas características como resultado directo de los accidentes geográficos y el clima severo de las regiones en cuestión.

Hoy en día, tanto la Patagonia como Chukotka han sido convertidas en centros del ecoturismo. Los habitantes locales buscan cualquier pormenor para desarrollar el ecoturismo preservando la naturaleza. Las pequeñas casas de huéspedes, el diseño étnico, las rutas de senderismo hacen conservar las tradiciones y al mismo tiempo ofrecen una fuente de ingresos.

Aunque están muy lejos una de la otra, la Patagonia y Chukotka tienen algo en común. La vida en estas tierras marcha a un ritmo propio, marcado por una tranquilidad esencial. Cada pequeña comodidad es atesorada por sus habitantes. El individuo depende mucho del clima y de la naturaleza. El silencio abismal, el viento y los grandes espacios abiertos hacen que uno piense más en la esencia de la vida. Para sus habitantes, estas tierras desérticas se transforman en un verdadero hogar donde la vida se aprende con dos virtudes fundamentales: el respeto y la paciencia.

Por mucho progreso que aparezca, la naturaleza sigue siendo la auténtica protagonista. Recompensa con belleza, pero castiga la indiferencia. Y quizá por eso la vida aquí se valore por su autenticidad.

En conclusión, queremos añadir, que Chukotka y la Patagonia se perciben como si fueran reflejos especulares de sus respectivos hemisferios. La primera se erige bajo el espectáculo de las auroras boreales como el límite último del mundo conocido. La otra, con sus glaciares milenarios, simboliza el confín continental. Son como dos gemelos geográficos, climáticos y culturales.

Mientras que, para algunos, estos paisajes solo representan las gélidas extensiones, para la gente local estas tierras representan su hogar tradicional y sus raíces familiares. Quizás representen la manifestación más hermosa de la naturaleza humana. El pensamiento nos hace reflexionar sobre la fragilidad del ser humano y sobre su fuerza espiritual. La fuerza que permite mantener la vida más allá de un simple término geográfico, trascendiéndolo hacia las fronteras de lo metafísico.

Referencias bibliográficas:

1. Павлова, А. И. Чукотка. Жизнь на берегу двух океанов // Статьи и репортажи Русского географического общества: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rgo.ru/activity/redaction/articles/chukotka-zhizn-na-bereg-dvukh-oceanov/> (дата обращения: 09.11.2025).

2. Трешников, А. Ф. География и природа Чукотки / А. Ф. Трешников. – Москва: Мысль, 1978. – 200 с.

3. Boccara, G. Colonización, resistencia y mestizaje en las Américas (siglos XVI-XX) / G. Boccara. – Quito : Ediciones Abya-Yala ; Lima : Instituto Francés de Estudios Andinos, 2002. – 355 p.

4. Giacosa, R. E. La Patagonia se formó en conjunto con el continente // Unidiversidad: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unidiversidad.com.ar/la-patagonia-se-formo-en-conjunto-con-el-continente> (дата обращения: 09.11.2025).

5. Sulyandziga, P. El mundo indígena 2007 / P. Sulyandziga. – Copenhague: Grupo Internacional de Trabajo sobre Asuntos Indígenas (IWGIA), 2007. – 564 p.

РАЗДЕЛ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКИ

УДК 372.8

Dr. Martín Lara

Mg. Carolina Aravena-Ortega

Mg. Jaime Zañartu

Dr. Francisco Ocaranza

Facultad de Ciencias Humanas, Universidad Bernardo O'Higgins

LAS PRÁCTICAS PEDAGÓGICAS NO CONVENIENTES EN LA FORMACIÓN INICIAL DOCENTE DE PROFESORES DE HISTORIA Y GEOGRAFÍA EN CHILE: EL CASO DE LA UNIVERSIDAD BERNARDO O'HIGGINS

1. Introducción

La formación de profesores y profesoras ha sido objeto permanente de debate en América Latina y Chile en particular, tanto por las expectativas que recaen sobre el rol docente como por los diagnósticos críticos sobre la calidad de la educación. En este escenario, las instituciones formadoras se ven interpeladas a revisar de manera constante sus propuestas curriculares, las metodologías que utilizan y los dispositivos de práctica que ofrecen a sus estudiantes.

La carrera de Pedagogía en Historia y Geografía en Enseñanza Media de la Universidad Bernardo O'Higgins fue creada en 2005 y, desde entonces, ha acumulado cerca de dos décadas de trayectoria y alrededor de 350 titulados. En ese periodo se han realizado cuatro innovaciones curriculares orientadas a actualizar el plan formativo y responder a nuevas demandas del sistema escolar y del campo laboral docente. Entre las decisiones más relevantes se encuentra el fortalecimiento de la línea de prácticas pedagógicas, otorgándole un lugar articulador entre la formación disciplinar y la formación pedagógica.

Durante años, sin embargo, las prácticas de la carrera se desarrollaron casi exclusivamente en establecimientos escolares que atienden a estudiantes de enseñanza básica y media, reproduciendo un modelo centrado en un único tipo de contexto educativo. Esta focalización, coherente con el destino laboral predominante del profesorado, se vio tensionada por transformaciones estructurales: reducción de horas de Historia en el currículo escolar, sobreoferta de profesionales de la especialidad y descenso en las postulaciones y matrículas en pedagogía. Informes recientes señalan una disminución cercana al 45% en las postulaciones y un descenso de alrededor de 14% en la matrícula de pedagogías en 2021, con un leve repunte posterior (CIAE, 2021; SIES, 2021).

En este contexto, la carrera se plantea la necesidad de diversificar los espacios de práctica, de modo de ampliar el horizonte profesional del futuro

profesorado y, a la vez, fortalecer competencias que no siempre se despliegan plenamente en el aula escolar. A partir de 2023 se decide incorporar museos y archivos como escenarios formativos, conceptualizados como prácticas pedagógicas no convencionales. Esta decisión se inscribe en una tendencia internacional que reconoce en los espacios patrimoniales y culturales un potencial educativo relevante para el desarrollo del pensamiento histórico y geográfico, la formación ciudadana y la construcción de memoria colectiva (Navas, 2023; Rodríguez, 2018; Barton & Levstik, 2004; Seixas & Morton, 2013). El artículo que aquí se presenta se sitúa en este giro hacia lo patrimonial como espacio de práctica. Se propone describir y analizar cómo los estudiantes de Pedagogía en Historia y Geografía perciben su desempeño en un plan piloto de prácticas no convencionales en museos y archivos, qué dificultades reconocen en el proceso y qué oportunidades de mejora identifican para futuras versiones. Se trata, por tanto, de un estudio centrado en la voz estudiantil como insumo para la toma de decisiones curriculares e institucionales.

2. Fundamentos teóricos

2.1. Formación inicial docente y campo laboral

La formación inicial docente en Chile ha experimentado transformaciones profundas en las últimas décadas, enmarcadas en reformas de política educativa, procesos de aseguramiento de la calidad y un conjunto de dispositivos de regulación y responsabilidad pública (Ávalos, 2011; OECD, 2017). El foco se ha desplazado desde un énfasis casi exclusivo en la transmisión de contenidos hacia la construcción de un perfil profesional que articule conocimientos disciplinarios, pedagógicos y ético-políticos, en diálogo con contextos sociales complejos.

En este proceso, la figura del futuro docente aparece simultáneamente como responsable de la calidad de los aprendizajes y como sujeto atravesado por condiciones estructurales que muchas veces no controla. Diversos estudios han señalado la heterogeneidad entre instituciones de educación superior que imparten pedagogía, así como las brechas en la preparación pedagógica y disciplinar de los egresados (Cox, 2005; Imbernón, 1994). Estas brechas, sumadas a la precarización del trabajo docente y a la pérdida de atractivo de la profesión, han contribuido a la disminución en el interés de estudiantes de enseñanza media por las carreras de pedagogía (CIAE, 2023).

Para el caso del profesorado de Historia y Geografía, la situación ha sido especialmente sensible. La reducción de horas del sector en el currículo, la competencia con otras asignaturas y los cambios en las prioridades del sistema escolar han generado un escenario de alta oferta profesional frente a una demanda menguante (Núñez, 2007). Esto ha tenido efectos directos en las trayectorias laborales de los egresados y en las expectativas de quienes se encuentran en formación inicial.

En respuesta, la política pública ha buscado regular la formación mediante estándares de la profesión docente y perfiles de egreso más claros (CPEIP, 2021).

No obstante, más allá de la normativa, subsiste el desafío de articular de manera efectiva los distintos componentes del currículo: cursos disciplinares, formación pedagógica, práctica progresiva y vinculación con el medio.

2.2. Prácticas pedagógicas como articulación teoría–práctica

Las prácticas pedagógicas ocupan un lugar estratégico en esa articulación. No son solo un espacio para “aplicar” lo aprendido, sino un dispositivo donde se ponen a prueba, en condiciones reales, los saberes, las habilidades y las disposiciones éticas del futuro profesorado. Allí se configura una parte importante de la identidad docente, mediante el encuentro con estudiantes, comunidades escolares y culturas institucionales específicas (Zeichner, 2010).

En la tradición chilena, la práctica ha estado fuertemente asociada al establecimiento escolar. Este enfoque tiene sentido, pero también limita la comprensión del oficio docente a un tipo de escenario particular, invisibilizando otros espacios en los que también se enseña y se aprende. Autores como Perrenoud (2004) han insistido en la importancia de que los practicantes enfrenten contextos diversos, donde deban readecuar sus estrategias, negociar significados y desplegar habilidades de observación, análisis y reflexión crítica. La ampliación de los contextos de práctica se vuelve especialmente relevante en el campo de las Ciencias Sociales, donde el territorio, la memoria, el patrimonio y las relaciones de poder forman parte constitutiva de los contenidos a enseñar. Abrir la práctica a otros espacios –como museos, archivos, sitios de memoria y centros culturales– permite que los estudiantes experimenten de manera directa cómo se construyen, administran y disputan los relatos sobre el pasado y el presente.

2.3. Prácticas no convencionales y patrimonio

En este trabajo se entiende por prácticas pedagógicas no convencionales aquellas experiencias formativas que se desarrollan en espacios distintos al aula escolar tradicional, pero que mantienen una estructura y un propósito claramente formativos. No se trata solo de “salidas pedagógicas” puntuales, sino de instancias de trabajo sistemático en instituciones patrimoniales y culturales, en las que el estudiantado asume roles específicos, articula saberes disciplinares y pedagógicos, y participa de equipos de trabajo ya instalados.

La literatura señala que este tipo de experiencias contribuye a potenciar competencias vinculadas al patrimonio cultural, en particular a la cultura material, entendida como el conjunto de objetos, soportes y artefactos que condensan significados históricos y sociales (Navas, 2023; Smith, 2006). Trabajar con documentos de archivo, piezas museográficas y colecciones patrimoniales permite al futuro profesorado comprender de manera más concreta cómo se producen, conservan y resignifican las huellas del pasado. En el caso chileno, los estudios sobre prácticas en museos y archivos dentro de la formación inicial docente son aún escasos, y suelen presentarse como iniciativas aisladas, sin una sistematización robusta ni una inserción curricular estable (Castaño,

2018; Valencia & Jaramillo, 2015). Esta falta de evidencia sistemática abre, paradójicamente, un campo de oportunidad para pensar las prácticas no convencionales como una innovación necesaria frente a un modelo centrado casi exclusivamente en la escuela. La carrera de Pedagogía en Historia y Geografía de la Universidad Bernardo O'Higgins decide, precisamente, avanzar en esa dirección: incorporar, de manera planificada, museos y archivos como escenarios de práctica, reconociendo su potencial para articular didáctica, memoria, patrimonio y formación ciudadana. El plan piloto implementado entre 2023 y 2024 constituye el caso que aquí se analiza.

3. Aspectos Metodológicos del estudio

El estudio que sustenta este artículo se enmarca en un enfoque cuantitativo, de carácter descriptivo y con lógica deductiva. El propósito central fue analizar la percepción de los estudiantes de la carrera de Pedagogía en Historia y Geografía en Enseñanza Media respecto de su desempeño en el plan piloto de prácticas no convencionales, considerando las dificultades enfrentadas, las oportunidades de mejora y la adquisición de saberes vinculados al patrimonio y la cultura material.

3.1. Objetivo general y objetivos específicos

Objetivo general:

- Analizar la percepción de los estudiantes sobre su desempeño en el plan piloto de prácticas no convencionales desarrollado en museos y archivos, entre 2023 y 2024, en la carrera de Pedagogía en Historia y Geografía en Enseñanza Media de la Universidad Bernardo O'Higgins.

Objetivos específicos:

1. Describir cómo valoran los estudiantes su propio desempeño en el contexto del plan piloto.
2. Identificar las principales dificultades que enfrentan durante la práctica en centros patrimoniales y de difusión cultural.
3. Explorar las oportunidades de mejora percibidas por los estudiantes, especialmente en lo relativo a la adquisición de saberes asociados al patrimonio, la conservación y la difusión de la cultura material.

3.2. Diseño, instrumento y variables

Se utilizó un diseño transversal tipo encuesta. El instrumento de recogida de información fue un cuestionario cerrado con escala Likert de cinco puntos (1 = Totalmente en desacuerdo; 2 = En desacuerdo; 3 = Ni de acuerdo ni en desacuerdo; 4 = De acuerdo; 5 = Totalmente de acuerdo) (Babbie, 2000).

El cuestionario incluyó 18 ítems, organizados en una variable dependiente y cinco variables independientes:

- **Variable dependiente:**

- Percepción global del estudiante sobre su desempeño en el plan piloto de prácticas no convencionales.

- **Variables independientes:**

- Valoración personal del propio desempeño (ítems P1, P2, P3).
- Dificultades enfrentadas durante la práctica (P4, P5, P6).
- Oportunidades de mejora identificadas (P7, P8, P9, P10, P11).
- Adquisición de saberes vinculados al patrimonio y la cultura material (P12, P13, P14, P15).
- Condiciones del centro patrimonial o de difusión cultural (P16, P17, P18).

El cuestionario fue revisado por pares académicos de la propia institución, en función de la pertinencia de los ítems, la claridad del lenguaje y la coherencia con los objetivos del estudio. Asimismo, la investigación cuenta con la aprobación del Comité de Ética Institucional de la Universidad Bernardo O'Higgins, resguardando los criterios de confidencialidad, consentimiento informado y resguardo de datos personales.

Los datos fueron levantados mediante la plataforma SurveyMonkey y analizados con estadística descriptiva (frecuencias, medias y desviaciones estándar), con el objetivo de identificar tendencias y patrones en las percepciones estudiantiles.

3.3. Universo, muestra y contexto de práctica

El universo del estudio está compuesto por 21 estudiantes regulares de la carrera de Pedagogía en Historia y Geografía en Enseñanza Media, matriculados al segundo semestre de 2024, que han realizado prácticas pedagógicas, ya sea en contextos escolares (convencionales) o en centros patrimoniales (no convencionales).

La muestra corresponde a los 11 estudiantes que efectivamente participaron en el plan piloto de prácticas no convencionales en museos y archivos, pertenecientes a las cohortes 2021 (5 estudiantes) y 2022 (6 estudiantes). Dado el tamaño reducido y homogéneo del grupo, se optó por un diseño censal, incorporando la totalidad de casos posibles.

Las prácticas se desarrollaron en dos instituciones principales: un museo histórico y un archivo nacional, ambos con infraestructura especializada (salas de exposición, depósitos, bóvedas, salas de trabajo y espacios para actividades educativas). En estos centros, las y los estudiantes participaron en tareas como: apoyo a visitas guiadas, diseño de materiales didácticos, organización de actividades de mediación cultural, revisión y clasificación de documentos, y colaboración en proyectos de difusión patrimonial.

4. Resultados

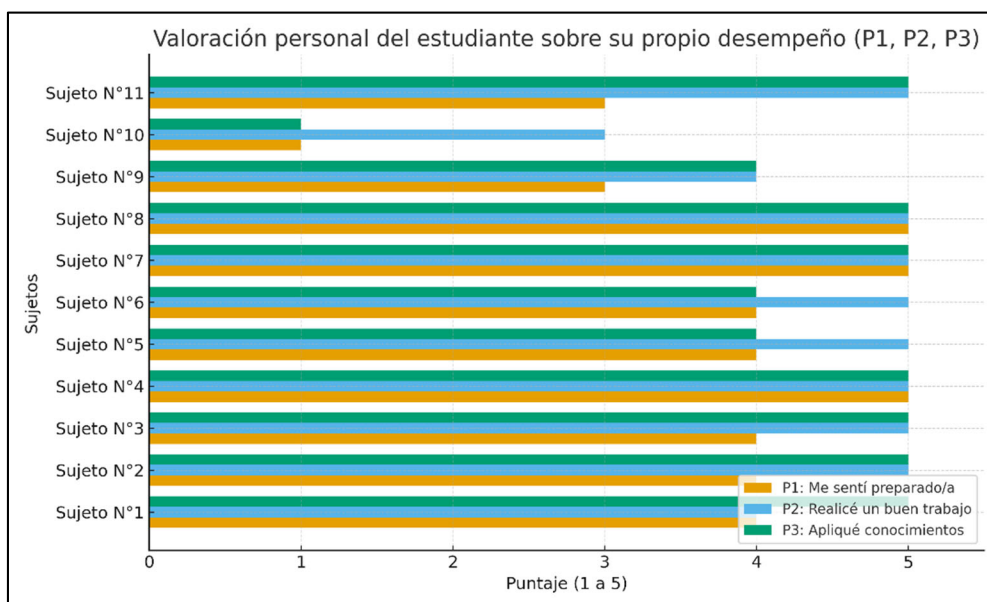
Los resultados se organizan en función de las cinco dimensiones incluidas en el cuestionario. En cada una de ellas se presentan las tendencias generales (medias y dispersión) y se discuten los principales hallazgos en términos interpretativos.

4.1. Valoración personal del desempeño

La primera dimensión se refiere a cómo los estudiantes valoran su propio desempeño en el plan piloto. Las medias de los ítems asociados a esta variable se

sitúan entre 4,3 y 5 puntos, con desviaciones estándar relativamente bajas (en torno a 1,7). Esto indica una tendencia general hacia la autoevaluación positiva: la mayoría se percibe capaz de asumir con responsabilidad las tareas encomendadas, de adaptarse al entorno del museo o archivo y de establecer vínculos colaborativos con los equipos profesionales.

Gráfico 1: Valoración personal del estudiante sobre su propio desempeño.

Fuente: Elaboración propia

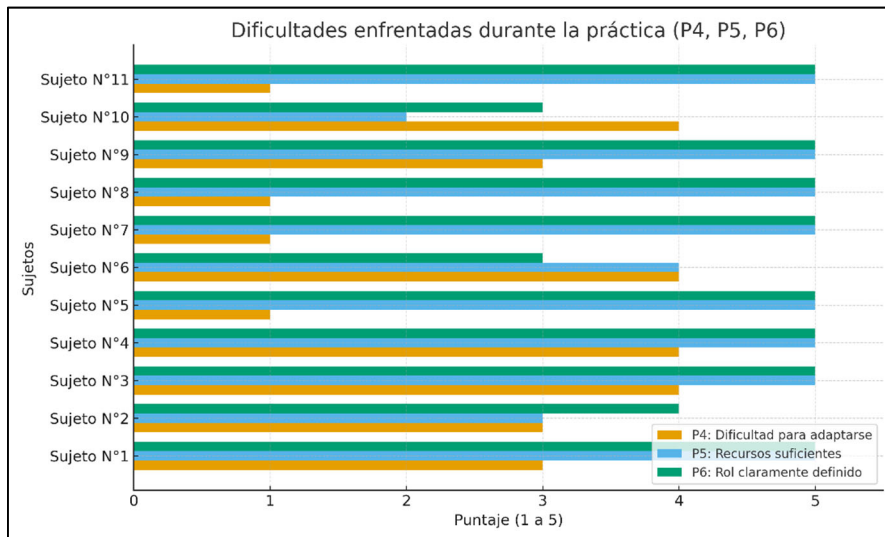
Aunque el patrón predominante es de alta valoración, aparecen algunos casos aislados con puntuaciones más moderadas, que sugieren inseguridades puntuales o experiencias menos satisfactorias. Estas diferencias internas abren la posibilidad de profundizar, mediante estrategias cualitativas futuras, en los factores que explican esa heterogeneidad (trayectorias previas, tipo de tareas asumidas, nivel de acompañamiento, etc.).

4.2. Dificultades enfrentadas en el desarrollo de la práctica

La segunda dimensión aborda las dificultades percibidas por los estudiantes durante la práctica en contextos patrimoniales. Las medias de los ítems de esta variable oscilan entre 3,3 y 4,6 puntos, sin registrar valores extremos muy bajos. Esto sugiere que, si bien existen obstáculos, estos no se perciben como insalvables ni como barreras que invaliden la experiencia.

Entre las dificultades más mencionadas se encuentran: la necesidad de familiarizarse con lógicas de trabajo distintas a las de la escuela, la comprensión de protocolos propios del resguardo documental o museográfico y la gestión del tiempo en contextos donde coexisten tareas de atención de público, trabajo de archivo y actividades educativas. Una parte de los estudiantes reconoce haber requerido más orientación inicial para situarse en la cultura organizacional de los centros patrimoniales.

Gráfico 2: Dificultades enfrentadas en el desarrollo de la práctica.

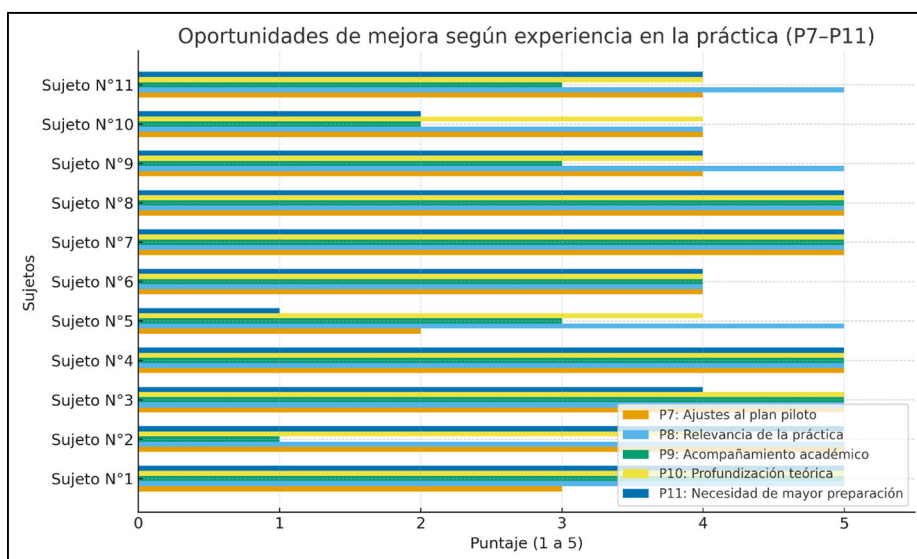
Fuente: Elaboración propia

En conjunto, estos resultados refuerzan la importancia de fortalecer la inducción al entorno de práctica, de modo que los estudiantes no solo conozcan sus funciones, sino también los criterios técnicos y éticos que regulan el trabajo en instituciones de memoria y patrimonio.

4.3. Oportunidades de mejora identificadas por los estudiantes

La tercera dimensión recoge las propuestas de mejora formuladas por los propios estudiantes. Las medias de esta variable se concentran mayoritariamente por sobre el valor 4, aunque algunos ítems se acercan a 3, lo que refleja tanto reconocimiento como crítica constructiva.

Gráfico 3: Oportunidades de mejora identificadas por los estudiantes.

Fuente: Elaboración propia

Entre las oportunidades de mejora destacan:

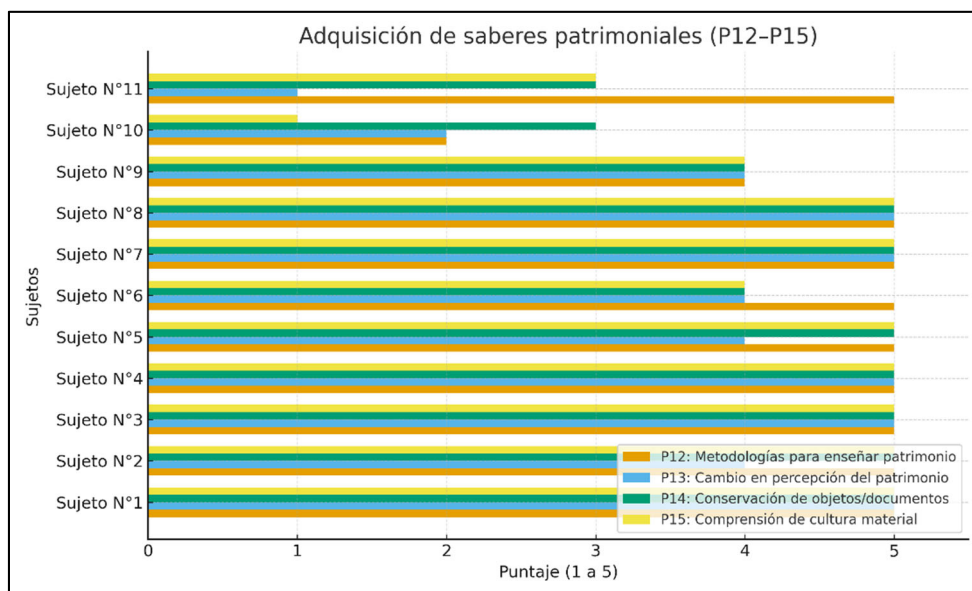
- Disponer de espacios formales de preparación previa, en los cursos de la línea de práctica, donde se aborden específicamente las particularidades del trabajo en museos y archivos.
- Asegurar una coordinación más fluida entre docentes de la carrera y profesionales de las instituciones receptoras, con objetivos y roles claramente definidos.
- Incrementar las instancias de retroalimentación sistemática durante la práctica (por ejemplo, reuniones periódicas de seguimiento, bitácoras de reflexión guiada).

En términos generales, los estudiantes valoran la experiencia, pero demandan un acompañamiento académico más intenso, que permita integrar de forma explícita lo vivido en el museo o archivo con los contenidos y debates desarrollados en las asignaturas de la carrera.

4.4. Adquisición de saberes vinculados al patrimonio y la cultura material

La cuarta dimensión se focaliza en la adquisición de saberes relacionados con el patrimonio y la cultura material. Es, probablemente, la dimensión con resultados más altos: las medias se sitúan entre 4,2 y 5 puntos, con una concentración muy marcada en las categorías superiores de la escala.

Gráfico 4: Adquisición de saberes vinculados al patrimonio y cultura material.

Fuente: Elaboración propia

Los estudiantes declaran haber ampliado su comprensión sobre la función social de museos y archivos, la relevancia de la conservación de documentos y objetos, y las posibilidades pedagógicas de trabajar con fuentes materiales en la

enseñanza de la Historia y la Geografía. Asimismo, señalan haber desarrollado habilidades para seleccionar, interpretar y mediar contenidos patrimoniales con potencial uso en contextos escolares.

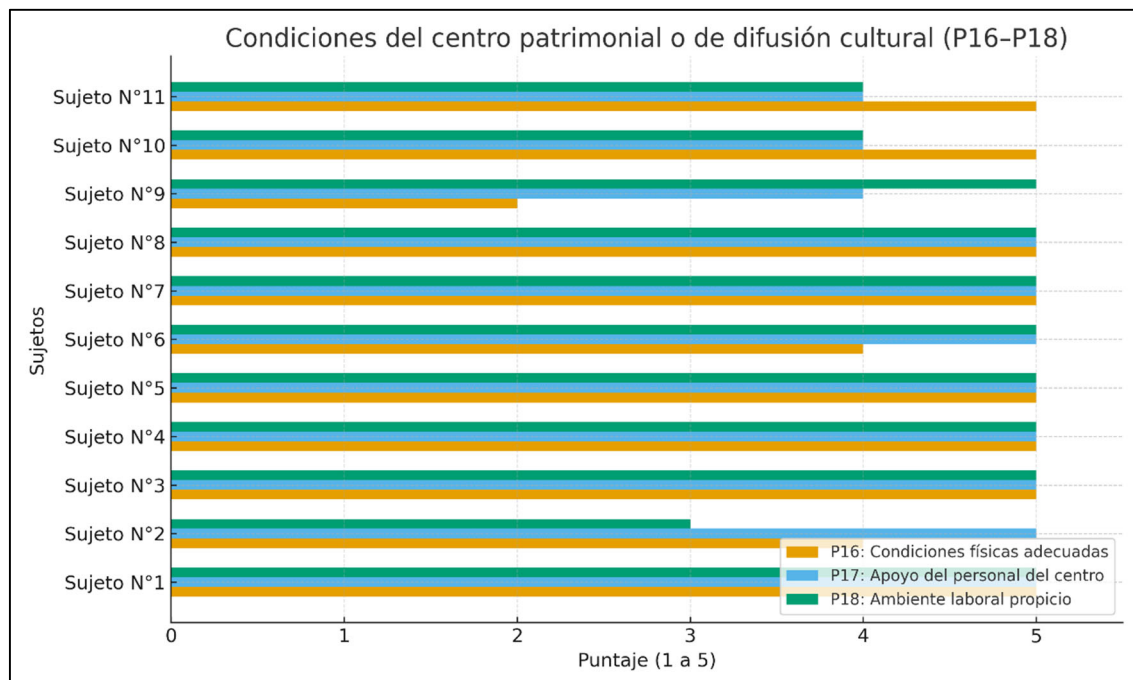
Estos resultados se vinculan con esfuerzos previos de la carrera por sensibilizar al estudiantado en torno al patrimonio, entre ellos, capacitaciones sobre resguardo documental y talleres conjuntos con otras universidades, orientados a pensar el patrimonio como recurso didáctico. El plan piloto de prácticas no convencionales aparece, en este sentido, como un paso adicional que permite trasladar esos aprendizajes a un contexto profesional real.

4.5. Condiciones del centro patrimonial

La quinta dimensión se refiere a las condiciones físicas y humanas de los centros patrimoniales que reciben a los estudiantes. Las medias de esta variable se ubican en los rangos más altos de la escala, con muy baja dispersión, lo que evidencia una apreciación casi unánime positiva.

Los participantes destacan la calidad de los espacios (salas de exposición, depósitos, laboratorios, salas de clases y reuniones), la disponibilidad de materiales y recursos, y la disposición de los equipos profesionales para incorporarlos a sus actividades. El ambiente de acogida y la claridad en las orientaciones iniciales son percibidos como factores que favorecen la confianza y el aprendizaje.

Gráfico 5: Condiciones del centro patrimonial o de difusión cultural.

Fuente: Elaboración propia

En síntesis, los resultados muestran que la infraestructura y el capital humano de los centros patrimoniales no solo no constituyen una dificultad, sino

que se transforman en un activo pedagógico para la formación inicial, reforzando la idea de que la colaboración sostenida entre universidad e instituciones culturales puede generar entornos formativos de alto valor.

5. Conclusiones

El estudio presentado permite extraer un conjunto de conclusiones relevantes para la discusión sobre prácticas pedagógicas no convencionales en la formación inicial docente. En primer lugar, los datos evidencian una valoración globalmente positiva del plan piloto implementado entre 2023 y 2024. Los estudiantes se perciben capaces de desenvolverse en contextos patrimoniales complejos, de establecer vínculos colaborativos con profesionales de museos y archivos y de transferir saberes disciplinares y didácticos a nuevos escenarios de acción.

En segundo lugar, la experiencia muestra que la confianza en el propio desempeño no es homogénea. Aunque predomina la autoeficacia, persisten brechas asociadas a la claridad de roles, al conocimiento de los protocolos de trabajo y a la comprensión de las lógicas institucionales de museos y archivos. Estas brechas no invalidan la experiencia, pero sí ponen de relieve la necesidad de diseñar procesos de nivelación e inducción específicos para prácticas no convencionales, en estrecha articulación con los cursos de la línea de práctica.

En tercer lugar, los resultados confirman el potencial de estas prácticas para fortalecer saberes vinculados al patrimonio y la cultura material. El trabajo directo con documentos, colecciones y dispositivos de mediación cultural contribuye a que los futuros profesores comprendan de manera más profunda la relación entre educación, memoria y patrimonio, y adquieran herramientas concretas para incorporar recursos patrimoniales en sus futuras clases.

En cuarto lugar, la valoración altamente positiva de las condiciones físicas y humanas de los centros patrimoniales sugiere que uno de los desafíos no radica en la capacidad de los museos y archivos, sino en la consolidación de una red de colaboración estable que permita planificar experiencias de práctica con objetivos compartidos, tiempos claros y roles definidos.

Finalmente, el estudio invita a pensar las prácticas no convencionales no como un complemento periférico, sino como un componente curricular que podría institucionalizarse en la malla de formación inicial, especialmente en carreras ligadas a las Ciencias Sociales. Integrar de forma estable estos espacios implica revisar el modelo global de prácticas, generar mecanismos de seguimiento y evaluación coherentes y fortalecer la coordinación entre la universidad, los centros patrimoniales y el sistema escolar.

En un escenario de tensión entre oferta, vocación y demanda por las carreras de pedagogía, abrir el horizonte de la práctica a museos y archivos ofrece una doble oportunidad: enriquecer la formación del profesorado y, al mismo tiempo, ampliar sus posibilidades de inserción laboral en campos educativos y culturales más diversos.

Referencia Bibliográfica:

1. Ávalos, B. (2011). *La formación inicial docente en Chile: problemas y desafíos*. Santiago, Facultad de Educación, Pontificia Universidad Católica de Chile.
2. Babbie, E. (2000). *Fundamentos de la Investigación Social*. México, International Thomson Editores.
3. Barton, K., & Levstik, L. (2004). *Teaching History for the Common Good*. New York, Routledge.
4. Bellei, C. (2015). *El gran experimento: Mercado y privatización de la educación chilena*. Santiago, LOM Ediciones.
5. Castaño, R. (2018). “Espacios formativos y educación no convencional: reflexiones y prácticas”. *Revista de Filosofía y Educación*, 3, 1–16.
6. Centro de Investigación Avanzada en Educación (CIAE) (2023). *Consideraciones para la política docente – Informe OFD N° 11*. Universidad de Chile.
7. Cox, C. (2005). *Políticas educativas en el cambio de siglo. La reforma del sistema escolar de Chile*. Santiago, Editorial Universitaria.
8. CPEIP (2021). *Estándares de la Profesión Docente. Ciencias Sociales*. Ministerio de Educación, Chile.
9. Imbernón, F. (1994). *La formación y el desarrollo profesional del profesorado: Hacia una nueva cultura profesional*. Barcelona, Grao.
10. Letelier, G., Zañartu, J., Lara, M., Aravena, C. (2025). “De la sala de clases a museos, bibliotecas y archivos: La Práctica Pedagógica no convencional en la Formación Inicial Docente. Experiencia en la carrera de Pedagogía en Historia y Geografía en Enseñanza Media, Universidad Bernardo O’Higgins”. *Autoctonía Revista de Ciencias Sociales e Historia IX(Especial):1750-1805*.
11. Navas, C. (2023). “Museo, escuela y patrimonio: el caso del Museo Regional Salesiano de Rawson”. *RESEÑAS de Enseñanza de la Historia*, N°23. 3-25.
12. Núñez, I. (2007). “La profesión docente en Chile Saberes e identidades en su historia”. *Pensamiento educativo: revista de investigación educacional latinoamericana*, Vol. 41, N°. 1.
13. OECD (2017). *Education in Chile*. Revisiones de políticas nacionales de educación, París, Publicaciones de la OCDE,
14. Perrenoud, P. (2004). *Diez nuevas competencias para enseñar. Invitación al viaje*. México, Grao.
15. Rodríguez, M. (2018). “La Educación Patrimonial y la Formación Docente desde la Transcomplejidad”. *Telos*, 20 (3).
16. Seixas, P., & Morton, T. (2013). *The Big Six: Historical Thinking Concepts*. Toronto, Nelson College Indigenous.

16. SIES (2021). *Informe de matrícula en educación superior*. Ministerio de Educación, Chile.
17. Smith, L. (2006). *Uses of Heritage*, Canberra, Routledge.
18. Vaillant, D., & Marcelo, C. (2015). *El ABC y D de la formación docente*. Madrid, Editorial Narcea.
19. Valencia, A., & Jaramillo, W. (2015). “Prácticas pedagógicas en contextos alternativos y formación docente”. *Revista de Investigación en Educación Social*, 4(1).
20. Zeichner, K. (2010). “Repensando las conexiones entre la formación inicial y el trabajo en las escuelas”. *Revista Interuniversitaria de Formación del Profesorado*, 24(2), 123-149.

УДК 82

Baikova A.S.
Universidad Estatal de Economía de San Petersburgo
Facultad de Humanidades
Departamento de la filología romano-germánica y traducción

**LA EFICACIA DEL MÉTODO DE LA BÚSQUEDA IMPLICATIVA
DE G. G. MOLCHÁNOVA EN LA TRADUCCIÓN DE LAS OBRAS
DRAMÁTICAS DE A. P. CHÉJOV (EN EL EJEMPLO
DE LA PIEZA «TRES HERMANAS»)**

El subtexto en las piezas de A. P. Chéjov se considera una parte textual más importante que el nivel explícito, y éste solo es una herramienta para que se haga posible la aparición y existencia de los elementos implícitos. Como consecuencia, suponemos que la traducción de las obras – especialmente dramáticas – chejovianas no puede ser realizada sin análisis de su implicidad. Para estos fines proponemos usar el método de la búsqueda implicativa creado por G. G. Molchánova [5].

El método consiste en la división del espacio subtextual en los elementos que siendo interconectados mediante diferentes tipos de relaciones jerárquicas se convierten en el sistema unido. Según el método, podemos distinguir siguientes elementos del nivel implícito: la idea principal de la obra es el implihipertema que consiste de implitemas, o sea, los motivos presentes en todo el espacio subtextual. Los implitemas, a su vez, se componen de los implicatos-concentros que son los nudos semánticos suyos y, como consecuencia, del implihipertema. A cada implicato-concentro pertenece la multitud de los elementos más pequeños del nivel implícito del texto que

fueron nombrados los implicatos locales y que son resultado de las compresiones de diferentes tipos o de las violaciones de las máximas de H.P. Grice. Dos últimos grupos de los elementos están presentes en el texto como tal, o sea, en su corpus explícito, por eso son objetos principales del análisis.

El motivo principal alrededor del cual se desarrollan todos los conflictos internos y externos de las obras dramáticas chejovianas es el tiempo [3]. En la interacción de los personajes con el ir del tiempo consiste la colisión de todas las angustias mentales de los protagonistas. Por lo tanto, si aplicamos el método de la búsqueda implicativa al texto de la pieza «Tres hermanas», consideramos que el implihipertema de la obra es el tiempo. El motivo de la soledad fue elegido por nosotros en calidad del implitema, ya que todos los personajes se sienten aislados y desconectados. Hablando de los implicatos-concentros, podemos concluir que en la mayoría de los casos son repeticiones que forman el subtexto y desempeñan el papel de los núcleos de campos semánticos del texto. Distinguimos Moscú, que es una de las repeticiones más conocidas de la obra dada, como uno de los implicatos-concentros para el análisis.

Los implicatos locales que pertenecen al campo semántico del implicato-concentro Moscú deben ser detectados y analizados. En el marco de este artículo no es posible realizarlo con todos los implicatos locales por su cantidad presente en el texto. Como consecuencia, solo tomamos unos para dar el ejemplo del procedimiento del análisis usando dos traducciones de la pieza al español. La primera pertenece a Juan López-Morillas y la segunda pertenece a Omar Lobos.

Original: *Я всё ждала, переселимся в Москву, там мне встретится мой настоящий (1), я мечтала о нём, любила... (2) Но оказалось, всё вздор, всё вздор... (3)*

Traducción 1: *Llevo esperando todo este tiempo, pensando que nos iríamos a vivir a Moscú, y que allí conocería al hombre conveniente (1). He soñado con él y hasta he llegado a quererlo en sueños. (2) Pero ahora resulta que eso es una tontería... una tontería... (3)*

Traducción 2: *Yo seguía esperando, nos instalaríamos en Moscú, allá encontraría a mi verdadero (1), soñaba con él, lo amaba... (2) Pero todo resultó ser un absurdo, un absurdo... (3)*

En esta réplica de una de las hermanas Irina se realiza la oposición binaria formada por la antítesis donde el elemento con connotaciones negativas es la vida en la ciudad provinciana en el presente y el elemento con connotaciones positivas es la vida futura en Moscú. Como podemos ver, la réplica tiene una relación directa tanto con el implicato-concentro (que está presente concretamente en la misma frase), como con el implihipertema – el tiempo. En su ciudad provinciana del presente las hermanas se sienten solas [1]. Irina sueña con su futuro ideal lo que se transmite con los implicatos locales 1 y 2, pero el implicato local 3 (que realiza el elemento con connotaciones negativas de la oposición binaria) lleva el

potencial semántico de la frustración de los sueños del futuro que nunca puede llegar y lo único que queda a las protagonistas es vivir en el presente con su soledad.

En la primera traducción todos los implicatos locales fueron perdidos a causa de la reconstrucción de los elementos intencionalmente omitidos en el original (1,2,3); la reconstrucción de los elementos implícitos supuestamente incluso no presentes en el original (2,3); la elección de las unidades léxicas no correspondientes a las del original (1). En este caso la pérdida de los implicatos locales incluso lleva a la distorsión del sentido y, como consecuencia, al cambio del retrato psicológico de la protagonista.

El implicato local «настоящий» (1) es el resultado de la comprensión estructural con la omisión del elemento que solo puede ser reconstruido supuestamente: el sustantivo «hombre». «Настоящий» según el diccionario de Ожегов, puede tener connotaciones «ideal», «verdadero» [4]. El análogo español «conveniente» no coincide semánticamente con ninguna de estas connotaciones, y la reconstrucción del elemento supuestamente omitido «hombre» (1), por su parte, no permite la realización de la comprensión estructural [8] del original. El retrato psicológico del personaje cambia, porque en vez de la protagonista que vive en pleno crisis existencial intentado encontrar por lo menos algún sentido en los sueños sobre su alma gemela, aparece una chica que tiene muchas ganas muy racionales de encontrar en una ciudad grande a un hombre que le convenga para irse de su ciudad provincial. Como consecuencia, la relación con el implicato-concentro «Москú» se rompe, porque éste deja de ser el símbolo del futuro perfecto no alcanzado y solo transmite su sentido directo de una ciudad.

Las consecuencias semejantes tiene la pérdida del implicato local 2. En este caso se observa hasta la reconstrucción de los elementos que no podemos considerar omitidos obviamente. Las connotaciones adicionales del asombro de Irina en cuanto a sus sueños también distorsionan su imagen saliendo del campo semántico del espacio implícito del texto, debido al hecho de que para los personajes de la pieza es imposible sobrevivir en el presente sin los sueños sobre el futuro. Para ellos (especialmente para las hermanas) «hasta» es vivir en el presente, pero soñar para ellas es algo natural, son sus recuerdos del pasado y sus sueños sobre el futuro que ayudan a olvidar el presente, por lo tanto, podemos concluir que es el campo semántico de los sueños románticos gracias al cual se realiza en el texto la oposición binaria anteriormente mencionada, por eso no es posible cambiar salir de este campo en el texto de llegada.

En la primera traducción también se observa la pérdida del implicato 3 (por haber cambiado la estructura sintáctica del texto de salida) con la distorsión del sentido (a causa del cambio de «Всѣ» por «eso»), lo que vuelve a llevar al recipiente del texto traducido a una idea de que la protagonista es una mujer joven

que no es que sienta enorme soledad, sino que solo está buscando a un hombre. La conexión con el implitema se rompe.

Además, es importante entender que toda la réplica según la elección de las unidades léxicas viola la máxima de manera de Grice, ya que su carácter poético no correlaciona con la situación comunicativa de la conversación coloquial entre dos hermanas, lo que también subraya la importancia de los sueños y la imposibilidad de la aceptación del presente. En la traducción 1 a causa de los cambios anteriormente descritos la réplica corresponde al contexto situacional, lo que no coincide con el texto de salida.

En la traducción 2 todos los implicatos locales se guardan y el sentido no se distorsiona gracias a que en el texto de llegada fueron tomados en cuenta todos los casos de las compresiones estructurales, la violación de la máxima de manera y la estructura sintáctica del original.

En conclusión, podemos ver que el método de la búsqueda implicativa permite realizar el análisis de cada réplica de la obra dramática para la traducción de las piezas chejovianas sin pérdida de las particularidades de la implicidad textual.

Bibliografía:

1. Волчкевич М. «Три сестры». Драма мечтаний. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2012. – 128 с.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 217–237.
3. Зингерман Б. И. Театр Чехова и его мировое значение. – М.: РИК Русанова, 2001. – 430 с.
4. Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/> (дата обращения: 29.11.2025).
5. Молчанова Г. Г. Семантика художественного текста (импликативные аспекты коммуникации). – Ташкент: Издательство «ФАН» Узбекской ССР, 1988. – 163 с.
6. Сонди П. Теория современной драмы: пер. с нем. – М.: V-A-C Press, 2020. – 148 с.
7. Чехов А. П. Дядя Ваня. Три сестры: Пьесы. – М.: Мартин, 2021. – 160 с.
8. Шалудько И. А. ИмPLICITное содержание художественного текста и проблема перевода // Вестник СПбГУ. – 2012. – Вып. 4. – С. 39 – 45.
9. Chéjov A. Las tres hermanas. El huerto de los cerezos: trad. del ruso por Juan López-Morillas. – Madrid: Alianza, 2001. – 235 p.
10. Chéjov A. P. Teatro completo: trad. del ruso por Omar Lobos. – Buenos Aires: Ediciones Colihue, 2015. – 992 p.

LA INFLUENCIA DE LAS LEYENDAS INDÍGENAS EN LA CULTURA MODERNA HISPANA EN EL EJEMPLO DE LA LLORONA

La Llorona es una de las figuras más reconocidas del folclore mexicano. Su imagen, que une la época prehispánica con las narrativas coloniales, simboliza la tragedia materna: una mujer que vaga por la noche junto al agua, llorando a los hijos que ella misma ahogó.

Sus orígenes se remontan a poderosas deidades prehispánicas. Por un lado, a Cihuacóatl, "la mujer serpiente", patrona de las parturientas, pero también una figura guerrera que aparecía al anochecer, vestida de blanco y llorando, presagiando conflictos y calamidades, como se registra en el "Códice Florentino" de Sahagún [4, 3–4]. Por otro lado, su genealogía se conecta con la gran diosa madre Coatlicue, señora de la tierra y la fertilidad, que encarnaba el principio fundamental de la dualidad vida-muerte. Cihuacóatl heredó de Coatlicue esta naturaleza integral, donde la creación y la destrucción son dos caras de una misma realidad [5, 35]. La "inegable similitud" entre estas diosas y La Llorona es evidente en sus rasgos comunes: las apariciones nocturnas, la asociación con el agua y el llanto como expresión de un profundo duelo cósmico o una advertencia [6, 657].

Sin embargo, la colonización española fragmentó brutalmente esta integridad sagrada. Las deidades femeninas fueron divididas en figuras "buenas" y "malas" según la moral cristiana [5, 27]. La faceta maternal, como Tonantzin, fue asimilada por la Virgen de Guadalupe. Mientras, Cihuacóatl, con su asociación con el llanto y la muerte, fue demonizada. Su imagen se transformó en la de una madre pecadora, y así nació la Llorona colonial, despojada de su profundo significado espiritual.

No obstante, el folclore preserva narrativas donde La Llorona resurge como una figura de resistencia anticolonial. En una versión ella ahoga a sus hijos no por locura, sino para evitar que sean capturados por los conquistadores españoles, quienes los destinaban a la esclavitud o a ser arrebatados de su cultura. En este acto desesperado, el infanticidio se transforma en un sacrificio de resistencia, y su llanto posterior no es solo personal, sino el lamento colectivo de un pueblo frente a la opresión [2, 190].

Otra historia profundiza en la injusticia social: La Llorona es una mujer indígena abandonada por su amante español, quien la rechaza para casarse con

una mujer de su propia clase y estatus. La tragedia personal aquí se entrelaza con el conflicto colonial; su venganza radical es una respuesta directa a la traición y la explotación, haciendo de ella un símbolo de la lucha contra las jerarquías raciales y sociales impuestas por el dominio español. Incluso se la describe asustando a los soldados en la noche, actuando como un espectro vengador que perturba a los opresores [2, 190].

El cine

Pasemos a examinar la manifestación de la imagen de la Llorona en la cultura moderna. Además de que esta leyenda tiene cientos de versiones y se transmite oralmente hasta hoy, la Llorona es una imagen que aparece con frecuencia en diferentes tipos de arte. Empecemos por el cine.

La lista de las películas sobre la Llorona: *La Llorona* (Ramón Peón, 1933) *La herencia de la Llorona* (Mauricio Magdaleno, 1947) *El grito de la muerte* (Fernando Méndez, 1958) *La Llorona* (René Cardona, 1960) *La maldición de la Llorona* (Rafael Baledón, 1963) *La venganza de la Llorona* (Miguel M. Delgado, 1974) *Las Lloronas* (Lorena Villarreal, 2004) *Kilómetro 31* (Rigoberto Castañeda, 2005) *J-ok'el* (Benjamín Williams, 2007) *Kilómetro 31-2*. (Rigoberto Castañeda, 2016) *La Llorona* (Jayro Bustamante, 2019).

La primera película sobre la Llorona, *La Llorona* (Ramón Peón, 1933), se estrenó en 1933, y el último hasta la fecha, *La Llorona* (Jayro Bustamante, 2019), en 2019.

El guion más popular en las películas consideradas es el de la transformación, en el que una mujer pierde a sus hijos y luego muere ella misma. A este gran grupo se pueden atribuir todas las películas de la lista considerada, con la excepción de *La maldición de la Llorona* (Rafael Baledón, 1963), donde la Llorona solo tiene en común con la imagen clásica el nombre. En la mencionada película, esta entidad representa a una mujer infinitamente poderosa, “que quería el poder y sacrificó todo para lograr ese objetivo” [1, 54]. Esta es cronológicamente la primera película donde el convertirse en la Llorona, una poderosa entidad mística, es una elección consciente de la mujer: se la muestra como un sujeto independiente, no como una víctima de las circunstancias.

En el período 1958-1974, la imagen de la Llorona es reinterpretada. Esto ocurre a través de la negación completa de la leyenda y la explicación de la mística por la lógica. La leyenda se reinterpreta sobre una base racional, sobre la comprensión de que una mujer puede experimentar odio hacia sus hijos, como un reflejo de su padre. La imagen también se reinterpreta en la interpretación de la Llorona como una entidad mística fuerte, cuyo objetivo es el poder, y, finalmente, a través de la interpretación de la Llorona como una mujer que quiere vengarse y está dispuesta a hacer un trato con el diablo por ello. Hasta ahora, se ha filmado solo una película de drama donde la imagen de la Llorona se hubiera enfatizado en mayor medida en la tragedia de esta heroína. Desde el estreno de la primera película en 1933, predomina aquella variante donde la Llorona es la antagonista del narrador,

una fuerza sobrenatural, incluso en aquellas películas donde se presta atención a su tragedia. A pesar de algunas tendencias similares, la imagen de la Llorona en el cine sigue siendo extremadamente diversa, y precisamente la variabilidad de sus interpretaciones da una idea de su importancia para la cultura mexicana.

La canción de la Llorona

Una de las canciones folclóricas mexicanas más populares es "La Llorona". No hay un número exacto de versiones de "La Llorona" porque la canción es un tema popular en constante evolución, con más de 500 versiones estimadas. Además de México se la puede escuchar en el suroeste de Estados Unidos, en Cuba y prácticamente en todos los países de América Latina. En diferentes épocas, esta obra musical ha sido interpretada por Chavela Vargas, Raphael, Luis Mars, Eugenia León y, por supuesto, innumerables conjuntos folclóricos de mariachi. (Lila Downs y Susana Harp, jóvenes intérpretes de canciones tradicionales mexicanas, han contribuido en gran medida a la difusión del folclore musical mexicano, y en particular de la canción sobre la Llorona. Los arreglos tradicionales de las canciones ahora se complementan con versiones modernas de rock y adaptaciones musicales de autor.)

Destacaremos los motivos principales que se reflejan en las variantes de la canción.

La Llorona como amada. El héroe lírico es un hombre enamorado de la Llorona, que habla de su sentimiento. La Llorona actúa aquí como una imagen colectiva de la amada. En esencia, no es ella quien llora, sino el hombre mismo, declarando su amor sin esperanza.

La Llorona en la imagen de la Madre. Por lo tanto, el héroe se dirige a la Llorona como a su madre. Le pide protección. Aquí el protagonista busca no amor carnal, sino intercesión, patrocinio.

La Llorona como la Santísima Virgen. Otro motivo que se percibe claramente en la canción sobre la Llorona es la deificación de ella, comparándola con la Santísima Virgen. Así, la amada se convierte en la Virgen de Guadalupe, una figura clave de la cultura latinoamericana. Aquí también se percibe un parecido con la leyenda [3, 75].

Literatura

La imagen de la Llorona también ha sido utilizada en múltiples ocasiones por autores en obras artísticas.

- Rudolfo Anaya: Es autor de la novela *The Legend of La Llorona* (1984).
- Eduardo Antonio Parra: Incluyó el mito en su obra *El río, el pozo y otras fronteras*.
- Marcela Serrano: Escribió la novela *La Llorona* (2008), en la que utiliza la leyenda para abordar temas como el tráfico de bebés.

Me gustaría llamar la atención sobre dos obras donde ocurre una profunda reinterpretación de la imagen tradicional de la Llorona a través del prisma de la realidad política y social moderna.

El relato “*Cariboo Café*” de Helena María Viramontes. La protagonista es una lavandera sin nombre de Centroamérica, cuya vida está destruida por una dictadura que se llevó a su hijo, Geraldo. Aunque el texto no indica un país concreto, investigadores (como R. Fernández) sugieren que podría ser El Salvador, teniendo en cuenta el contexto histórico de los años 80 [2,193]. Huyendo de la persecución, la lavandera escapa a EE.UU., donde su búsqueda de Geraldo la lleva a un trágico error: confunde a un niño ajeno, Mackey, con su hijo. En el clímax del relato, en el café “Double Zero”, ella muere a manos de la policía protegiendo a Mackey, lo que simboliza su desesperado intento por restaurar la conexión materna perdida.

En el relato “*Woman Hollering Creek*” de Sandra Cisneros, la Llorona se encarna en la imagen de Cleófilas, una joven mexicana cuya vida cambia bajo la influencia de la simbólica “voz del río”. Cleófilas abandona México, donde vivía con su padre y seis hermanos, para contraer matrimonio con Juan Pedro, soñando con un amor romántico y prosperidad en EE.UU., inspirada por telenovelas. Sin embargo allí sus ilusiones se derrumban: su marido resulta ser un abusador que la pega, incluso estando embarazada, (le es infiel y se niega a cubrir necesidades básicas, como una visita al médico). El momento crucial llega cuando Cleófilas, inspirada por la “llamada del río”, decide abandonar a Juan Pedro y volver con su padre a México. El río, vinculado a la Llorona, se convierte para ella en una fuente de fuerza interior, que la impulsa a la acción. A diferencia del trágico final en “*Cariboo Café*”, Cleófilas elige la vida y la salvación, demostrando un camino diferente para la Llorona: la huida y la supervivencia [2, 194].

A pesar de la base común, la transformación de la Llorona en estos relatos adopta formas diferentes, reflejando estrategias contrastantes de lucha contra la opresión: la muerte como acto de resistencia en Viramontes y la huida como forma de supervivencia en Cisneros.

En conclusión, el viaje de La Llorona, desde sus raíces como diosa prehispánica hasta su encarnación moderna en el cine y la literatura, demuestra la vitalidad del mito. Su figura no es un relicario del pasado, sino un símbolo vivo y en constante evolución que continúa dialogando con las problemáticas sociales más urgentes de la actualidad.

Bibliografía

1. Балкова Е.А. Эволюция образа Льороны в мексиканском кинематографе / Балкова Е.А. // Гуманитарный акцент. – 2021. – №1. – С.50–59.
2. Ланцова А.С. Ла Йорона: переосмысление образа в произведениях Э.М. Вирамонтес и С. Сиснейрос / Ланцова А.С. // Филологический аспект. – 2025. – №3 (119). – С. 183–197.
3. Сорокина Я.В. Образ плакальщицы (La Llorona) в мексиканской народной песне / Сорокина Я.В // Традиционная культура. – 2008. – № 4 (32). – С. 87–93.

4. 1. Anderson A. Florentine Codex: General History of New Spain by Fray Bernadino de Sahagún. Book I / Anderson A., Dibble C. – Santa Fe: School of American Research, 1950. – 84 c.

5. 2. Anzaldua G. Borderlands/La Frontera: The New Mestiza / Anzaldua G. – San Francisco: Spinsters/Aunt Lute, 1987. – 190 c.

6. 9. Mañero-Lozano D. La Llorona, la Ciguanaba y otros espectros femeninos: configuración tipológica y motivos legendarios / Mañero-Lozano D. // Revista Chilena de Literatura – 2021. №104, 2021. – C. 655–679.

УДК 94(7/8)

Lukicheva A.O.

Instituto Militar de las Tropas Ferroviarias y Comunicaciones Militares,
Doctora en ciencias económicas,
representante de la Fundación de Rokha en Rusia;
Emiliano de Rokha
Presidente de la Fundación de Rokha

LA LUCHA DE LA FAMILIA DE ROKHA CONTRA EL FASCISMO

Los miembros de la familia de Rokha siempre lucharon y siguen luchando contra el fascismo. Este artículo representa un breve análisis de las obras dedicadas a la lucha en contra del fascismo de diferentes décadas. En 1922 Pablo de Rokha escribió el poema “Yanquilandia” (Fragmentos. De “Los Gemidos”). Es un poema profético dónde se muestra evidentemente que una sociedad que vive y muere “en aeroplano, 100, 200 kilómetros sobre el nivel de los viejos valores humanos” paso a paso se convierte en una sociedad fascista. El fin de esta sociedad es el dólar – “y el dólar como fin...”. Y toda la epopeya es una serie de las acciones “a maquina” – “existir a maquina, conocer a maquina, recordar a maquina, ver a maquina, a maquina...” [7].

El 17 de julio de 1936 en España empezó la Guerra Civil. El 19 de agosto de 1936 fue asesinado por fascistas Federico García Lorca. Los poetas chilenos dedicaron a este acontecimiento trágico una recopilación de poemas. En su portada está escrito lo siguiente:

A FEDERICO GARCIA LORCA
EL POETA ASESINADO EN GRA-
NADA POR LOS FASCISTAS
IDENTIFICAMOS CON SU NOMBRE
NUESTRO HOMENAJE A ESPAÑA

La recopilación incluye obras de Vicente Huidobro, Pablo Neruda, Braulio Arenas, Eduardo Molina, Gerardo Seguel y otros poetas. El libro se

empieza con el artículo “Nuestra deuda con España” de Gerardo Seguel [2]. Las palabras finales del artículo son siguientes: “... por reivindicar ante la sociedad los méritos de la cultura y de sus hombres, los intelectuales chilenos, somos, una vez más, deudores de España. Ante la presencia dramática de las llamas de Madrid, del humo que brota del Guadarrama y de los estampidos de Asturias, Vascongada y Aragón, juremos manifestarnos siempre como sus más dignos herederos”. El libro se acaba con el artículo «A los poetas chilenos de “Madre España”» de Maria Zambrano [4]. Sus palabras es un llamamiento a los poetas chilenos: “Solo el dolor no bastaría porque la pasividad nunca es suficiente, ni tan siquiera la fiera lucha armada; es preciso y más que nunca el ejercicio de la razón y de la razón poética que encuentra en instantáneo descubrimiento lo que la inteligencia desgrana paso a paso en sus elementos. Es necesaria y más que nunca la poesía y por eso es que brota entre vosotros, hermanos chilenos que contribuís así a la lucha de España acompañándola, dándole vuestra voz de amor y de esperanza, de afirmación filial en instantes en que sus entrañas maternas sufren la agonía de la vida creadora.”

Los poetas de la familia de Rokha respondieron a los llamamientos de Gerardo Seguel y Maria Zambrano. En la recopilación están sus 3 poemas. El libro es un ejemplo de la creatividad conjunta de padres y su hijo mayor. El poema de Winett de Rokha – el primer poema – se llama “Canción a los leales muertos” [8]. Los republicanos periclitados se representan como héroes:

Son los héroes de España, los hombres, los más
hombres,
toda montaña de hierro y oro entre lagunas...

El poema de Pablo de Rokha tiene nombre “Imprecación a la bestia fascista” [6]. La imprecación final es la siguiente:

Cara a cara a la historia, os crucifico:
que aborten, horriblemente, vuestras hijas en los pantanos,
que os estalle hinchada la lengua,
que la maldición proletaria se os enrosque a la garganta
ensangrentada, como una gran víbora,
y vuestros descendientes se avergüencen de sus antepasados,
que la tierra, ardiendo, abra la tenaza de sus abismos y os trague,
despernancándoos,
como a bestias funestas, escarnio de sabandijas y alimañas.

El poema de Carlos de Rokha está dedicado a Lina Odena, secretaria de la organización de los comunistas jóvenes. El 14 de setiembre de 1936 su chófer se había equivocado fatalmente de camino. La joven quedó rodeada por los fascistas y decidió suicidarse para prevenir la captura – se disparó en la cabeza: “EN FUSIL glorioso, ¡oh abrir de manos!” [1].

En 1937 Winett de Rokha escribió los poemas “Las madres contra el fascismo” y “Los viajeros maravillosos” [9]. En el primer poema se da una característica precisa al fascismo:

La tempestad es negra, el viento es negro,
El huracán fascista desgaja las puertas, madres de América;
son los tigres de la jungla,
las serpientes arrastrándose entre ciudades floridas,
es una lágrima azul de ardida pólvora.

El poema posee un llamamiento a todas las madres de América luchar contra el fascismo:

Pongamos los fusiles en el hombro de nuestros hombres,
defendamos los hijos acaecidos como rosas rojas o amapolas,
defendamos el pan y la leche para sus vidas sin defensa.

En segundo poema se trata sobre el viaje de los niños españoles de las familias de los republicanos a la URSS. Los hombres soviéticos acogieron a los niños españoles con mucho amor y cariño:

tú, niño de España, hallarás un nido, el más blando que el amor podía construir,

un nido de golondrinas, de barro, de diamantes, de trabajo,
para las criaturas de la España republicana y mártir,
entre sus ruinas imponentes.

Casi todos los jóvenes españoles empezaron a defender su segunda patria después del inicio de la Gran Guerra Patria el 22 de junio de 1941. Por ejemplo, los muchachos entraron en las filas de la 3-ra División de Milicia del distrito Frunzensky (en ruso – 3-я Фрунзенская дивизия народного ополчения). Siendo extranjeros los españoles no tenían derecho de servir en el Ejército Rojo. Los soviéticos y españoles combatiendo hombro a hombro previnieron en la aldea Siandeba (Karelia, en ruso – Сяндеба) el encuentro de las tropas de los fascistas alemanes y finlandeses en las orillas del Lago Ladozhskoe. La hazaña de los milicianos antifascistas evitó el bloqueo total de Leningrado.

En 1944 Pablo de Rokha editó su “Canto al Ejército Rojo” en su editorial “Multitud” con tiraje de 500 libros [5]. El libro fue editado en el año de 10 batallas cruciales – de “10 golpes de Stalin”. El primer golpe fue la Liberación completa de Leningrado del bloqueo fascista – del bloqueo más duro y más largo (872 días) en toda la historia de la humanidad. Pablo de Rokha deifica al Ejército Rojo y además los dioses de todos los pueblos y tiempos le ayudan: “La voluntad y la misericordia, la primera de las cuales es una serpiente y la segunda un lobo que caza palomas para un tigre enfermo, circundan tu cabeza de dios-oceánico, y Jehová, Thor, Vichnú, Júpiter, Odín, Brahma, Moloch, Osiris, Manco-Capac, Huitzitlopóchtli, arrastran tus tanques tremendos enganchando setenta veces setenta potros a su mitología”.

Para el poeta el Ejército Rojo es libertador de ciudades, hermano, hijo, esposo de la verdad: "... el pelo de tus muertos te acaricia las mejillas, como un río natal los pies del antiguo emigrante. y tu actitud recuerda la armadura de los hidalgos, oh! engendrador de naciones, oh! libertador de ciudades, oh! hermano, oh! hijo, oh! esposo de la verdad, engendrado en la Revolución de Octubre, dichosos, eternamente, aquellos que empuñan tus fusiles, con el gesto inmenso del redentor social en los cabellos".

"Canto al Ejército Rojo" de Pablo de Rokha no ha perdido su actualidad: algunos países quieren robar la Gran Victoria y reescribir la historia.

Pablo de Rokha y Salvador Allende (Presidente de Chile en los años 1970–1973) tenían relaciones amistosas. Jose de Rokha desempeñó el cargo de Agregado Cultural de Chile en México durante el Gobierno del Presidente Salvador Allende. Desde el exilio después del golpe militar dirigido por Augusto Pinochet Jose de Rokha en sus poemas "Te Buscan Salvador", "¿Dónde Está?" y "No" muestra un testimonio vivo de Chile, su patria lejana, dominada por los fascistas. Con la fuerza de un grito de rebeldía el poeta relata una realidad de opresión y miseria humana. El disco "Te Buscan Salvador" fue grabado por el Partido Socialista de Chile [3]. Los tres poemas suenan en la voz de su autor.

Hoy la Fundación de Rokha sigue luchando contra el fascismo en todas sus manifestaciones. La ponencia "La lucha de la familia de Rokha contra el fascismo" fue representada el 1 de diciembre de 2025 en la Conferencia "Economía, Cultura, Política de los Países Iberoamericanos" del XIII Festival Internacional de los Países Iberoamericanos en la Universidad estatal de economía de San Petersburgo.

Bibliografía:

1. Carlos de Rokha. Lina Odena: A FEDERICO GARCIA LORCA, 1937. Santiago de Chile.
2. Gerardo Seguel. Nuestra deuda con España: A FEDERICO GARCIA LORCA, 1937. Santiago de Chile.
3. Jose de Rokha. Te Buscan Salvador: disco.
4. Maria Zambrano. Madre España: A FEDERICO GARCIA LORCA, 1937. Santiago de Chile.
5. Pablo de Rokha. CANTO AL EJERCITO ROJO, 1944. Ed. "Multitud", Santiago de Chile.
6. Pablo de Rokha. Imprecación a la bestia fascista: A FEDERICO GARCIA LORCA, 1937. Santiago de Chile.
7. Pablo de Rokha. Yanquilandia (Fragmentos. De "Los Gemidos"), 1922.
8. Winett de Rokha. Canción a los leales muertos: A FEDERICO GARCIA LORCA, 1937. Santiago de Chile.
9. Winett de Rokha. ONIROMANCIA, 1943. Ed. "Multitud", Santiago de Chile.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

На протяжении двух тысячелетий Библия является символом духовности и созидания, оказывая непосредственное влияние на мироощущение многих народов и культур, которые формируются в рамках христианских ценностей. Редко встречаются особенности характера человека или сферы межличностных отношений, которые не нашли бы отражение в библейских притчах, сентенциях и образах [1]. В силу этого, осмысление библейских символов и сюжетов воплощается в языке в виде так называемых библеизмов, т.е. антропонимов и топонимов библейского происхождения [2].

Библейские языковые компоненты, как правило, несут в себе схожую интерпретацию в разных языках, ввиду общей культурной основы, представляя собой символ, вокруг которого формируются межъязыковые параллели [3]. Так, например, в большинстве языковых картин мира апостол Фома ассоциируется с недоверчивым отношением к чему-либо, ветхозаветный герой Самсон – с силой и мужеством, царь иудейский Ирод – с жестокостью и деспотизмом, Иуда – с предательством. Текст Священного Писания, таким образом, является источником мировоззренческих основ и моральных принципов, которые во многом схожи в разных языковых культурах, но, вместе с тем, зачастую несут в себе и различные семантические значения. Один и тот же понятный и знакомый любой христианской культуре символ в одном языке может иметь дополнительные смыслы, в то время как в другом языке эти смыслы могут отличаться или вовсе отсутствовать. Подобная тенденция объясняется особенностями национального менталитета и мышления. В этой связи, особый интерес представляет сопоставление ряда библеизмов – имён собственных, – в русском и испанском языках.

Прежде всего, рассмотрим словосочетания с именами собственными, которые являются уникальными для каждого из языков. Если обратиться к языковым единицам, встречающимся в испанском языке, и не имеющим аналогов в русском, то в качестве примера можно привести фразеологический оборот с использованием имени ветхозаветного героя *Самсона*, известного своей нечеловеческой силой, который в испанском языке звучит как *más fuerte era Sansón, y le venció el amor* (досл. ‘Самсон был сильнее, но и его сразила любовь’). То же касается выражения *el benjamín de la familia*,

означающего самого младшего и любимого ребёнка в семье [2]. У Иакова и Рахили, согласно Ветхому Завету, было двое сыновей – Иосиф и *Вениамин*. Имя последнего, т.е. младшего сына, легло в основу упомянутого фразеологического оборота в испанском языке. Кроме того, существует такое словосочетание как *el parto de Sara* (досл. ‘роды Сары’), иными словами, роды, которые произошли в очень зрелом возрасте. Здесь идёт отсылка к одной из прародительниц еврейского народа, Сарре¹, которая долгое время оставалась бесплодной и смогла родить сына Исаака от Авраама в возрасте 90 лет. В русском языке аналогичные фразеологические обороты отсутствуют.

Ещё одним примером фразеологизма подобного типа является сочетание *ser más viejo que Matusalén* (досл. ‘быть старше, чем Мафусаил’), т.е., *являться долгожителем*. В русском языке подобное выражение – *прожить Мафусаилов век* относится к исключительно книжному стилю и фактически не используется в разговорной речи [4, с.421]. Словосочетание *tener más paciencia que santo Job* (досл. ‘иметь больше терпения, чем святой Иов’), то есть, быть очень терпеливым, является отсылкой к ветхозаветному сюжету про святого Иова, который устоял перед испытаниями, уготовленными ему дьяволом, и смог сохранить свою веру, за что Господь его вознаградил. Наконец, в выражении *ser un barrabás* (досл. ‘быть Вараввою’), иными словами, непорядочным человеком, упоминается Варавва, преступник, освобождённый Понтием Пилатом в связи с празднованием Пасхи вместо Иисуса Христа.

Примечателен случай употребления имени *Мария* в испанской лингвокультуре. Прежде всего, стоит отметить, что это имя широко распространено в Испании как в качестве первого, основного, так и в качестве второго. Подобная частотность привела к довольно негативной коннотации данного имени, обозначающего женщину, которая посвящает себя лишь ведению домашнего хозяйства, а в студенческой среде таким образом обозначается маловажные и неинтересный предмет. *Estas asignaturas son las Marías*. – *Это неважные предметы*. [5]. В русском языке такого рода негативных коннотаций не наблюдается.

Существуют и уникальные фразеологические обороты, характерные только для русского языка, аналогов которых в испанском нет. Например, выражение *Содом и Гоморра*, по примеру одноименных библейских городов, уничтоженным Богом за царившие там разврат и грехи, в современном языке означает распущенность, суматоху, отсутствие порядка. Фразеологизм *Вавилонское столпотворение*, использующийся в речи, чтобы охарактеризовать, неразбериху, беспорядочное скопление людей, плохо организованное мероприятие, отсылает нас к библейской истории о попытке людей

¹ Имя Сары было изменено на «Сарра», с тех пор как ей было обещано, что она родит сына и станет прародительницей народов (Быт 17:15-16).

построить в Вавилоне башню до небес, которая служила бы символом самостоятельности человека, его гордости и желании возвысить себя до уровня Бога, который осудил представление человека о его безграничных возможностях и пресёк стремление людей объединиться, разделив их по языкам для того, чтобы они перестали понимать друг друга [6]. В русском языке словосочетание *Фома неверующий*, связано с апостолом Фомой. В соответствии с Евангелием от Иоанна, апостол Фома не поверил в воскресение Иисуса Христа до тех пор, пока не увидел Его воскресшим своими собственными глазами. Выражение *превращение Савла в Павла* используется, когда речь идет о кардинальных изменениях в жизни человека, когда полностью меняется его убеждения и мировоззрение.

Значительная часть библейских имён-собственных в составе фразеологизмов несёт в себе дополнительные семантические значения. Безусловно, можно найти достаточно примеров схожего значения библейских терминов в обоих языках, в том числе среди имён собственных. Так, *Голгофа* (исп. *Gólgota* или *Calvario*) имеет символическое значение в испанском и русском языках и несёт в себе значение места страданий и мучений. Имя *царя Соломона* в русской и испанской лингвокультурах ассоциируется с мудростью и справедливостью. В качестве примера приведем фразеологизм *соломоново решение*, который часто используется в русском языке, и означает простое и мудрое решение сложной проблемы, делая отсылку к известному библейскому сюжету о суде царя Соломона.

Вместе с тем, зачастую одно и то же понятие из Библии порождает различные по своей сути ассоциации и отсылки к различным библейским сюжетам в силу отличающихся национально-культурных реалий. Данный тезис можно проиллюстрировать на примере истории о старшем сыне Адама и Евы Каине, имя которого стало нарицательным для обозначения злобного, завистливого и подлого человека в обоих языках, например, испанский фразеологизм *alma de Caín* – *жестокий человек*; и русский – *каинова печать*, то есть серьёзное пятно на репутации человека. Вместе с тем, в русской языковой традиции есть такая поговорка – *трясется, что Каин, что осинový лист*, отражающая народные представления о нём также, как и о трусе. А в испанском языке имеется другая образная ассоциация, связанная с тем, что после убийства брата, Каин был изгнан и много страдал. Отсюда выражение *pasar las de Caín*, то есть пройти огонь и воду, многое пережить.

В русском языке мы говорим *беден как Лазарь* с отсылкой на библейскую притчу о бедном Лазаре, описанную в Евангелии от Луки [7]. При этом, появляется дополнительное значение в выражении *петь Лазаря*, т.е., пытаться вызвать жалость по отношению к себе (стихи о бедном Лазаре на Руси пели нищие). В испанском языке семантические поля значений связывают имя Лазаря исключительно с болезнью и бедностью, например, *estar hecho un Lázarо* (досл. *‘быть как Лазарь’*).

Такое имя как *Иуда* в обоих языках имеет значение предательства. Например, широко известное выражение *beso de Judas* (досл. 'поцелуй Иуды') обозначает предательский поступок, прикрываемый проявлениями любви и дружбы, ведь именно таким образом бывший ученик навёл солдат на Иисуса Христа и выдал Его. Отметим также, что в русской культуре появляется дополнительное смысловое значение – жадность Иуды Искарота. Отсюда такие выражения как *жадный как Иуда, продать за 30 сребреников* и т.п.

Проанализировав различные словосочетания и фразеологические обороты, связанные с библейскими именами собственными, можно условно разделить на те, которые встречаются в обоих языках и имеют схожие семантические значения, те, которые являются уникальными для каждого языка, а также на те, которые различаются оттенками смыслов в том или ином словосочетании в силу национально-культурной специфики их интерпретации. При этом, в русской традиции по-прежнему сохраняется сакральное значение библеизмов, поэтому их семантика зачастую не изменяется. В испанской же языковой культуре, напротив, наблюдается тенденция к десакрализации библейских образов, их существенному переосмыслению, что обусловлено сменой парадигмы мышления и ценностных ориентаций в мировом сообществе, что неизбежно находит своё отражение в языке.

Список источников:

1. Кутьева М.В. Духовные символы в переводах Библии на русский и испанский языки: различия образных реализаций //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – №. 15 (810). – С. 229-240.
2. Федосова О.В., Кутьева М.В. Национально-культурная специфика библейских антропонимов в составе испанских и русских фразеологизмов: динамический аспект //Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2021. – Т. 20. – №. 1. – С. 89-100.
3. Титаренко Н.В. Фразеологизм с компонентом-библеизмом: национально-культурное своеобразие (на материале русского и испанского языков). – 2011.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – 2007.
5. Andrés O., Ramos G. (ed.). Diccionario fraseológico documentado del español actual: locuciones y modismos españoles: basado en el diccionario del español actual de Manuel Seco, Olimpia Andrés, Gabino Ramos. – Aguilar, 2004.
6. Лонгман Т., Райкен Л., Уилхойт Д. Словарь библейских образов // СПб.: Библия для всех. – 2005.
7. Глушкова Н.М. Особенности реализации религиозной составляющей социокультурного компонента (на материале фразеологизмов русского, английского и испанского языков) //Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №. 2 (293). – С. 84-88.

CIVILIZACIÓN Y BARBARIEDAD: RUSIA Y AMÉRICA LATINA A TRAVÉS DE LOS SIGLOS

En el mundo contemporáneo, donde los procesos de globalización se enfrentan a una poderosa «rebelión de las excepciones» (en palabras de Octavio Paz), el estudio de las grandes comunidades cultural-históricas que no encajan en los modelos occidentales clásicos adquiere una especial relevancia. Rusia y América Latina son «mundos humanos de enormes dimensiones, con su propia identidad cultural e histórica» [10, p. 156]. Intentar compararlos es una tarea que lleva al investigador a replantearse. Los destacados científicos rusos Yakov Georgievich Shemyakin, Valery Borisovich Zemskov y Andrey Fedorovich Kofman contribuyeron de manera fundamental a la resolución de esta tarea.

En el centro de su diálogo científico se encuentra el concepto de «civilización fronteriza». No se trata de un estatus marginal o periférico, sino de un tipo especial de sistema civilizatorio. Si las civilizaciones clásicas de Occidente y Oriente (o «subecumenes», según la terminología de G.S. Pomerants) tienen una base religiosa y de valores relativamente monolítica, las comunidades fronterizas se forman en la intersección de mundos cualitativamente diferentes. Como subraya Y. G. Shemyakin, «la especificidad de las civilizaciones «fronterizas», a diferencia de las «clásicas», viene determinada por la diversidad dominante, que prevalece sobre la unidad» [8, p. 55]. Esta diversidad no excluye la unidad, pero la hace extremadamente específica.

V. B. Zemskov, cuya obra fue objeto de reflexión por parte de Shemyakin, postuló esta idea en relación con América Latina: «...el latinoamericano es, en el sentido más completo, un ser humano en la frontera etnocultural, dividido y unido por muchas líneas y tradiciones. Mestizaje a tal escala, interacción de diferentes niveles y tipos de tradiciones europeas, autóctonas y negras» [5, p. 251; citado en: 2, p. 78]. La civilización ruso-euroasiática, en opinión de los investigadores, se basa en un principio similar: la interacción de los principios eslavos, ugrofineses, turcos y otros crea la misma «coincidencia» (término de L. Sea), el mismo tejido heterogéneo de la existencia.

Sin embargo, la diversidad por sí sola no garantiza la sostenibilidad. ¿Cuál es el secreto de la longevidad histórica de estos mundos? La respuesta la da el concepto de «interdependencia», brillantemente aplicado por Shemyakin. Tomando prestado este término de S. S. Averintsev, muestra que la integridad en

las civilizaciones fronterizas no se basa en suavizar las contradicciones, sino en su tensión extrema. «El conflicto es, por definición, siempre una relación, es decir, una conexión entre las partes en conflicto. Y cuando el conflicto se convierte en una forma de existencia, dicha relación puede adquirir un carácter históricamente duradero» [10, p. 165]. La agudeza de las contradicciones no genera caos, sino una sistematicidad especial, que se equilibra al borde de la desintegración, pero que se mantiene gracias al «equilibrio» de los opuestos.

Este mecanismo queda perfectamente ilustrado en la famosa imagen de Blok, analizada por G. P. Fedotov y reinterpretada en clave civilizatoria por I. Kondakov. Se trata del fenómeno del «nomadismo espiritual» en la cultura sedentaria rusa. «El poeta se precipita a la batalla contra el ejército tártaro, llevando en su pecho la nostalgia tártara por la antigua libertad de la estepa» [10, p. 175]. «El origen estepario, «tártaro», se percibe —en una dolorosa ambivalencia— tanto como hostil y ajeno, como propio y familiar» [8, p. 176]. Este es el «conflicto» entre el sedentarismo y el nomadismo, el ortodoxismo y la libertad de la estepa, que determina el pulso de la historia rusa.

En el contexto latinoamericano, A. F. Kofman encuentra una imagen simbólica similar: el centauro. «Mezcla de criaturas fundamentalmente diferentes, el centauro simboliza la mezcla racial y expresa el motivo de la hibridación del mundo latinoamericano, además de combinar en sí mismo las hipóstasis de la bestia... En la interpretación latinoamericana, el centauro encarna la unión armoniosa de dos principios: el indígena, bárbaro, animal, natural (el caballo) y el europeo, civilizado (el hombre)» [Kofman, citado en: 8, p. 178)]. Como concluye acertadamente Shemyakin, el uso de la imagen mental del centauro es «una característica común de la estructura espiritual de Rusia, Eurasia y América Latina» [8, p. 179].

De esta antinomia y «interdependencia» se derivan una serie de características fundamentales que acercan ambos mundos.

En primer lugar, se trata de una relación especial con el Logos, la Palabra. En la tradición antigua y occidental, el Logos es el orden inmanente del ser, la ley racional del universo. En la frontera, como señala Shemyakin, «la Palabra como principio creador racional (Logos) se opone a la existencia actual (tanto de la naturaleza como del hombre) como encarnación del alogo, es decir, la existencia fuera del Logos y sus leyes, identificada con el caos» [8, p. 174].

La palabra aquí es una tarea, un proyecto, un intento de dar forma a una realidad rebelde y espontánea. De ahí la escasa capacidad para crear formas innovadoras, observada tanto en Rusia como en América Latina. Las únicas creaciones verdaderamente originales de América, en opinión de O. Pas, son las de las culturas precolombinas; todo lo demás es el resultado de un diálogo tortuoso con formas ajenas, europeas.

En segundo lugar, es la predominancia del espacio sobre el tiempo. Las extensiones gigantescas, «infinitas» e «ilimitadas» (las estepas rusas y la taiga

siberiana, la selva latinoamericana, la pampa, los Andes) forman un tipo especial de personalidad y cultura. En las obras de Shemyakin se destaca que «las ideas originales sobre la inmensidad (sin medida), la infinitud y la supranormalidad del espacio latinoamericano se extendieron a toda la realidad latinoamericana en su conjunto, en primer lugar al ser humano» [8, p. 179]. Salirse de los límites de la medida europea se convierte en una constante cultural. Lo mismo vemos en Rusia, donde «las extensiones... rompen las proporciones clásicas de la imagen occidental del mundo» [8, p. 179].

Al sintetizar los enfoques de Shemyakin y Kofman, se puede decir que las civilizaciones rusa y latinoamericana implementan una forma particular de ser cultural, en la que la identidad no se forma a través de la identificación con una tradición dominante, sino a través de la identificación con el propio proceso de interacción entre tradiciones. Esto es lo que Y. G. Shemyakin denomina «eje identificativo invariante». En su artículo de 2022, traza esta lógica a nivel de las prácticas cotidianas de la conquista: los españoles y los indígenas se identificaban no solo con su cultura ancestral, sino también con el proceso de su doloroso y fructífero contacto [11, pp. 7-8]. La mestizaje se convierte no solo en un principio racial, sino también ontológico. El mismo principio funciona en Rusia: la gran nación rusa se forma en el crisol de la interacción del mundo eslavo con la población finno-ugria y turca, en un diálogo constante entre el bosque y la estepa.

Así, el análisis comparativo entre Rusia y América Latina que hacen Shemyakin, Zemskov y Kofman no solo muestra un montón de similitudes históricas, sino también una profunda conexión estructural. Ambos mundos son variantes de una civilización «fronteriza» a escala planetaria. Los une la antinomia de la existencia, la forma de alcanzar la integridad a través del «enfrentamiento» de contradicciones, una comprensión especial del Logos como tarea, y no como un hecho, y, por último, la sensación de la inmensidad del espacio como un desafío y un destino. Esta afinidad, como acertadamente señaló G. S. Pomerants, los «condena» al diálogo, no solo entre ellos, sino también con el mundo entero, predeterminando su papel único en el proceso histórico mundial.

Referencias bibliográficas:

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. / Г.Д. Гачев. – Москва, 1988. – 450 с.
2. Гирин Ю.Н. Латинская Америка: начала самобытия // Художественная культура. 2020. № 4. С. 76–90.
3. Гирин Ю.Н. Поэтика сверхпределности. / Ю.Н. Гирин. – Санкт-Петербург, 2008. – 216 с.
4. Земсков В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – (Цитируется по: Гирин Ю.Н., 2020).

5. Земсков В.Б. О литературе и культуре Нового Света. / В.Б. Земсков. – Москва, 2014. – 592 с
6. Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. / А.Ф. Кофман. – Москва, 1997. – 320 с.
7. Померанц Г.С. Вокруг предвечной башни / Померанц Г.С. // Дружба народов. 1996, № 10. С. 150–156.
8. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. 391 с.
9. Шемякин Я.Г. К вопросу о роли пространства в цивилизационной системе: опыт "пограничных" цивилизаций планетарного масштаба в универсальном контексте / Я.Г. Шемякин // Новая и новейшая история, 2020, № 3. С.7-20.
10. Шемякин Я.Г. Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В.Б. Земскова / Я.Г. Шемякин // Мир России, 2016, № 1. С.154-180.
11. Шемякин Я.Г. К вопросу о культурной детерминации различных сфер жизни социума. Духовно-ценностное измерение // Латинская Америка. 2022. № 11. С. 6–25.
12. Шемякин Я. Г. Рождение цивилизации. Размышления над книгой А.Ф. Кофмана / Я.Г. Шемякин // Латинская Америка, 2018, № 6. – С.30-45.
13. Шемякин Я. Г. Субэкумены и "пограничные" цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта/Я. Г. Шемякин Ст. 1 // Общественные науки и современность, 2014, № 2. С. 113-123

УДК 339.9 (7/8)

Patricio Gajardo Bagnara
Erik Escalona Aguilar
Alyshon Isabel Vásquez Matus
Facultad de Ingeniería, Ciencia y Tecnología
Universidad Bernardo O'Higgins

EL CONTROL INTERNO COMO HERRAMIENTA PARA LA DETECCIÓN Y REPORTE DEL FRAUDE EN PYMES CHILENAS

1. Introducción

El fraude organizacional representa uno de los principales riesgos para la sostenibilidad financiera, reputacional y operativa de las pequeñas y medianas empresas (PYMES), especialmente en contextos caracterizados por estructuras de gestión informales, concentración de funciones y limitados recursos de

supervisión. En Chile, las PYMES constituyen más del 90% del tejido empresarial y desempeñan un rol fundamental en la generación de empleo y valor económico, lo que hace especialmente relevante analizar los mecanismos que contribuyen a fortalecer su gobernanza y resiliencia.

El control interno, definido por el Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO) como un proceso diseñado para proporcionar seguridad razonable sobre el logro de los objetivos organizacionales, ha sido ampliamente abordado desde una perspectiva normativa y de auditoría. No obstante, gran parte de la evidencia empírica se ha concentrado en grandes corporaciones y mercados desarrollados, dejando un vacío significativo en estudios aplicados a PYMES y economías emergentes.

Diversos estudios sostienen que sistemas de control interno robustos contribuyen no solo a la prevención del fraude, sino también a su detección temprana, reduciendo pérdidas económicas y fortaleciendo la transparencia organizacional. Sin embargo, la relación cuantitativa entre el nivel de implementación del control interno y la detección efectiva de fraude sigue siendo un tema insuficientemente explorado en contextos latinoamericanos.

En este contexto, el objetivo de la presente investigación es analizar empíricamente la relación entre el nivel de implementación del control interno y la detección de fraude organizacional en PYMES chilenas, integrando evidencia estadística robusta y un análisis bibliométrico que permita situar el estudio dentro de la evolución académica internacional del campo.

Nuestra pregunta de investigación es:

¿Existe una relación estadísticamente significativa entre el nivel de implementación del control interno y la capacidad de detección y reporte del fraude organizacional en las PYMES chilenas?

2. Marco teórico y análisis bibliométrico

2.1. Control interno y gobernanza organizacional

El control interno se concibe como un sistema integrado de políticas, procedimientos y prácticas orientadas a asegurar la eficiencia operativa, la confiabilidad de la información financiera y el cumplimiento normativo (COSO, 2013). Desde la teoría de agencia, el control interno actúa como un mecanismo de alineación de intereses, reduciendo asimetrías de información y riesgos oportunistas (Jensen & Meckling, 1976).

Estudios empíricos han demostrado que organizaciones con mayores niveles de madurez en control interno presentan mejor calidad de la información financiera, menor riesgo operativo y estructuras de gobernanza más sólidas (Doyle et al., 2007; Ashbaugh-Skaife et al., 2007).

2.2. Control interno y fraude organizacional

El fraude organizacional se define como el uso intencional del engaño para obtener beneficios indebidos, generando pérdidas económicas y deterioro reputacional (ACFE, 2022). La literatura identifica la debilidad del control

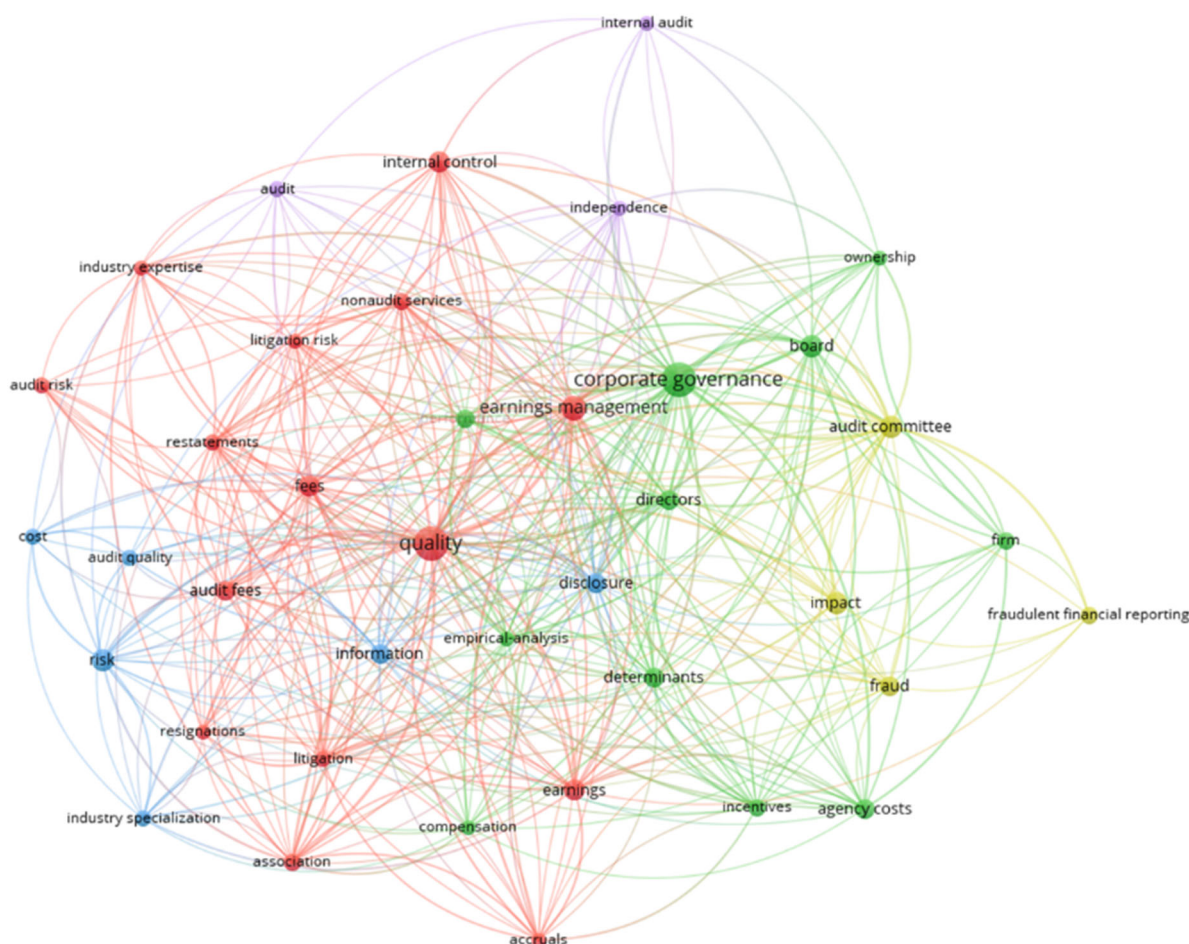
interno como uno de los principales facilitadores del fraude, particularmente en entornos con escasa segregación de funciones (Albrecht et al., 2012).

En PYMES, estas vulnerabilidades se intensifican debido a restricciones de recursos y menor formalización de procesos, lo que refuerza la necesidad de sistemas de control interno adaptados a su realidad operativa (Said et al., 2017).

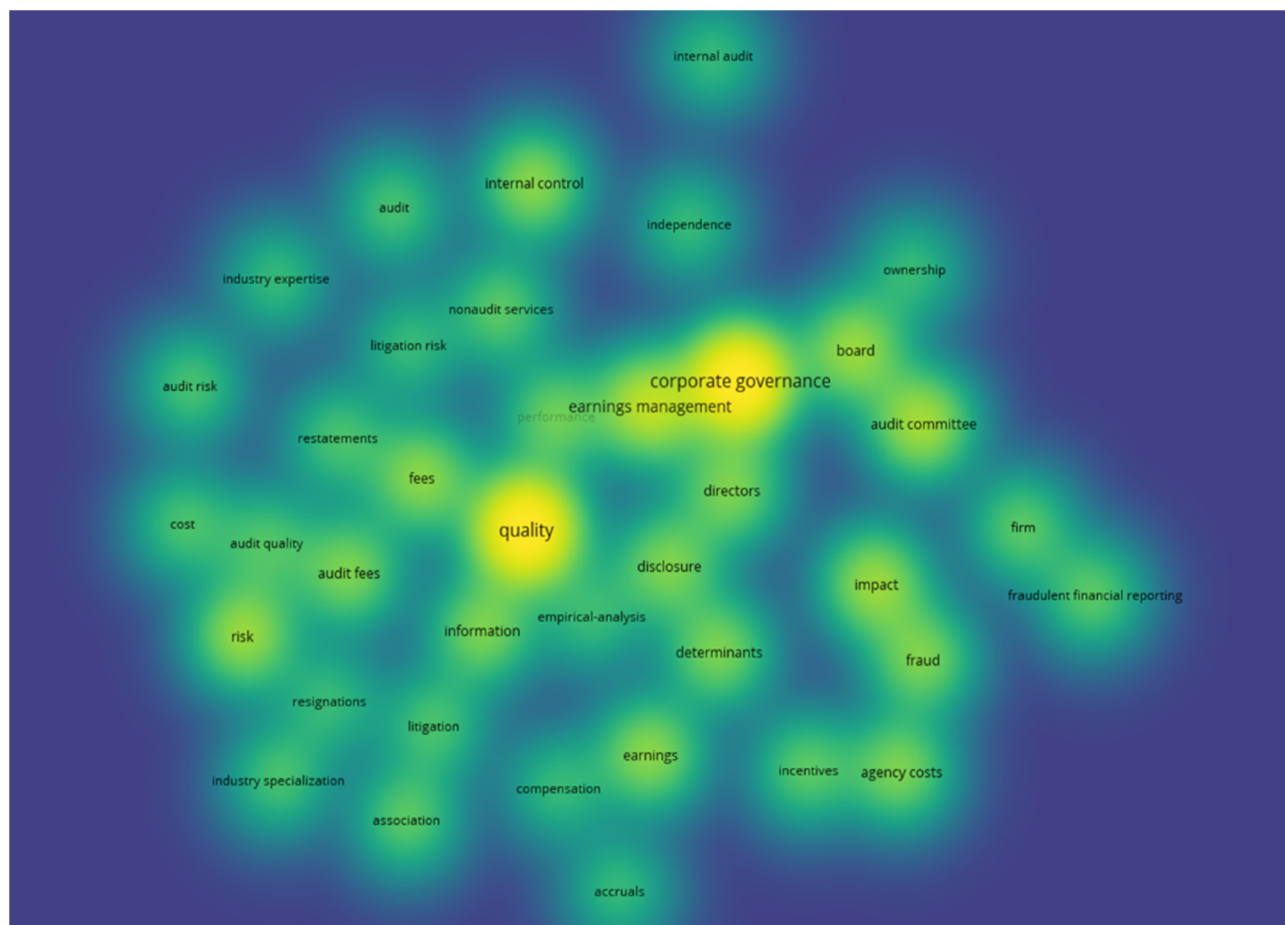
2.3. Análisis bibliométrico de la investigación (1995–2025)

El análisis bibliométrico realizado sobre literatura indexada entre 1995 y 2025 considera 100 documentos científicos provenientes de 60 fuentes académicas, con la participación de 248 autores. La tasa de crecimiento anual de la producción científica alcanza un 3,73%, evidenciando un interés creciente por los sistemas de control interno, auditoría y fraude organizacional.

Las redes de coocurrencia de palabras clave, visualizadas mediante VOSviewer, identifican clústeres dominantes asociados a internal control, corporate governance, audit quality, fraud y earnings management. El mapa de densidad confirma la centralidad de la gobernanza corporativa y la calidad de auditoría como ejes estructurantes del campo.

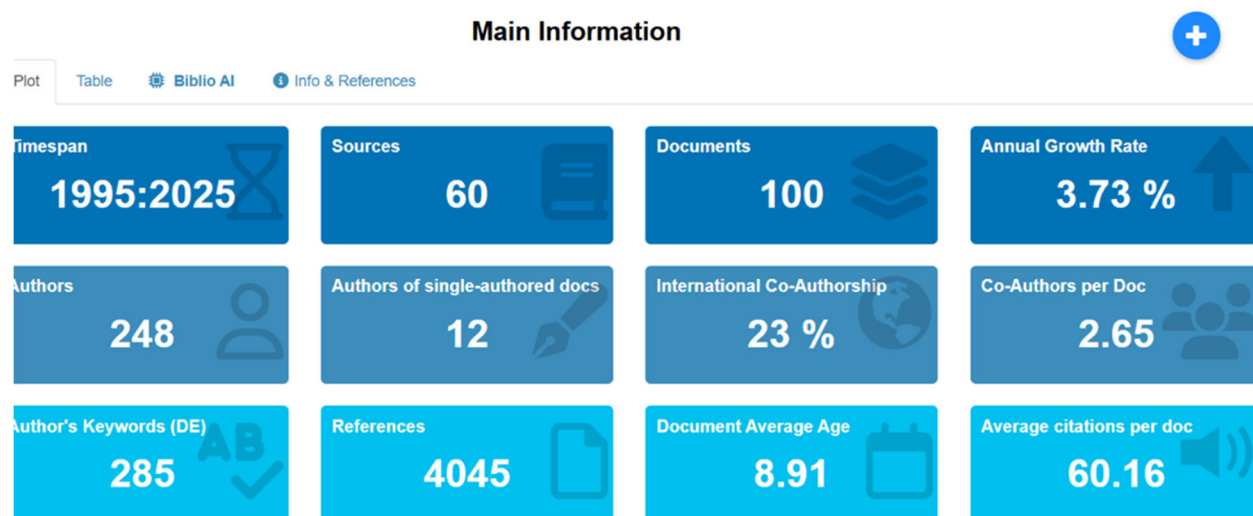

Fuente: Confección propia adaptado de base de datos
WoS en software VOS viewer

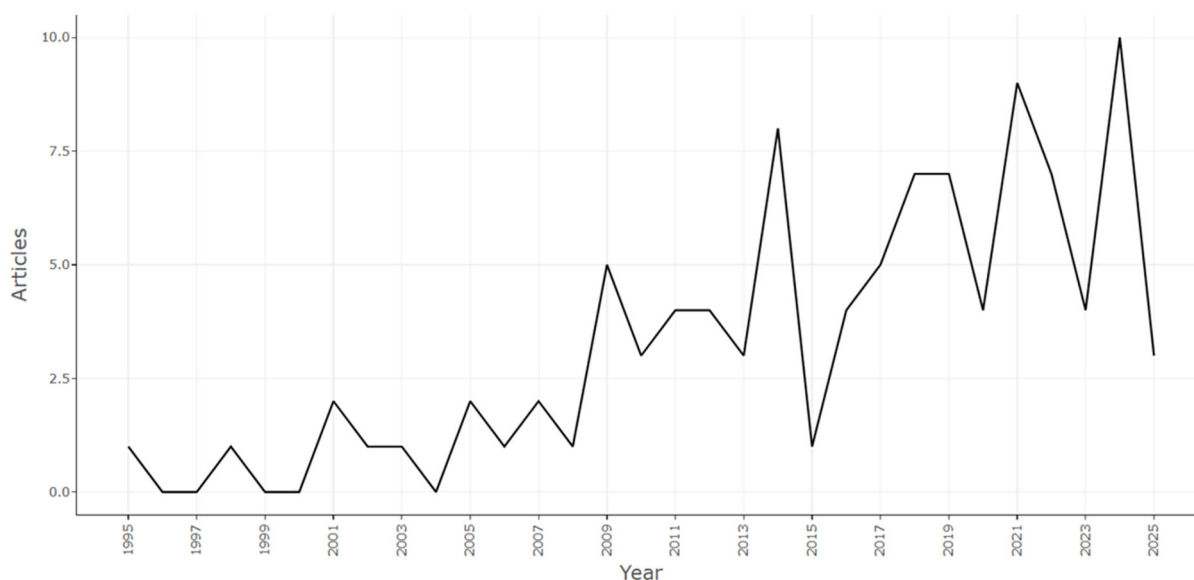
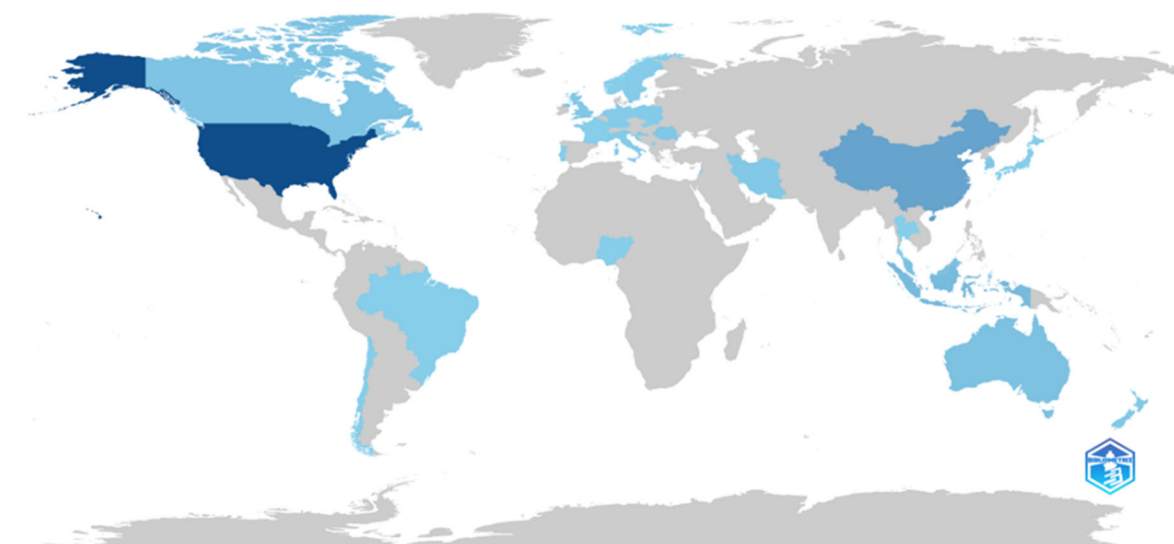

Fuente: Confección propia Visualización de densidad análisis bibliométrico de palabras claves

Desde una perspectiva geográfica, la producción científica se concentra en Estados Unidos y Europa, mientras que América Latina presenta una contribución marginal, lo que refuerza la relevancia del presente estudio al aportar evidencia empírica desde el contexto chileno.

Country Scientific Production

Fuente: Confección propia

2.4. Formulación de hipótesis de investigación

A partir del marco teórico, del análisis bibliométrico y de la evidencia previa que vincula el control interno con la gobernanza y la detección del fraude organizacional, se plantea que un mayor nivel de implementación del control interno incrementa la capacidad de las PYMES para detectar y reportar irregularidades.

En consecuencia, la presente investigación formula la siguiente hipótesis general:

Hipótesis de investigación (H_1)

H_1 : Existe una relación positiva y estadísticamente significativa entre el nivel de implementación del control interno y la capacidad de detección y reporte del fraude organizacional en PYMES chilenas.

Esta hipótesis se sustenta en la premisa de que sistemas de control interno más robustos, alineados con el marco COSO 2013, fortalecen la supervisión, reducen las asimetrías de información y mejoran los mecanismos de identificación de irregularidades dentro de las organizaciones.

Hipótesis nula (H_0)

H_0 : No existe una relación estadísticamente significativa entre el nivel de implementación del control interno y la capacidad de detección y reporte del fraude organizacional en PYMES chilenas.

3. Metodología

3.1. Diseño de investigación

Se adoptó un enfoque cuantitativo con diseño no experimental, transversal y correlacional.

3.2. Muestra

La muestra estuvo compuesta por 71 PYMES chilenas de los sectores comercio, servicios e industria, seleccionadas mediante muestreo no probabilístico por conveniencia.

3.3. Variables

Las hipótesis planteadas se contrastan empíricamente mediante un modelo de regresión lineal simple, donde:

Variable independiente (X): Nivel de implementación del control interno, medido mediante el Índice de Control Interno (ICI).

Variable dependiente (Y): Capacidad de detección y reporte de fraude organizacional, operacionalizada como un constructo continuo.

El contraste de hipótesis se realiza evaluando la significancia estadística del coeficiente asociado al ICI (β_1), bajo un nivel de significancia del 5% ($\alpha = 0,05$). La aceptación de la hipótesis de investigación se produce cuando el coeficiente es positivo y estadísticamente significativo ($p < 0,05$).

3.4. Instrumento y análisis de datos

El ICI se construyó a partir de un cuestionario basado en el marco COSO 2013, considerando sus cinco componentes. Las respuestas fueron recodificadas en una escala Likert de 1 a 5. Se aplicó regresión lineal simple, considerando un nivel de significancia del 5%.

4. Resultados

Los resultados evidencian una relación positiva, fuerte y estadísticamente significativa entre el control interno y la detección de fraude. El coeficiente de correlación alcanza un valor de $R = 0,842$, mientras que el coeficiente de determinación es $R^2 = 0,709$ (R^2 ajustado = $0,705$), indicando que el 71% de la variabilidad de la variable dependiente es explicada por el ICI.

El modelo resulta estadísticamente significativo ($F = 168,36$; $p < 0,001$). El coeficiente asociado al control interno es positivo y altamente significativo ($\beta = 0,432$; $t = 12,98$; $p < 0,001$), con un intervalo de confianza del 95% entre $0,366$ y $0,499$.

Estadísticas de la regresión	
Coefficiente de correlación múltiple	0,84220177
Coefficiente de determinación R ²	0,70930383
R ² ajustado	0,70509084
Error típico	0,24212766
Observaciones	71

ANÁLISIS DE VARIANZA

	Grados de libert.	Suma de cuadrados	Promedio de los cuadrados	F	Valor crítico de F
Regresión	1	9,870312435	9,870312435	168,3612275	3,48104E-20
Residuos	69	4,045180522	0,058625805		
Total	70	13,91549296			

	Coefficientes	Error típico	Estadístico t	Probabilidad	Inferior 95%	Superior 95%	Inferior 95,0%	Superior 95,0%
Intercepción	-0,94131362	0,132152696	-7,122924036	7,96097E-10	-1,204951031	-0,677676201	-1,204951031	-0,677676201
Variable X 1	0,43212097	0,033303072	12,97540857	3,48104E-20	0,365683158	0,498558781	0,365683158	0,498558781

Con base en los resultados obtenidos:

$$\beta = 0,432$$

$$t = 12,98$$

$$p < 0,001$$

$$R^2 = 0,709$$

Se rechaza la hipótesis nula (H_0) y se acepta la hipótesis de investigación (H_1), confirmando que el nivel de implementación del control interno ejerce un efecto positivo, fuerte y estadísticamente significativo sobre la detección del fraude organizacional en PYMES chilenas.

5. Discusión

Los resultados confirman empíricamente el rol estructural del control interno en la detección del fraude organizacional, superando la evidencia de efectos moderados reportados en estudios previos. La alta capacidad explicativa del modelo sugiere que, en PYMES chilenas, el control interno constituye un factor determinante de la capacidad de detección y reporte de irregularidades.

6. Conclusiones

La investigación concluye que existe una relación positiva, fuerte y estadísticamente significativa entre el nivel de implementación del control interno y la detección de fraude organizacional en PYMES chilenas. El control interno emerge como una herramienta estratégica de gobernanza y sostenibilidad empresarial. Se reconoce como limitación el diseño transversal y el muestreo no probabilístico, recomendándose futuras investigaciones longitudinales y comparativas.

Referencias bibliográficas:

1. ACFE. (2022). Report to the Nations: Global study on occupational fraud and abuse.
2. Albrecht, W. S., Albrecht, C. C., & Albrecht, C. O. (2012). Fraud examination.
3. Ashbaugh-Skaife, H., Collins, D. W., & Kinney, W. R. (2007). Journal of Accounting and Economics, 44(1–2), 166–192. <https://doi.org/10.1016/j.jacceco.2006.10.001>
4. COSO. (2013). Internal Control – Integrated Framework.

5. Doyle, J. T., Ge, W., & McVay, S. (2007). *The Accounting Review*, 82(5), 1141–1170. <https://doi.org/10.2308/accr.2007.82.5.1141>
6. Jensen, M. C., & Meckling, W. H. (1976). *Journal of Financial Economics*, 3(4), 305–360. [https://doi.org/10.1016/0304-405X\(76\)90026-X](https://doi.org/10.1016/0304-405X(76)90026-X)
7. Said, J., Omar, N., Rafidi, M., & Zainuddin, N. (2017). *Journal of Financial Crime*, 24(4), 891–908. <https://doi.org/10.1108/JFC-01-2017-0006>

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие участникам конференции.....	3
От составителя.....	4

Раздел 1.

Секция «Культура».

Культурное пространство Ибероамерики: история и современность

Абрамкина А.И. Хамон как объект гастрономического наследия: виды и технологии производства.....	7
Фёдорова Н.А. Испанские парадоры: особенности гостиничной модели и её вклад в сохранение культурного наследия и развитие региональной экономики.....	10
Хавьер Дени Вискайно Гонсалес. Традиционные детские игры на Кубе	14
Дайлон Ла Роса Абриу. Народные праздники на Кубе: карнавалы и паррандас	17
Валуева К.А. Latam-gpt как инструмент сохранения культурного многообразия в эпоху ИИ.....	18
Чернаусова А.С., Игнатьева Э.С. Общие и национальные особенности мемов в русскоязычном и испаноязычном интернет-пространстве	22
Кривонос А.А. Тайны и мифы Латинской Америки: анализ популярных конспирологических теорий	26
Негериш Е.О. Русская диаспора в странах Латинской Америки: от сохранения идентичности к новым векторам культурного развития.....	30

Раздел 2. Секция «Экономика».

Вызовы и перспективы экономической политики ибероамериканских стран

Александров И.Р. Устойчивый агроэкспорт Латинской Америки: потенциал и барьеры.....	36
Егорова В.А., Овчинников А.К. Финансовые инновации: внедрение технологий для устойчивого роста в странах Карибского бассейна	39
Ершова В.М. Структура и динамика рынка медицинского оборудования в странах Латинской Америки	43
Зивреева М.Э., Юдина Д.А. Экономическое взаимодействие стран Латинской Америки и Африки в XXI в.: тенденции и проблемы	47
Семенов Я.С. Сотрудничество КНР и стран Латинской Америки в сфере автомобилестроения.....	51

Раздел 3. Секция «Политика».

Социально-экономическое и политическое развитие современной Испании и Латинской Америки

Апарышева И.М. Особенности международной миграции рабочей силы из Мексики в США	57
Багдасарян С.Н. Спад «розовой волны» в странах Латинской Америки	61
Варламова А.Е. Реакция стран глобального юга и Российской Федерации на эскалацию конфликта США и Венесуэлы	65
Земцов Е.Р. Основные направления и формы участия Чили в международных интеграционных процессах.....	69
Миронова А.О. Русская диаспора в Латинской Америке как инструмент «мягкой силы» России.....	73
Назарова В.А. Испанская колониальная экспансия versus «мягкая сила» современной Испании в составе Европейского союза.....	77
Тельпиз Г.А., Шкунда Б.М. Современная Венесуэла: внутриполитические кризисы внешнеэкономические условия	81
Толстая К.Р. Антарктическая политика Аргентины при президентстве Хавьера Милея.....	85

Раздел 4.

Rusia y Latinoamérica:

La cooperación económica, política, cultural

Абакулина В.Д., Стальмакова В.А. La cultura vitivinícola como uno de los recursos principales en las economías de Chile y Crimea	91
Daniela Concha, Patricio Zagal. Chile y Rusia: análisis de oportunidades de colaboración económica y cultural en el marco de la diplomacia iberoamericana	94
Гришина А.М. Cooperación económica entre Moscú y Brasilia como resultado de la cooperación interparlamentaria	107
Иванова А.В. Beneficios económicos de la presencia de Rosatom en América Latina	111
Иванова В.Э. Moscú y Managua: perspectivas de cooperación interparlamentaria a nivel económico, humanitario y cultural	115
Kirillovskaja Iaroslava D. Suministro de maquinaria agrícola rusa especializada para viticultura y fruticultura de Chile	117
Гришкова М.В. El apoyo estatal y la promoción de la lengua rusa en los países de América Latina como una herramienta de la diplomacia cultural de Rusia	123
Krivos A.A. Popol Vuh: la antigua epopeya maya-quiché como una ventana al mundo de la mitología y la cultura espiritual de Mesoamérica	126

Поддубская А.Д., Кухар Е.А. Dos facetas, dos extremos, – un símbolo: la Patagonia y Chukotka.....	129
--	-----

Раздел 5.

Актуальные проблемы современной латиноамериканистики

Dr. Martín Lara, Mg. Carolina Aravena-Ortega, Mg. Jaime Zañartu, Dr. Francisco Ocaranza. Las prácticas pedagógicas no convenientes en la formación inicial docente de profesores de historia y geografía en Chile: el caso de la Universidad Bernardo o'Higgins.....	133
Baikova A.S. La eficacia del método de la búsqueda implicativa de G. G. Molchánova en la traducción de las obras dramáticas de A. P. Chéjov (en el ejemplo De la pieza «Tres hermanas»)	144
Bogoslovskaja S.A. La influencia de las leyendas indígenas en la cultura moderna hispana en el ejemplo de la Llorona	148
Lukicheva A.O., Emiliano de Rokha. La lucha de la familia de Rokha contra el fascismo.....	152
Макарычева А. В., Смирнова Е. В. Интерпретация библейских имён собственных в русской и испанской лингвокультурах	156
Непомнящая М.Л. Civilización y barbariedad: Rusia y América Latina a través de los siglos.....	160
Patricio Gajardo Bagnara, Erik Escalona Aguilar, Alyshon Isabel Vásquez Matus. El control interno como herramienta para la detección y reporte del fraude en pymes chilenas	163

Научное издание

**ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН**

Сборник материалов
по итогам XIII межвузовской научно-практической конференции

Санкт-Петербург

28 ноября – 1 декабря 2025 г.

*Под редакцией доктора экономических наук,
профессора И.А. Максимцева*

Верстка Ю.К. Трубкиной

Подписано в печать 24.06.2026. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 11,0. Тираж 500 экз. Заказ 213.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ